

К. В. Стволыгин

**ОТКАЗЫ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ
ВСЛЕДСТВИЕ УБЕЖДЕНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Монография

Минск
РИВШ
2010

УДК 947
ББК 63.3(2)
С11

Рекомендовано
Советом филиала РГСУ в г. Минске
(протокол № 5 от 29 июня 2010 г.)

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор А. Ф. Вишнеvский;
доктор исторических наук, профессор Э. А. Забродский

*Монография подготовлена в рамках реализации
научно-исследовательской проблематики, осуществляемой
кафедрой психологии филиала РГСУ в г. Минске*

В оформлении обложки использованы картины
В. Мазуровского «Атака лейб-гвардии Конного полка на французских
кирасир в сражении под Фридландом 2 июня 1807 года»
и В. Верещагина «Апофеоз войны»

Стволыгин, К. В.
С11 Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи : монография / К. В. Стволыгин. — Минск : РИВШ, 2010. — 248 с.
ISBN 978-985-500-423-4.

В монографии исследуются теоретический аспект проблемы отказов от военной службы вследствие убеждений; характер этих отказов у подданных Российской империи; обусловленность, сущность и противоречивость российской государственной политики в отношении лиц, отказывающихся от военной службы по убеждениям; раскрывается опыт организации альтернативной гражданской службы российских меннонитов в лесных командах. По результатам проведенного исследования автором сформулированы выводы, уроки и практические рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование практики освобождения граждан от военной службы вследствие их убеждений, использования института альтернативной службы в современных условиях.

Материал может быть использован законодательными, исполнительными и судебными органами, в учебном процессе при изучении прав человека. Адресуется гражданам, имеющим пацифистские убеждения, а также широкому кругу читателей.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 978-985-500-423-4

© Стволыгин К. В., 2010
© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Отказы от военной службы вследствие убеждений: теоретический аспект проблемы	10
1.1. Аналитический обзор литературы по проблеме отказов от военной службы по убеждениям в Российской империи.....	10
1.2. Феномен отказов от воинской повинности.....	18
1.3. Специфика отказов от военной службы вследствие убеждений призывников.....	29
1.4. Отказы от несения военной службы по религиозным убеждениям.....	37
1.5. Актуальные задачи, обусловленные узаконением права граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы.....	48
Глава 2. Характер отказов от военной службы вследствие убеждений подданных Российской империи	59
2.1. Отрицание военной службы религиозным сектантством.....	59
2.1.1. Общая характеристика религиозного сектантства в России.....	59
2.1.2. Отрицание воинской повинности членами религиозных сект российского происхождения.....	63
2.1.3. Религиозный пацифизм меннонитов.....	70
2.2. Неприятие воинской службы толстовцами.....	83
2.2.1. Отношение Л. Н. Толстого к военной службе.....	83
2.2.2. Практическая значимость и реализация подходов Л. Н. Толстого к военной службе.....	95
2.3. Численность и классификация отказников от военной службы в Российской империи.....	101
Глава 3. Государственная политика, проводимая в Российской империи в отношении лиц, отказывающихся вследствие убеждений от военной службы	109
3.1. Обусловленность и сущность российской государственной политики в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений.....	109
3.1.1. Обусловленность российской государственной политики по отношению к отказам от военной службы вследствие убеждений.....	109

3.1.1.1. Внутренние причины, детерминирующие государственную политику в Российской империи в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений	110
3.1.1.2. Внешняя обусловленность российской государственной политики в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений	138
3.1.2. Сущность государственной политики в Российской империи в отношении лиц, отказывающихся вследствие убеждений от военной службы	157
3.1.2.1. Государственная политика в Российской империи по отношению к религиозному сектантству.....	157
3.1.2.2. Запретительное направление российской государственной политики в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений	160
3.1.2.3. Разрешительное направление российской государственной политики в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений	171
3.2. Альтернативная служба российских меннонитов.....	193
3.3. Политика Временного правительства России в отношении отказов от воинской повинности вследствие убеждений	199
Заключение	207
Список литературы	214
Приложения	226

ВВЕДЕНИЕ

Последнее десятилетие прошлого века отмечено значимым событием в области прав человека — право граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы получило международное признание и соответствующее документальное оформление. Основываясь на принятых международных документах, большинство развитых в демократическом отношении государств внесли необходимые изменения в свои национальные законодательства и правовую практику.

Процесс реализации права граждан на отказ по убеждениям от воинской повинности, введения института альтернативной службы, призванной заменить военную службу, в разных странах имеет свою специфику и подчас сопровождается рядом существенных затруднений. Несвоевременное преодоление этих затруднений неизбежно ведет к снижению эффективности данного процесса. Особенно это характерно для ряда стран Содружества Независимых Государств (СНГ). К примеру, на постсоветском пространстве возникла так называемая «азиатская модель» альтернативной службы (Кыргызстан, Узбекистан) [102, с. 11]. В рамках этой модели управление альтернативной службой осуществляется военным министерством и его структурами на местах; на альтернативную службу, как правило, направляются либо по «семейным обстоятельствам» призывники из незащищенных слоев населения (выходцы из многодетных семей и т. п.), либо в качестве наказания (судимые лица); альтернативщики¹. Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи, проводимая в их отношении государственная политика пока не стали предметом специального, целостного, всестороннего исторического исследования. Опыт освобождения от военной службы вследствие убеждений призывников, накопленный в Российской империи более чем за 40 лет, в большинстве своем остался за пределами внимания исследователей.

Модельный закон СНГ «Об альтернативной (вневоинской) службе», принятый на XIV Пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление № 14-11

¹ В ряде источников используется понятие «альтернативщики». К альтернативщикам, как правило, относят граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу.

от 16 октября 1999 г.), по сути, базируется именно на «азиатской модели» альтернативной службы и существенно отличается от соответствующего международного стандарта [102, с. 11]. Основное отличие состоит в том, что право на освобождение от военной службы и направление на альтернативную службу предоставляется призывникам не столько по убеждениям, сколько по различным социальным критериям. Из 11 оснований модельного закона, дающих право на прохождение альтернативной (вневоинской) службы (ст. 2), только одно связано с убеждениями гражданина. Именно связано, так как сами убеждения в этом основании не упоминаются вообще. Речь идет исключительно о членстве в зарегистрированной в установленном законом порядке религиозной организации, вероучение и устав которой не допускают пользование оружием и службу в вооруженных силах. Восемь оснований закона, дающих право на прохождение альтернативной службы, связаны с семейным положением призывника [1, с. 347].

Подтверждением существенных трудностей с введением альтернативной службы на постсоветском пространстве являются и сроки ее законодательного оформления. Так, ныне действующая Конституция Российской Федерации (принятая 12 декабря 1993 г.) закрепила за гражданами право на замену военной службы альтернативной гражданской службой, если несение военной службы противоречит их убеждениям или вероисповеданию. Однако сам механизм реализации этого права на уровне соответствующего закона не работал вплоть до 2004 г., что привело к созданию правового вакуума в вопросах альтернативной службы². В Республике Беларусь в настоящее время ситуация с правовым регулированием альтернативной службы аналогична той, что имела место в Российской Федерации до принятия соответствующего закона. Конституция Республики Беларусь (ст. 57), гарантируя гражданам свободу убеждений, предусматривает возможность замены воинской службы службой альтернативной [85, с. 60]. При этом сам закон об альтернативной службе в Республике Беларусь до настоящего времени не принят, хотя работа над его проектом ведется с начала 1992 г. Важно отметить, что в Беларуси проблема укомплектования вооруженных сил солдатами и сержантами срочной службы не представляется такой острой, как в России: опасения оттока части призывников на альтер-

² Государственная Дума приняла Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» 28 июня 2002 г., в юридическую силу этот закон вступил только 1 января 2004 г.

нативную службу и, как следствие этого, неуккомплектованность вооруженных сил выступали как основное препятствие на пути узаконения в Российской Федерации альтернативной службы.

Правовой вакуум в вопросах альтернативной службы, имевший место в России более десятка лет, не мог не привести к негативным последствиям. Призывникам, освобожденным по убеждениям от военной службы в соответствии с их конституционным правом, оставалось ждать одного из двух возможных вариантов развития событий. Первый вариант — когда отдельные экспериментальные попытки прохождения альтернативной службы уступят место узаконенному институту такой службы и ее реально можно будет пройти; второй — когда в силу их возраста (27 лет) проблема призыва как на военную, так и на альтернативную службу отпадет сама собой. Для части призывников, не желавших служить в вооруженных силах по корыстным мотивам³, второй вариант показался очень даже привлекательным. Симулировать убеждения значительно проще, чем заболевания, несовместимые с прохождением военной службы, но самое главное — в будущем наличие таких убеждений не сулит каких-либо ограничений в отличие от установленных заболеваний. Пацифистские убеждения, симулированные призывником, не являются в будущем препятствием для занятия руководящих постов или для управления автомобилем, а вот заболевания, к примеру психические, могут таким препятствием стать. Таким образом, возник еще один способ уклонения от военной службы по призыву. Причем применение этого способа на практике получило вполне легальную профессиональную юридическую поддержку (например, в виде различных памяток и наставлений по оформлению необходимых документов), что делало его еще более эффективным, а значит, и привлекательным.

Спекуляции части призывников на убеждениях, несовместимых с прохождением воинской службы, вели к дискредитации самой идеи замены военной службы службой альтернативной. Кроме того, у части общества укреплялись предрассудки относительно тех граждан, убеждения которых не позволяют им нести военную службу. Такие граждане для носителей этих предрассудков ничем не отличались от призывников, уклоняющихся от прохождения

³ Под корыстными мотивами в данном случае понимаются мотивы, связанные с получением личной выгоды в виде незаконного освобождения от прохождения обязательной военной службы, т. е. все другие мотивы кроме убеждений и вероисповедания, противоречащих несению этой службы.

военной службы по корыстным соображениям, и воспринимались крайне негативно. Ситуация усложнялась и тем обстоятельством, что носителями предрассудков выступали не только рядовые граждане, но и представители законодательной и исполнительной власти, от которых во многом зависело введение института альтернативной службы.

Несмотря на то, что в настоящее время в Российской Федерации реально функционирует институт альтернативной гражданской службы, а в Республике Беларусь это, скорее всего, лишь вопрос времени, ряд проблем, связанных с освобождением граждан вследствие их убеждений от военной службы, ее замены службой альтернативной, представляется далеким от своего окончательного разрешения. К числу таких проблем в первую очередь следует отнести: дифференциацию мотивов, ведущих к отказам от военной службы; доказательность суждений о наличии или отсутствии у человека искренних убеждений, несовместимых с несением военной службы; приоритетность самих пацифистских убеждений, а не статуса лиц, имеющих такие убеждения или обстоятельств их возникновения и проявления; уравнивание военной службы и альтернативной службы по тяготам и лишениям, связанным с их прохождением и др.⁴

Решение перечисленных выше проблем предполагает дальнейшее совершенствование соответствующей законодательной базы. В процессе такого совершенствования ключевое значение имеет обеспечение необходимой научной информацией законодательных, исполнительных и судебных органов; граждан, имеющих пацифистские убеждения. Ответить на запрос современности и решить актуальную задачу обеспечения всесторонней научной информацией по проблемам отказов граждан вследствие убеждений от военной службы, замены ее альтернативной службой без проведения дополнительных полномасштабных исследований достаточно сложно. Важное место среди них должны занять исторические исследования.

В настоящее время в опубликованных материалах об альтернативной службе отражается главным образом современный опыт западных стран. Он, безусловно, ценен, но его явно недостаточно. Условия прохождения военной службы, ее популярность среди призывников, законопослушание граждан, проживающих в странах

⁴ Некоторые из этих проблем по мере изложения материала будут рассмотрены более подробно.

СНГ, во многом отличаются от других стран. Именно поэтому важно учитывать не только зарубежный, но и отечественный опыт освобождения от военной службы вследствие убеждений призывников. В общей сложности этот опыт накапливался более 60 лет, причем две трети этого опыта обусловлены государственной политикой, проводимой в Российской империи. Однако в русскоязычной научной литературе данный опыт практически не представлен.

Актуальность и значимость данного исследования детерминирована рассмотренными выше обстоятельствами. Эти же обстоятельства определяют и хронологические рамки исследования — XVIII — начало XX вв.

Предметом исследования выступают отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи и проводимая в их отношении государственная политика.

Цель исследования — выявить характер отказов от военной службы вследствие убеждений подданных Российской империи; обусловленность и сущность государственной политики, проводимой в отношении этих отказов.

В исследовании автор попытался провести анализ убеждений, противоречащих прохождению военной службы у населения Российской империи; показать причинную обусловленность, сущность и противоречивость российской государственной политики в отношении отказов от воинской повинности вследствие убеждений; раскрыть опыт альтернативной гражданской службы российских меннонитов в лесных командах; на основании проведенного исследования сформулировать научно обоснованные выводы и практические рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование практики использования института альтернативной гражданской службы в современных условиях.

Монография подготовлена в рамках темы «Психологическое сопровождение становления активной жизненной позиции современной молодежи», разрабатываемой кафедрой психологии Филала РГСУ в г. Минске и индивидуального научного проекта «Отказы от воинской службы: социально-психологический аспект», выполняемого автором монографии.

Глава 1. ОТКАЗЫ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ВСЛЕДСТВИЕ УБЕЖДЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

1.1. Аналитический обзор литературы по проблеме отказов от военной службы по убеждениям в Российской империи

Аналитический обзор литературы по проблеме отказов от военной службы по убеждениям представляется целесообразным предварить фиксацией некой общей тенденции. Эта тенденция вытекает из анализа отечественных исследований темы отрицания военной службы как таковой, независимо от того, мотивировано ли это отрицание какими-либо убеждениями или корыстными интересами призывников. Суть тенденции состоит в том, что данные исследования, если судить по публикациям их результатов в открытой печати, малочисленны, не отличаются системностью, носят скорее описательный, а не объяснительный характер. Наряду с этим актуальность подобных исследований не вызывает сомнений, поскольку отрицание военной службы в целом или тех или иных ее обязанностей существует столько, сколько и сама эта служба.

Объяснить, отмеченное выше противоречие можно тем, что вплоть до 80-х гг. прошлого века не только в Российской империи и СССР, но и в большинстве других стран отношение властных структур и общественного мнения к отказам от обязательной военной службы было скорее негативным, чем позитивным. Количество таких отказов выступало своеобразным (обратно пропорциональным) показателем уровня патриотизма граждан. Кроме того, значительное число отказов от несения обязательной военной службы могло рассматриваться как прямое свидетельство того, что в вооруженных силах не все в порядке. Если следовать известному стереотипу, согласно которому армия со всеми ее проблемами — это слепок с общества в целом, то получается, что значительное число отказов от воинской службы отрицательно характеризует не только состояние вооруженных сил, но и само государство. Отсюда вполне логичное и объяснимое стремление властей формировать социальный заказ перед учеными таким образом, чтобы в исследованиях чаще писали о числе героев в той или иной войне, а не о числе дезертиров. В отечественной науке наиболее показателен в этом плане советский период. Крайне затруднительно привести пример монографического исследования или даже развернутой научной статьи, опубликованных в данный период и объективно отражающих проблему отказов от военной службы в советских воо-

руженных силах (предположим, во время войн советского периода отечественной истории). Данная проблема если и освещалась советскими исследователями, то делалось это фрагментарно. По причинам идеологического характера не возбранялось публиковать материалы об отказах от военной службы в странах, значившихся в числе потенциальных противников СССР. Неоднозначным представляется отношение советских властей к публикации сведений об отказах от военной службы в русской армии до октября 1917 г. С одной стороны, по тем же идеологическим соображениям имело смысл показать во всей остроте проблему дезертирства в русской армии, с другой — мешал принцип преемственности поколений.

Тенденция непрестижности, содержательной ограниченности исследований отрицания военной службы наложила свой отпечаток и на исследования проблемы отказов от военной службы по убеждениям. Русскоязычные источники, в которых исследуются в той или иной мере вопросы пацифизма, отказов граждан вследствие убеждений от военной службы, альтернативной службы, можно разделить на три группы (в качестве основания для такого деления используется исторический период издания источников). К первой группе относятся источники, изданные в период до октября 1917 г., ко второй — в советский период, к третьей группе — в постсоветский период. Классификация и анализ этих источников позволяют выделить ряд их особенностей.

Прежде всего обращает на себя внимание относительная малочисленность источников, относимых к первой и второй группам, а также преобладающее в их содержании негативное отношение к проблеме отказов по убеждениям от военной службы и самим отказникам. Объясняется данная тенденция тем, что как в Российской империи, так и в Советском государстве в отношении отказов от воинской повинности по пацифистским убеждениям власти проводили в основном запретительную политику, а не разрешительную. Освобождение от военной службы меннонитов в Российской империи и освобождение от воинской повинности по религиозным убеждениям в Советском государстве рассматривались как временные меры, ситуационные уступки, продиктованные в большей степени государственными экономическими и политическими интересами, а не стремлением к обеспечению свободы совести граждан. Подобная политика не могла не сказаться как на числе публикаций по проблемам отказов от воинской повинности вследствие убеждений призывников, так и на их содержании. Пу-

бликоваться на эту тему и положительно оценивать идею допустимости таких отказов фактически означало противопоставление позиции автора государственной политике со всеми вытекающими отсюда последствиями. В отдельные периоды российской истории, в первую очередь в военное время, автор, открыто разделяющий воззрения пацифистов, рисковал противопоставить себя большей части общества, находящейся под влиянием патриотических настроений. Подтверждением этому могут служить негативное отношение властей Российской империи к самому Л. Н. Толстому и его публицистическим работам, содержащим отрицание военной службы; прекращение в начале 1914 г. издания журнала российских пацифистов «Вестник Мира», просуществовавшего в общей сложности менее полутора лет. В итоге сложилась устойчивая тенденция неактуальности и оппозиционности позитивных публикаций по проблемам пацифистских убеждений, отказов от военной службы граждан, разделяющих такие убеждения. Вместе с тем в рамках первого периода был опубликован ряд работ, авторы которых разделяли пацифистские воззрения в плане отрицания войн. К таким авторам в первую очередь следует отнести Л. А. Комаровского, И. С. Блюха, М. А. Энгельгардта, В. Н. Тенишева, В. Ф. Малиновского и др. Особое место среди этих авторов занимает Л. Н. Толстой. В своих многочисленных произведениях (некоторые из них были обращены непосредственно к военнослужащим) он доказывал не только недопустимость насилия и любых войн, но и недопустимость всего того, что могло способствовать войнам, в частности — военной службы.

В советский период тенденция негативного отношения со стороны государства к отказам по убеждениям от военной службы и к самим отказникам стала проявляться еще более рельефно. В отличие от Российской империи объектом гонений и преследований со стороны властей стали не только сектанты⁵, но и все верующие. Исследования, положительно оценивающие отказы от военной службы, пусть даже и по искренним убеждениям, не могли пробить себе дорогу в официальную печать, а их авторы рисковали попасть в разряд «врагов народа» и подвергнуться репрессиям. Допустимыми были только работы, содержащие однозначную критику в адрес отказников-пацифистов. В собрания сочинений Л. Н. Толстого, из-

⁵ В данной работе понятием «религиозная секта» будет обозначаться религиозное объединение, отделившееся от какого-нибудь вероучения и оппозиционное ему. Понятием «религиозное сектантство» — принадлежность к религиозной секте.

даваемые в советский период, как правило, не включались многие из его публицистических произведений, отражающих негативное отношение писателя к военной службе. Так, в двадцатидвухтомном собрании сочинений Л. Н. Толстого, изданном в 1979—1985 гг. миллионным тиражом, не были включены работы «Письмо к фельдфебелю», «Солдатская памятка», «Офицерская памятка» и др.⁶

Пик критического освещения проблемы освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям советскими специалистами приходился на 20—30-е гг. XX в. Объясняется это тем, что в этот период в Советском государстве существовал институт такого освобождения, а также проводимой властями активной антирелигиозной работой. Из работ этого периода следует выделить прежде всего статьи С. Урсыновича [182], М. Савицкого [148], М. Гаинцева и Х. Кривохатского [26], И. Храпова [192], в которых анализируется практика освобождения советских граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям. Рассматривается эта практика через призму борьбы с любыми религиозными проявлениями, в том числе и с религиозными пацифистскими убеждениями. Именно поэтому С. Урсынович, оценивая перспективы освобождения советских граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям, называет такую практику отступлением от краеугольных принципов советского законодательства, «базирующимся на весьма шатких основаниях компромиссом», который должен быть аннулирован и чем раньше, тем лучше [182]. Точку зрения С. Урсыновича разделяли и другие перечисленные выше авторы.

В 20—30-е гг. XX в. М. Галактионовым [27—30], Б. Кандидовым [62—68], С. Поповым [128], Ф. Путинцевым [135—137], М. Чудновцевым [194] и другими были подготовлены и опубликованы работы, призванные показать реакционную роль различных религиозных общин и групп, в том числе и сектантских организаций, в деле защиты социалистического Отечества в период гражданской войны и укрепления обороноспособности страны в послевоенные годы. Затрагивая проблему отказов по религиозным убеждениям от службы в Красной Армии, перечисленные авторы исходили из того, что эти отказы в большинстве своем были продиктованы антисоветскими настроениями, «шкурничеством», трусостью отказников. По мнению авторов, в этом состояло одно из доказательств

⁶ Сохраняющиеся трудности в доступе к этим произведениям Л. Н. Толстого послужили основанием для включения их в приложения данной монографии.

реакционной роли сектантских религиозных общин и групп в деле вооруженной защиты Советского государства [162, с. 15—17].

60-е гг. XX в. отмечены ростом числа публикаций по религиозной проблематике. В этот период такие авторы, как Ф. И. Долгих и А. П. Курантов [45—47], А. И. Клибанов [74—77], К. А. Паюсов [123—125], Р. Ю. Плаксин [126], Д. И. Сидоров [155; 156], Г. А. Суглобов [164], Н. В. Федорович [189; 190] в своих работах рассматривали отдельные вопросы подготовки и принятия в 1919 г. Декрета СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», деятельности Объединенного Совета религиозных общин и групп⁷, признания сектантскими религиозными организациями допустимости прохождения военной службы своими членами. Своей антирелигиозной направленностью, приписыванием сектантским организациям исключительно реакционной роли в деле вооруженной защиты своей страны эти публикации мало чем отличались от публикаций аналогичной тематики 20—30 гг. XX в.

Из числа источников, которые можно отнести как к первой, так и ко второй группе, выделяются работы В. Д. Бонч-Бруевича⁸ [10—13]. Показательным в этом плане является сборник его статей, изданный в 1922 г. государственным издательством под названием «Из мира сектантов» [11]. В этот сборник вошли статьи, знакомство с которыми у современников скорее вызывало симпатию,

⁷ Объединенный Совет религиозных общин и групп был организован осенью 1918 г. с целью содействия советской власти в освобождении от воинской повинности граждан, по совести не приемлющих участия в военном деле. В первые годы советской власти Объединенный Совет проводил экспертизы обоснованности заявлений призывников об освобождении их от воинской повинности по религиозным убеждениям. Объединенный Совет религиозных общин и групп состоял из представителей Московской группы меннонитов, Московской общины евангельских христиан-баптистов, Московской общины евангельских христиан, Общества истинной свободы в память Л. Н. Толстого, Трудовой общины-коммуны «Трезвая жизнь», общины христиан-адвентистов Седьмого дня. Председатель Совета — В. Чертков, члены — Н. Гусев, И. Колосков, И. Львов, П. Павлов, К. Платонова, А. Серниенко, М. Тимошенко, Г. Фрезе, В. Чириков, К. Шохор-Троцкий. Секретарь — В. Теппоне.

⁸ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955), советский партийный и государственный деятель. В 1917—1920 гг. — управляющий делами Совета Народных Комиссаров РСФСР. С 1920 по 1929 гг. — организатор и руководитель опытного совхоза под Москвой. Организатор ряда большевистских газет и издательств. Доктор исторических наук. Автор трудов по истории революции, религиозным движениям в России. Из дворян. Специалист истории российских старообрядцев и сектантов. Редактор журнала «Рассвет», в Российской империи издаваемого для сектантов по решению II съезда РСДРП. Один из организаторов и активных участников подготовки декрета СНК РСФСР об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям. Ряд работ В. Д. Бонч-Бруевич написал под псевдонимом В. Ольховский.

чем антипатию по отношению к сектантству. К примеру, статья «У закавказских духоборов», в которой описывалось мужественное поведение духоборов, отстаивающих свои пацифистские убеждения. Большинство из вошедших в сборник статей были написаны и впервые опубликованы еще до октября 1917 г. и отражали отношения между властями Российской империи и сектантами. Однако уже сам факт их публикации в 20-е гг. XX в., несмотря на проводимую в то время советской властью антирелигиозную политику, партийную принадлежность и социальный статус В. Д. Бонч-Бруевича, говорит о том, что он и после октябрьских событий не изменил своего позитивного отношения к религиозному сектантству. Подтверждает такое отношение и вошедшая в сборник статья «О трудовой общине-коммуне «Трезвая жизнь». Статья представляет собой отзыв, подготовленный уже в 1919 г. В. Д. Бонч-Бруевичем по запросу Народного Комиссара Государственного контроля. Приравнивая данную общину к сектантским, автор утверждает о том, что она является «вполне приемлемой для Советской республики» [11, с. 140].

До конца 80-х гг. XX в. тенденция неактуальности исследований практики освобождения граждан от воинской повинности вследствие их убеждений сохранялась и даже усиливалась. Для советских исследователей своеобразной социальной установкой стало положение о том, что практика такого освобождения безвозвратно ушла в прошлое. Естественно, что в такой ситуации целенаправленное обращение к политике в отношении отказов граждан-пацифистов от военной службы, проводимой ранее в Российской империи и Советском государстве, теряло свою значимость. При этом важно отметить тот факт, что призывники, отказывающиеся принимать военную присягу и брать в руки оружие вследствие своих религиозных убеждений (реальные претенденты на прохождение альтернативной службы), в СССР были. Так, по официальным данным в 1985 г. таких призывников было около 300 человек, в 1986 г. — 466, в 1987 г. — 298, в 1988 г. — 398 [48].

Третья группа источников, появившихся в постсоветский период, представлена главным образом научными статьями. В числе авторов этих статей отметим И. Вашкевича [14], А. Пчелицева [138; 139], А. Пронозина [132], М. Тимофеева [165; 166], А. Шилова [196], В. И. Уколову [122], С. А. Иникову [44] и др. Подавляющее большинство этих статей отражали актуальные проблемы, связанные с введением альтернативной службы в современных условиях, и лишь

поверхностно затрагивали исторический аспект проблемы отказов от военной службы вследствие убеждений призывников. Из немногочисленной группы монографических и диссертационных исследований, так или иначе затрагивающих проблему отказов от военной службы по убеждениям, особо выделяются монография Р. М. Илюхиной «Российский пацифизм вчера и сегодня» [57] и диссертационное исследование Е. Ф. Скорика «Концепция ненасилия Л. Н. Толстого: история и современность» [157]. В самом конце прошлого столетия появляются сборники статей «Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России» [44] и «Пацифизм в истории. Идеи и движения мира» [122], созданные международными коллективами исследователей. Эти сборники своим появлением ознакомили признание в отечественной исторической науке актуальности важного и в значительной мере нового направления в исторической науке — изучения теории и практики доктрины миротворчества и ненасилия. В сборниках исследуются проблемы истории российской мирной идеи в ее международном и внутреннем аспектах, становления пацифистской идеи, ее развития на заре Нового времени, появления обществ мира в Европе в XIX в., создания пацифистской доктрины в Европе и Азии и воплощения ее в жизнь в деятельности антивоенных обществ. Однако авторы этих и других работ, изданных позднее, хотя и базировались на современных подходах к изучению истории, в силу ряда причин (тематики исследований, их объема и т. п.) кратко отразили лишь отдельные стороны российской истории отказов от военной службы по убеждениям, государственной политики в отношении этих отказов.

Другая особенность, вытекающая из анализа русскоязычных источников всех трех выделенных групп, отражает преобладание в них философского и правового аспектов в освещении проблемы пацифизма и основывающихся на пацифистских убеждения отказов от военной службы. К источникам философской направленности в первую очередь следует отнести работы Л. Н. Толстого [167—180], И. А. Ильина [53; 54], Н. Бердяева [4], А. А. Гусейнова [41; 42], Е. Ф. Скорика [157] и др. Среди источников, отражающих главным образом правовой аспект проблемы, выделим работы П. О. Бобровского [9], В. Ф. Малиновского [100], Л. А. Комаровского [78—82], В. Л. Кузьмина-Караваева. [91], С. Урсыновича [182], М. Савицкого [148], А. И. Клибанова [74—77], изданные в дооктябрьский и совет-

ский периоды. В постсоветский период возрастает число публикаций, отражающих правовой аспект проблемы, связанной с заменой военной службы альтернативной. В первую очередь к таким публикациям следует отнести работы А. Пчелинцева [138; 139], А. Пронозина [132], М. Тимофеева [165; 166], А. Шилова [196], Р. В. Маранова [102], Л. С. Левинсона [94] и др. В этих публикациях авторы излагают свои взгляды на необходимость и возможность введения альтернативной службы в России. Используя в качестве аргументации факт существования практики освобождения от военной службы по религиозным убеждениям в Советском государстве, названные авторы частично освещают отдельные стороны этой практики.

В работах зарубежных авторов вопросы альтернативной службы, пацифистских убеждений и отказов вследствие них от военной службы в целом получили достаточно широкое освещение с позиций различных наук. Ярким примером тому могут служить труды канадского историка П. Брока, отражающие результаты его многолетних исследований пацифизма [209]. Изучая историю пацифизма во многих странах мира, П. Брок не обошел своим вниманием и Россию, однако при этом он не ставил целью посвятить ей специальное развернутое исследование. Кроме того, многие работы П. Брока не переведены на русский язык и не получили широкой известности на постсоветском пространстве. Исследования таких специалистов, как Л. Клиппенштейн (Канада), П. Ч. Бори (Италия), Д. Хайнц (Австрия), П. ван ден Данген (Великобритания), У. Саватски (США), Д. МакФадден (США), Т. Ёкота-Мураками (Япония) и других, затрагивающие в той или иной мере вопросы истории отечественного пацифизма, доступны преимущественно в виде статей, включенных в сборники [44; 123].

Изучение работ предшественников показало, что проблема государственной политики Российской империи в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений пока не стала предметом специального, целостного, всестороннего исторического исследования. Отказы от военной службы вследствие убеждений, имевшие место в Российской империи, проводимая в отношении этих отказов политика во всех трех группах источников рассматриваются скорее эпизодически и в общих чертах, чем системно и детально. При таком подходе достаточно сложно извлечь конкретные уроки из описываемого исторического опыта. Так, за пределами внимания исследователей в большинстве случаев остается немалый, пусть во многом и противоречивый, но в целом весьма

поучительный опыт решения проблемы отказов по причине убеждений от военной службы, накопленный в Российской империи. Достаточно сказать, что в Российской империи с 1874 г. существовала узаконенная практика освобождения от военной службы меннонитов из-за их пацифистских убеждений с последующим направлением их на альтернативную гражданскую службу. Таким образом, в Российской империи на протяжении более 40 лет создавался и совершенствовался институт альтернативной гражданской службы. Несомненный интерес вызывает и другая составляющая государственной политики Российской империи — преследование лиц, отказывающихся из-за своих убеждений в той или иной степени от несения военной службы. В частности, результативность и последствия такой политики.

1.2. Феномен отказов от воинской повинности

Анализ как всеобщей, так и отечественной истории приводит к однозначному выводу — отрицание военной службы в целом тех или иных ее обязанностей существует столько, сколько и сама эта служба. Отказы от военной службы, особенно в условиях ведения боевых действий, независимо от их мотивов и форм проявления в подавляющем большинстве случаев наносили существенный вред этой службе. Именно поэтому во многих странах вплоть до XX в. за такие отказы власти карали достаточно сурово. Так, самовольное оставление своей части с древнейших времен относилось к числу наиболее постыдных воинских преступлений. Тот, кто самовольно отлучался от своего знамени далее звука трубы, считался врагом, изменником и подвергался казни. Самовольная отлучка приравнивалась к побегу из части. Древние египтяне, греки беглецов с военной службы подвергали постыдным наказаниям: обрезанию языка, лишению почетных должностей, одеванию в особый плащ с надписью на нем о совершенном преступлении, обриту головы. У древних римлян побег с военной службы также считались тяжкими преступлениями. Беглые назывались дезертирами. Обычно дезертиров вешали, сжигали, отрубали им головы, иногда руки и ноги для возбуждения в других страха и ужаса. В случае вооруженного сопротивления дезертиров убивали на месте без суда. Сверх смертной казни дезертиры наказывались конфискацией имущества. Такому же наказанию, как и дезертиры, подлежали и те, кто их укрывал. По римским законам наказание за дезертирство могло быть смягчено. К смягчению наказания вели следующие обстоя-

тельства: прекращение войны и наступление мира, недостаточное денежное довольствие, жестокое обращение начальства, незначительный срок службы (дезертиром был новобранец). Древние германцы дезертирами считали только тех, кто самовольно оставлял свое знамя в военное время. Дезертиров вешали на деревьях как изменников или выкалывали им глаза, обрезали языки, носы и уши [9, с. 12—13].

В более поздние периоды истории наказания, применяемые к беглецам с военной службы, сохранили свою суровость. В чешском военном уставе XV в., признанном лучшим в Европе того времени, записано, что самовольная отлучка из строя в походе или из лагеря, обоза наказывается смертью, как и в римских законах. В XVI в. во Франции солдату, самовольно отлучившемуся от своей части далее 2 лье (около 9 км), определялось наказание смертью [9, с. 4—8]. Приговоренный к смерти дезертир не мог быть помилован, согласно обычаям, даже если появлялась девица, готовая с ним обвенчаться. В XVII в. во Франции дезертирам, пойманым внутри государства, публично перед строем обрезали носы и уши, на щеках ставили клеймо лилии, брили головы, заковывали в кандалы и отправляли на галеры на вечные работы. Начальник, не созвавший суда в течение суток для наказания дезертира, увольнялся со службы и лишался всех чинов [9, с. 31—33]. Суровость наказания беглецов могла меняться в зависимости от рода войск и воинских чинов беглецов. Так, в Голландии в XVI в. в сухопутных войсках беглецы карались главным образом смертной казнью, в то время как морские законы были более снисходительны к беглецам. Обуславливалось такое неравенство тем, что во флоте служили урожденные голландцы, а в сухопутных войсках — наемники. Во многих государствах различались наказания, применяемые в пехоте и коннице (в коннице служили дворяне). В том же XVI в. немецкие кавалерийские уставы были более снисходительны к преступлениям, связанным с уклонениями от военной службы, чем артикулы для пехоты. По немецкому кавалерийскому уставу беглый объявлялся шельмою⁹ с большой помпой при сборе всей части, через герольда, при звуке трубы. Имена всех бежавших публично прибавались к виселице, а затем обесчещенные воины изгонялись вон из войска

⁹ Немецкие военные артикулы, не устанавливая конкретного наказания для дезертиров, предоставляя подчас право на его определение полковнику или капитану, в одном отношении высказывались точно: дезертира необходимо было признать обманщиком, шельмою.

или подвергались телесным наказаниям и смерти. Обесчещенный дезертир мог впоследствии получить прощение. Для этого он должен был ползти в круг ратных людей своей части на четвереньках, подобно животному, держа шапку в зубах и отвернув голову назад. Знаменосец троекратно осенял его знаменем во имя святой Троицы, императора и начальника. Затем майор брал из зубов воина шапку и выбрасывал за пределы круга. После этого честь считалась восстановленной. В дальнейшем в Западной Европе стали стремиться уравнивать служебные права, независимо от рода войск [9, с. 15—16]. Самовольно оставляли места службы и офицеры, однако уклонение офицеров от долга службы, неявка их в срок на службу, самовольная отлучка из своей части наказывались денежными штрафами или вовсе не наказывались [9, с. 30].

В России, по оценке П. О. Бобровского¹⁰, автора книги «Уклонение от военной службы», изданной в Санкт-Петербурге в 1886 г. [9], вплоть до 50-х гг. XIX в. побег и самовольные отлучки из армии и флота составляли большое место русских войск [9, с. 75]. Тех, кто уклонялся от государственной службы, в России называли нетчиками. В указах, грамотах, списках разряда к нетчикам относили: не являвшихся на смотры, самовольно отлучившихся в походах после смотров, после раздачи жалованья, уходивших из войск бояр и воевод в военное время. Мера наказания за уклонение от военной службы определялась в великокняжеских или царских грамотах и указах. Тяжесть наказания зависела от степени опасности, угрожающей государству; от неудач во время войны; от уровня обеспечения войск. Изначально для наказания за явное или тайное уклонение от службы не существовало общих юридических оснований. В силу этого нетчиков иногда строже наказывали за неявку на смотр, чем за оставление полка во время боевых действий. За неявку на смотр, за самовольную отлучку из полков в походе или при ведении боевых действий, за побег дворян и детей боярских наказывали батогами, кнутом, кнутом на козлах (нещадно), заточением в тюрьму на неопределенное время, конфискацией части или всего поместья, лишением денежного оклада. Если наказание ограничивалось только батогами или кнутом, то после этого дворян и детей боярских высылали в полки на поруки. Другие виды наказания, лишая провинившегося средств для государственной службы, были равносильны увольнению с нее. Стрельцы, городовые, казаки и вообще лица

¹⁰ Павел Осипович Бобровский (1832—1905) — русский генерал, военный юрист и историк, сенатор.

низших сословий за уклонение от службы наказывались батогами или кнутом, после чего они возвращались в полки. За всякого не пойманного даточного, сбежавшего с военной службы, отвечали помещики и власти, обязанные поставлять даточных людей с оружием [9, с. 41—42].

Соборное уложение 1649 г. систематизировало виды уклонения от военной службы и наказания за них. Так, были выделены следующие виды уклонения от службы: неявка на службу под предлогом старости, увечья или болезни; самовольная отлучка со службы (просто уход с нее без соответствующего разрешения); побег со службы. Побег со службы подразделялись в зависимости от того, кто сбежал (дворяне, дети боярские или, к примеру, даточные люди), когда сбежал (с поля боя или нет) и к кому сбежал (к неприятелю или нет). В зависимости от вида уклонения определялось наказание за него. Перебежчики к неприятелю подлежали повешению, за побег с поля боя дворян и детей боярских нещадно били кнутом, лишали половины поместья и денежного оклада. Однако наказания за уклонения от военной службы, определенные Соборным уложением, не стали обязательными. В ходе ведения Россией боевых действий эти наказания то смягчались, то ужесточались. К примеру, за неявку на смотр или даже за побег с поля боя дворян и детей боярских смещали в городовые, а городовых — в солдаты [9, с. 43].

Создание регулярной армии в России в еще большей степени актуализировало проблему уклонений от военной службы, перевело ее в политическую плоскость и потребовало принятия решительных и даже крайних мер на государственном уровне. Петру I в наследство досталось «систематическое упорное уклонение от военной службы всех сословий в государстве» [9, с. 52]. По свидетельству современников, вследствие дезертирства солдат, драгун, матросов личный состав полков ежегодно (за период с 1705—1708 гг.) уменьшался почти на одну треть, даже когда не было сражений [9, с. 52—53]. В общей сложности ежегодно разбегалось от 10 до 20 тысяч солдат и рекрутов [9, с. 57]. Беглые солдаты вливались в воровские и разбойничьи шайки. Уклонениям от военной службы способствовало укрывательство. Одной из причин его было неоднозначное отношение к уклонениям со стороны общества. При Петре I беглым солдатам одни помогали, потому что боялись мести, другие — потому что испытывали к ним жалость. При этом те и другие считали их жертвами преобразований Петра I [9, с. 53]. В период царствования Петра I меняется система наказа-

ний за уклонения от военной службы. Изменения были направлены на ужесточение этих наказаний, придание им аналогии с западными наказаниями за подобные преступления. Так, к беглым чаще стала применяться смертная казнь через повешение, было введено клеймение беглых рекрутов, вырывание им ноздрей, обрезание носа. В 1716 г. определялось: «Ежели рекрут прежде года своей службы в полку побежит, то оного за первый побег бить шпицрутеном через полк по три дни по разу, а когда в другой раз побежит, оных вместо смерти бить кнутом и вырезав ноздри перед полком сослать в вечную работу на галеры» (арт. 95) [19, с. 730].

Суровые наказания за уклонение от воинской службы и за побегничество в этом не приносили требуемого результата ни в странах Европы, ни в России. Гораздо больший эффект дало изменение условий прохождения военной службы. Военные преобразования Александра II, в частности смягчения всей системы наказаний военнослужащих, привели и к смягчению наказаний за побег и самовольные отлучки. В XVIII в. за простой побег в мирное время рекруты и молодые (прослужившие менее года) солдаты наказывались шпицрутенами; битьем кнутом с вырыванием ноздрей и вечной ссылкой на галеры наказывались за первый побег солдаты, прослужившие больше года и рекруты, совершившие второй побег; повешением наказывались солдаты, прослужившие больше года, за второй побег. В 50-е гг. XIX в. за неоднократный побег определялось прогнание по несколько раз через строй в тысячу человек и направление в арестантские роты сроком от 8 до 10 лет. Смягчение системы наказаний военнослужащих, имевшее место при Александре II, привело к тому, что за самовольную отлучку переводили в разряд штрафованных и наказывали дисциплинарно, за первый побег наказывали одиночным заключением в тюрьме с заменой наказания, за второй побег отдавали в дисциплинарные роты, за третий — ссылали в Сибирь на поселение [9, с. 76]. Проведенные в начале 80-х гг. XIX в. военные преобразования (уменьшение срока службы, смягчение системы наказаний, повышение материального благосостояния солдат, улучшение военного быта, перемена отношений между начальниками и подчиненными) привели к тому, что число побегов и самовольных отлучек снизилось. Во всей массе преступлений, совершенных военнослужащими, за которые налагались наказания по определению полковых и военно-окружных судов, они стали составлять не более 17 % во всех войсках. По оценке П. Бобровского, побег и самовольные отлучки превратились в

«малозаметное явление» в армии [9, с. 75]. Возможно, в сравнении с предыдущими показателями побеги и самовольные отлучки в период, оцениваемый П. Бобровским, действительно стали малозаметным явлением среди других воинских преступлений. Однако получается, что чуть ли не каждое пятое преступление, совершенное российскими военнослужащими в конце XIX в., имело в своей основе нежелание выполнять (постоянно или временно) обязанности военной службы.

В XX в. наказания за отказы проходить военную службу сохранили свою относительную суровость. Став летом 1917 г. верховным главнокомандующим русской армии, генерал Л. Г. Корнилов для пресечения массового дезертирства вынужден был расстрелять примерно сто дезертиров, выставить их трупы на обочинах дорог с надписями: «Я был расстрелян, потому что бежал от врага и стал предателем Родины» [188, с. 396]. В СССР в мирное время за дезертирство предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет, а в военное время — смертной казни или лишения свободы на срок от пяти до десяти лет. Самовольное оставление части или места службы в боевой обстановке, независимо от продолжительности, наказывалось смертной казнью или лишением свободы на срок от трех до десяти лет. Что касается распространенности отказов от несения военной службы, то получение таких данных во всей их полноте затруднено. Объяснить это можно, как уже отмечалось ранее, тем, что подобные данные при определенных условиях дискредитируют власть, отсюда и их непопулярность. И все же приведем некоторые цифры. Первая мировая, а затем гражданская войны с их тяготами, лишениями и опасностями привели к тому, что значительная часть военнослужащих не хотела воевать ни за советскую власть, ни против нее. Появилось огромное число дезертиров. По самым скромным оценкам с начала Первой мировой войны и до Февральской революции в среднем в месяц дезертировало 6346 человек, а всего дезертировало 195 130 человек [33, с. 29]. По данным центральных и местных комиссий по борьбе с дезертирством, только в период с 11 по 17 мая 1919 г. было задержано 23 725 дезертиров, из них предано суду 1959 [145, л. 3]. А в период с 1 по 15 октября этого же года в облавах на территории республики было задержано 47 745 дезертиров (не считая задержанных на железной дороге) [145, л. 55]. С 1 по 15 июня 1919 г. по официальным данным за дезертирство было расстреляно 20 человек [145, л. 21].

Отказы от военной службы могут классифицироваться по ряду оснований. По форме проявления отказы можно разделить на три основных типа: уклонение от призыва, в том числе и от повторного из запаса или резерва; самовольное оставление части; дезертирство¹¹. По своему содержанию отказы от военной службы делятся на отказы от выполнения отдельных обязанностей данной службы (от прохождения службы в боевых частях, от применения оружия на поражение и т. д.) и на отказы от военной службы как таковой, независимо от места ее прохождения и выполняемых обязанностей. В зависимости от мотивации отказы от военной службы можно разделить на два типа. К первому типу отнесем все отказы, мотивированные корыстными (меркантильными) интересами граждан. В качестве таких мотивов могут выступать: страх быть убитым или покалеченным в процессе военной службы, стремление избавиться от ее тягот и лишений, желание продолжить образование, карьерный рост, стремление помочь в чем-то родным и близким, жениться и т. п. Ко второму типу отнесем отказы, мотивированные различного рода убеждениями: религиозными, философскими, этическими, политическими и др.¹²

В зависимости от того, на каком этапе и как происходит отрицание обязательной военной службы¹³ лиц, отрицающих эту службу, их условно можно разделить на три типа. Первый тип — лица, подлежащие призыву на военную службу (призывники), но уклоняющиеся от него. К примеру, человек меняет место жительства, гражданство, имея целью избежать призыва на военную службу. К этому типу отнесем и тех, кто с той же целью добывается незаконных отсрочек от призыва, скажем, симулируя заболевания и т. д. Обозначим призывников, отнесенных к этому типу, как уклонистов. Особо подчеркнем, что к типу уклонистов необходимо отнести не только тех лиц, которые еще не проходили военную службу, но и тех, кто призывается на нее повторно из резерва (запаса).

¹¹ Терминология может меняться в зависимости от исторического периода, страны и т. п.

¹² Деление условно, в том числе и потому, что на отказы, отнесенные к первому типу, можно посмотреть как на отказы вследствие убеждений части граждан в том, что их личные интересы должны превалировать над общественными. Дезертируя, человек может быть убежден, что дальнейшее участие в войне бессмысленно или в том, что его жизнь дороже свободы и независимости родины.

¹³ В данном случае под обязательной военной службой понимается служба, от которой человек не вправе отказаться независимо от того, он призывается или уже проходит ее.

Второй тип — лица, находящиеся на военной службе (военнослужащие), независимо от того, были ли они призваны или поступили на службу добровольно, и самовольно оставившие место службы. Назовем этот тип самовольщиками и дезертирами. Заметим, что лицам, отнесенным к этой категории, грозит более суровое наказание, чем уклонистам.

Третий тип лиц, отрицающих военную службу, назовем отказниками. К этому типу в первую очередь относятся граждане, открыто заявляющие в случае их призыва на военную службу свой отказ от нее и мотивирующие такой отказ убеждениями, несовместимыми с несением такой службы. Отказником человек может стать и во время прохождения военной службы, если он открыто отказывается от выполнения обязанностей военной службы, которые вошли в противоречие с его убеждениями. Исходя из темы данного исследования, именно этот тип лиц, отрицающих военную службу, представляет особый интерес.

Приведенное деление условно. Условность связана с тем, что бывает затруднительно однозначно отнести сам отказ или человека, так или иначе отрицающего военную службу, к тому или иному типу. К примеру, призывник, имеющий на самом деле религиозные убеждения, противоречащие прохождению военной службы, не веря в возможность получить право на прохождение альтернативной службы, пытается симулировать болезнь, дающую право на отсрочку. Тем самым по формальным признакам он может быть отнесен и к типу уклонистов. Другой пример: человек, призванный на военную службу (иногда даже путем обмана), несмотря на имеющиеся у него пацифистские убеждения или пришедший к ним во время несения службы, видит только одну реальную возможность следовать им — дезертировать. Если он поступает именно так, то его могут отнести к типу дезертиров. Соответственно, и наказанию такой военнотружущий будет подлежать как дезертир. История знает немало таких примеров.

В перечень основных причин, объясняющих перманентность отказов от военной службы, входят: с одной стороны, специфические особенности военной службы, отличающие ее от других видов человеческой деятельности. Помимо тягот и лишений военной службы в качестве ее ключевой особенности выделим реальные опасности для здоровья и жизни человека, проходящего эту службу. С другой стороны — принудительный характер несения воинской службы в целом или выполнения отдельных обязанностей этой службы.

Теоретически существует возможность прервать практику отказов от несения военной службы. Идеальным средством снятия проблемы было бы разрешение всех конфликтов мирным путем, исключая угрозу или использование вооруженной силы. К примеру, российские пацифисты еще в начале прошлого века предлагали использовать в этих целях арбитраж или третейское разбирательство. В этом случае просто отпала бы необходимость в военной службе, причем во всех странах. Возможно, человечество когда-то и придет к этому, но пока факты не внушают оптимизма. Так, несмотря на все предпринимаемые попытки разрешить возникающие международные противоречия мирным путем, XX в. принес человечеству две мировые войны, более 200 крупномасштабных войн, локальные военные конфликты, террор, вооруженную борьбу за власть, которые унесли более 300 млн человеческих жизней [2, с. 9].

Избежать отказов от прохождения военной службы можно и посредством отказа от содержания армии, т. е. уйти на уровне государственной политики от действий в соответствии со стереотипом — любое государство должно иметь свою собственную армию, а по возможности и флот. Достаточно часто подобная политика подкрепляется известным высказыванием: «Кто не хочет кормить собственную армию, будет кормить чужую». Отсутствие армии как таковой (или ее символическое существование, часто предполагающее делегирование полномочий по обороне страны другим государствам) как в мирное, так и в военное время можно рассматривать как эффективное средство снятия проблемы отказов граждан от воинской службы. Основными препятствиями на этом пути выступают отсутствие возможности разрешения всех международных и внутригосударственных конфликтов мирным путем, а также геополитические интересы ряда государств, особенно тех, которые претендуют на роль мировых лидеров.

Еще одним путем избежать отказов от несения военной службы выступает добровольный характер поступления на нее и добровольное согласие военнослужащих на выполнение различных обязанностей военной службы. Причем речь идет о такой добровольности не только и не столько в мирное время, сколько в военное. Использование этого пути представляется более реалистичным по сравнению с вероятностью разрешения всех конфликтов без использования вооруженной силы или с отказом от обладания собственной армией. Однако исключительно добровольный принцип

комплектования вооруженных сил как в мирное, так и в военное время, в прошлом, настоящем и, вероятнее всего, в будущем является скорее исключением, чем правилом. Здесь важно подчеркнуть, что принятая система комплектования вооруженных сил в мирное время может измениться в военное время. В этом случае, как свидетельствует история, правилом выступает замена добровольного принципа комплектования личным составом армии и флота на принудительный. Речь идет прежде всего о мобилизациях — массовом призыве в армию граждан, способных носить оружие и выполнять обязанности военной службы, независимо от их желания.

Показательным в плане перехода от добровольного принципа комплектования армии к принудительному является пример Великобритании. В конце XIX — начале XX в. в отличие от России, Германии, Франции и других стран вооруженные силы Великобритании комплектовались на добровольной основе, а не путем всеобщей воинской обязанности. Соответственно и отношение к пацифистам было толерантным. Однако начавшаяся Первая мировая война потребовала от Великобритании перехода к обязательному призыву (как минимум к регистрации, что означало готовность к призыву) на военную службу не только добровольцев, но и всех здоровых мужчин. В результате под угрозой призыва оказались граждане, чьи убеждения были несовместимы с несением военной службы. В случае призыва им грозила уже не только военная служба в мирных условиях, но и реальное участие в боевых действиях, где действует суровый принцип войны: или убиваешь ты, или убивают тебя. Среди граждан, отказывающихся по убеждениям от воинской службы, были и те, кто требовал полного освобождения и не хотел нести никакой повинности взамен воинской. Возникла конфликтная ситуация, в мирное время особо не проявлявшаяся. Правительству Великобритании пришлось в срочном порядке создавать систему особых трибуналов, предназначенных для выявления искренности убеждений отказников и принятия решений относительно характера их освобождения от военной службы. Сходная ситуация сложилась в те годы и в США, где комплектование вооруженных сил также велось на добровольной основе. Даже в виде исключения затруднительно найти в истории обратный пример, когда во время ведения войн страна успешно сохраняла бы или переходила бы исключительно на добровольный способ комплектования вооруженных сил. Попытка комплектовать Красную Армию исключительно добровольцами на момент ее создания в 1918 г. потерпела фиаско

через несколько месяцев и в качестве основного принципа пополнения стал использоваться принудительный призыв.

С учетом современных реалий кто-то возможно и ставит под сомнение ведение войн, сравнимых по масштабности с Первой и Второй мировыми войнами, а значит, и сомневается в необходимости проведения массовых мобилизаций военно-обученного резерва. Однако, во-первых, подобные сомнения, по крайней мере в отношении России, легко развеиваются аргументами, приводимыми специалистами. Для примера приведем аргументацию М. Ф. Гацко, используемую в его работе «Правовое обеспечение строительства Вооруженных Сил Российской Федерации». У России самая большая в мире территория и наиболее протяженные границы. Даже в мирное время для гарантированного обеспечения своей военной безопасности Российская Федерация должна постоянно иметь вооруженные силы численностью порядка одного миллиона человек. В настоящее время никому в мире, кроме США, не под силу содержать миллионную профессиональную армию. Отечественный военный опыт свидетельствует, что в случае войны будут нужны людские ресурсы, значительно превышающие численность армии мирного времени, поскольку с началом широкомасштабных боевых действий значительного количества военнослужащих требуют не только действующие войска, но и войска, обеспечивающие защиту страны от нападения на других участках границ вне зоны военного конфликта. Контрактная армия не способна подготовить в нужном количестве многочисленные военно-обученные резервы. Таким образом, полный отказ от призыва в такой стране, как Россия невозможен без потери ее обороноспособности [31, с. 102—103].

Во-вторых, отсутствие мобилизаций не снимает с повестки дня еще одну проблему. Предположим, что на военную службу человек попадает на добровольной основе. Но это еще не означает, что в процессе ее прохождения он не передумает, возможно, в самый ответственный момент, и не захочет с этой службы досрочно уйти, не откажется под любым предлогом (в крайнем случае, дезертирует) от выполнения своих военных обязанностей. Причиной тому могут быть быстро меняющиеся условия прохождения военной службы: пришел добровольно на хорошую зарплату, в комфортные условия, а попал в пекло региональных конфликтов; числился в резерве, получая за это определенные преференции, но однажды приказали вместо учебных сборов показать уровень своей подготовки в ходе ведения боевых действий. Именно поэтому переход к комплекто-

ванию вооруженных сил на добровольной основе не может снять проблему отказов граждан от несения военной службы. Достаточно убедительный пример — армия США. По данным издания «USA Today», в период войны во Вьетнаме 33 094 военнослужащих дезертировали из воинских частей, что составило 3,4 % от общей численности вооруженных сил, которые комплектовались по призыву и насчитывали 2,7 млн солдат и офицеров. С осени 2003 года, через полгода после начала боевых действий в Ираке, из вооруженных сил США, комплектуемых на добровольной основе, дезертировало более 8 тыс. солдат [51].

Таким образом, анализ проблемы отрицания военной службы как таковой позволяет сделать вывод о том, что и в будущем преодолеть противоречие между необходимостью военной службы и нежеланием части граждан ее нести будет крайне сложно, если вообще возможно. Следовательно, проблема отказов от несения воинской службы в целом или выполнения тех или иных обязанностей этой службы сохранит свою актуальность. Кроме того, выше рассматривались в основном отказы от службы в военных структурах, предназначенных для выполнения внешних задач, т. е. задач, связанных с вооруженной защитой государств. Наряду с этими структурами в обязательном порядке существуют и силовые структуры, выполняющие внутренние функции (к примеру, структуры Министерства внутренних дел). Комплектование этих структур не исключает принудительного призыва, что может привести к отказам от службы в них или от выполнения тех или иных ее обязанностей.

1.3. Специфика отказов от военной службы вследствие убеждений призывников

Рассматривая теоретический аспект проблемы отказов от военной службы вследствие убеждений, представляется необходимым определить в некоторых ключевых понятиях проблемы и их соотношении. Отказы по убеждениям от военной службы рассматриваются как форма протеста против насилия вообще или его отдельных проявлений. Крайнее из этих проявлений — убийство и подготовка к нему. Военная служба по своему содержанию как раз и направлена на подготовку тех, кто ее проходит, к совершению убийств (или к обеспечению их совершения) и совершению (обеспечение) военнослужащими убийств, если в этом возникает необходимость. То, что эти убийства совершаются на войне, т. е. убивают врагов, нередко для того, чтобы не быть самим убитыми, для

идейных противников насилия не имеет принципиального значения. Кроме того, военная служба, в отличие от других форм насилия, санкционированных государством, носит массовый характер (массовый характер носят и убийства на войне), к тому же на нее попадают (или выполняют отдельные обязанности) в большинстве стран в принудительном порядке. Именно поэтому отказы лиц, неприемлющих насилие, направлены в первую очередь против военной службы и всего того, что с ней связано. Такие отказы, как уже отмечалось, могут базироваться на религиозных, философских, этических убеждениях. Суть их сводится к тому, что насилие как средство достижения каких-либо целей вообще недопустимо¹⁴ или недопустимыми признаются только некоторые формы насилия (к примеру, вооруженное насилие независимо от целей его применения).

Если под пацифизмом понимать мировоззрение, осуждающее исключительно любые войны¹⁵, то перечисленные выше убеждения, обуславливающие отказы от военной службы, можно назвать пацифистскими. Однако необходимо особо подчеркнуть, что отказы от воинской службы могут базироваться на убеждениях, которые отрицают не только войну и участие в ней, но и все, что связано с ее подготовкой и обеспечением. Отсюда следует, что пацифистские убеждения можно рассматривать и как одну из разновидностей убеждений, противоречащих несению воинской службы. Если рассматривать пацифизм прежде всего как антивоенное движение, то следует учитывать, что в качестве его стратегической цели выступает борьба за установление мирового правового порядка, исключающего войны и вооруженные конфликты. Установление подобного порядка пацифисты связывают прежде всего с действиями властей и с принятием соответствующих международных договоров. Именно международное право, запрещающее ведение войн, рассматривается сторонниками пацифизма как основное средство достижения поставленных целей. Что же касается отказов по убеждениям от военной службы, то они, как показывает история, достаточно часто, во-первых, исходят от отдельных лиц; во-вторых, противоречат действующим законам; в-третьих, отказники в качестве

¹⁴ Ярким примером такого подхода является религиозно-философское учение Л. Н. Толстого.

¹⁵ Однозначного определения пацифизма нет. Так, в ряде источников пацифизм определяется как антивоенное движение, участники которого выступают против всякой войны.

основного средства избежать войн используют личное отрицание всего того, что с их точки зрения способствует войнам (прежде всего — военную службу).

Анализ истории и современности пацифизма, а также отказов от воинской службы вследствие убеждений позволяет выделить разновидность пацифизма, которую можно определить как ситуативный пацифизм. Суть этого пацифизма состоит в том, что ведение войн, подготовка к ним отрицаются лишь в определенной ситуации. Такое отрицание может обуславливаться политическими соображениями — нежеланием воевать (служить) за интересы конкретной власти, которая признается незаконной, несправедливой, преступной и т. п. Ситуативный пацифизм имел место и в случаях, когда государство не готово к войне и ему необходимо время, чтобы подготовиться к ней, или когда силы, противостоящие какой-то социальной группе (государству, религиозной общине), значительно превосходят силы этой группы и при этом не представляется возможным добиться хотя бы примерного паритета сил. Наряду с ситуативным пацифизмом можно выделить и ситуативные отказы от военной службы. К таким отказам чаще всего относились отказы служить, базирующиеся на политических убеждениях призывников¹⁶.

В данном исследовании понятие «пацифистские убеждения» будет использоваться для обозначения всего спектра убеждений, несовместимых с выполнением обязанностей военной службы. Кроме того, будет использоваться и понятие «пацифистские религиозные убеждения». Данное понятие будет обозначать те религиозные убеждения, которые входят в противоречие с участием в войнах и несением военной службы.

В рассмотренных ранее вариантах классификации отказов от военной службы, а также лиц, выступающих их носителями, отказы от военной службы, мотивированные различного рода убеждениями, выделяются в отдельный тип отказов. Этот тип отказов от военной службы имеет свою ярко выраженную специфику, игнорирование которой может крайне отрицательно сказаться на эффективности государственной политики по отношению к отказам от военной службы по убеждениям, в том числе на введении и функционировании института альтернативной службы. Рассмотрим ряд специфических особенностей отказов данного типа.

¹⁶ Ниже будут приводиться примеры ситуативного пацифизма и ситуативных отказов от воинской повинности.

Отказы от военной службы вследствие убеждений призывников отличаются от отказов, обусловленных корыстными (меркантильными) интересами граждан, не только мотивацией. Существенным различием и важнейшей специфической особенностью является то обстоятельство, что отказы от военной службы по убеждениям могут признаваться государством в качестве основания для освобождения от военной службы, а отказы, мотивированные корыстными интересами, в качестве такового основания не признаются.

В настоящее время право граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы выступает как один из международных стандартов в области прав человека. Данный стандарт приобрел статус международного относительно недавно. Проблема освобождения граждан вследствие их убеждений от военной службы и замены ее альтернативной службой¹⁷ стала предметом активного обсуждения в комиссиях ООН и на других авторитетных международных форумах только с конца 80-х гг. XX в. Обсуждение проблемы было продиктовано тем обстоятельством, что в этот период примерно в 22 государствах (СССР входил в число этих государств) отказ от несения военной службы по соображениям совести карался лишением свободы [142]. И это в то время, когда «Всеобщая декларация прав человека», принятая еще в 1948 г., закрепляла за каждым человеком право на свободу мысли, совести и религии (ст. 18), а также право на свободу убеждений и на их свободное выражение; свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений (ст. 19) [25]. Право на свободу мысли, совести и религии было включено в «Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод» (ст. 9) и в «Международный пакт о гражданских и политических правах» (ст. 18). В частности, в п. 2 ст. 18 «Международного пакта о гражданских и политических правах» было отмечено: «Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору» [103]. Из группы прав, провозглашенных перечисленными выше документами, логично вытекало право на отказ

¹⁷ Альтернативная служба — это особый вид государственной службы, заменяющий военную службу по призыву (воинскую повинность) гражданам, имеющим убеждения, несовместимые с прохождением этой службы. Под «военной службой» в данном случае понимается любая служба, связанная с использованием оружия, боевой техники, имеющая целью воздействовать на людей путем вооруженного насилия, независимо от причин, приведших к этому насилию. Термину «альтернативная служба» соответствуют термины «альтернативная гражданская служба», «трудова служба», «вневоинсковая служба» и т. п., применяемые в различных странах.

от воинской службы по убеждениям совести. В итоге в странах, руководствующихся данными документами, возникло противоречие между обязанностью граждан нести военную службу и их правом отказаться по убеждениям от этой службы.

Устраняя отмеченное выше противоречие, Комиссия ООН по правам человека в своей резолюции № 46, принятой в 1987 г., определила отказ от военной службы по убеждениям совести как законное осуществление права на свободу мысли, совести и вероисповедания. В дальнейшем это определение подтверждалось в резолюциях Комиссии, принятых в 1989, 1993 и 1995 гг. Определение Комиссии поддержал Комитет ООН по правам человека. Правительствам государств-членов ООН было рекомендовано внести соответствующие изменения в свои национальные законодательства и правовую практику. В 1989 г. Конференция по человеческому измерению СБСЕ¹⁸ на своем Парижском совещании рекомендовала всем государствам-членам ООН ввести альтернативную службу. Эта служба должна заменять военную службу, носить сугубо гражданский характер, быть общественно полезной, не применяться в форме наказания и не быть связанной со службой в боевых частях. В 1990 г. был принят Документ Копенгагенского Совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. В п. 1 ст. 18 этого Документа государства-участники Конференции отметили, что «...Комиссия по правам человека Организации Объединенных Наций признала право каждого отказываться от военной службы по убеждениям совести»; в п. 4. ст. 18 зафиксировано согласие государств-участников Конференции «...рассмотреть вопрос о введении, где это еще не было сделано, различных форм альтернативной службы, которые совместимы с мотивами отказа по убеждениям совести, причем такие формы альтернативной службы в принципе не будут связаны со службой в боевых частях или будут иметь гражданский характер, будут общественно полезными и не будут носить характера какого-либо наказания»; п. 6 этой же статьи отражает согласие государств-участников Конференции «сделать информацию по этому вопросу доступной общественности» [43, с. 658].

¹⁸ «Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе» (англ. *Conference for Security and Cooperation in Europe — CSCE*) было создано по инициативе СССР и социалистических государств Европы как постоянно действующий международный форум представителей 33 европейских государств, а также США и Канады для выработки мер уменьшения военного противостояния и укрепления безопасности в Европе. В последующем переименована в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Начиная с 1989 г. Европейский парламент в своих резолюциях также призывает гарантировать право на отказ от воинской службы, вооруженной или невооруженной, всем членам общества, чье решение основано на глубоких убеждениях совести; ввести это право в качестве основного гражданского права в законодательные системы государств.

С конца 80-х гг. XX в. в большинстве западных стран начинают предприниматься практические шаги по реализации права граждан на отказ от воинской службы по убеждениям и введению альтернативной службы. Так, в 90-е гг. XX в. примерно в одной трети от всех стран, комплектовавших свои армии способом обязательного призыва, была узаконена альтернативная служба. В число этих стран вошли Германия, Франция, Италия, Австрия, Бельгия, Испания, Швеция, Польша, Венгрия, Чехия и др.

В перечне стран, где действует институт альтернативной гражданской службы, особое место занимает Германия. В этой стране еще в 1961 г., через пять лет после введения воинской повинности, в соответствии с Конституцией была введена альтернативная служба. В 1961 г. право проходить эту службу получили всего 340 человек. В конце XX в. в Германии в общей сложности было создано 170 тыс. рабочих мест для желающих проходить альтернативную службу. Причем число военнообязанных, заявивших об отказе от военной службы, составляло только 130 тыс. человек, т. е. 40 тыс. рабочих мест являлись резервными [143, с. 32—33].

Количество государств, где действует институт альтернативной службы, постоянно растет, в том числе и за счет стран, входивших ранее в состав СССР. Среди таких стран — Молдова, Украина, Кыргызстан, Узбекистан и др. С 1 января 2004 г. в Российской Федерации вступил в действие закон «Об альтернативной гражданской службе».

Замена военной службы альтернативной службой базируется на еще одной особенности отказов от военной службы вследствие убеждений призывников. Отказники по убеждениям в большинстве случаев готовы вместо обязанностей военной службы выполнять другие гражданские обязанности, в частности, проходить альтернативную службу. Однако здесь есть исключения, учитывать которые крайне важно.

Исходя из отношения к выполнению обязанностей, заменяющих обязанности военной службы, призывники, отказывающиеся от прохождения военной службы по убеждениям, могут быть поде-

лены на несколько типов. К первому типу относятся призывники, готовые выполнять любые обязанности, в том числе и в рамках несения военной службы, за исключением тех из них, которые предполагают применение оружия или подготовку к такому применению. Их отказ распространяется только на боевую составляющую военной службы или, образно говоря, на службу с оружием в руках.

Ко второму типу относятся призывники, отвергающие выполнение любых обязанностей в рамках прохождения военной службы, независимо от их характера. Обосновывается такой подход тем, что даже выполнение обязанностей так называемой нестроевой службы, к примеру санитарной, косвенно способствует совершению убийств. К тому же в условиях ведения боевых действий трудно исключить ситуации, когда применять оружие будут вынуждены также лица, отнесенные к числу *нонкомбатантов*¹⁹. Для призывников, отнесенных к этому типу, крайне значимо, чтобы обязанности, выполняемые взамен военной службы, носили исключительно мирный (гражданский) характер.

Приведенные выше типы отказников можно охарактеризовать как имеющие наибольшее распространение. Причем второй тип в настоящее время выступает как основной. С этим обстоятельством связан один из ключевых принципов организации современной альтернативной службы, используемый в большинстве стран — эта служба должна носить исключительно гражданский характер. В 90-е XX в. на этапе разработки проекта закона об альтернативной службе в Российской Федерации представители вооруженных сил предлагали в число мест прохождения альтернативной службы включить подразделения обеспечения боевых частей, т. е. должности в военных структурах, комплектуемые солдатами и сержантами срочной службы, но где не предусмотрено применение оружия. К чести российских законодателей указанный выше принцип приняли во внимание, и предложение военных не было реализовано. В результате на законодательном уровне гражданский характер альтернативной службы был закреплен даже в самом ее названии — «альтернативная гражданская служба». При этом законом допускается прохождение альтернативной службы в военных организациях, но только в качестве гражданского персонала.

¹⁹ *Нонкомбатанты* (фр. *non-combattants*) — в международном праве — лица, не входящие в состав вооруженных сил воюющих государств, а также лица, хотя и входящие в состав вооруженных сил (в качестве обслуживающего персонала), но не принимающие непосредственного участия в ведении военных действий (например, медицинский персонал), в отличие от комбатантов.

Вместе с тем исследование отечественной истории отказов от военной службы в XIX—XX вв. убедительно показывает, что типология призывников, вследствие своих пацифистских убеждений, отвергающих военную службу, не может быть ограничена только двумя охарактеризованными типами. Необходимо выделить еще как минимум два типа призывников, отказывающихся от несения военной службы по причине своих убеждений. К одному из таких типов следует отнести призывников, считающих, что в выборе своей деятельности они должны быть полностью свободны. Поэтому они соглашались выполнять взамен военной службы только те альтернативные обязанности, которые выберут сами. К другому типу отнесем призывников, у которых неприятие насилия и военной службы носило еще более радикальный характер. Они не признавали не только принудительную воинскую повинность, но и любую другую заменяющую ее принудительную обязанность. Признание допустимости для себя замены обязательной военной службы другой гражданской обязанностью для них было равносильно признанию за отдельными людьми права насильно распоряжаться другими людьми. Считаая неприемлемым в отношении себя даже такое насилие, призывники, отнесенные к этому типу, отказывались выполнять любую работу по приказанию начальства, даже ту самую, которую они выполняли до призыва. О случаях таких радикальных отказов от воинской повинности было известно властям Советского государства. Именно поэтому в Декрет Совнаркома «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» от 4 января 1919 г. было включено положение (по личному указанию В. И. Ленина), допускающее в отдельных случаях освобождение граждан от воинской повинности без какой-либо замены ее другой гражданской обязанностью [77, с. 195].

Субъектами, отрицающими военную службу, могут выступать как социальные группы в целом, так и их отдельные члены. Что касается отдельных лиц, отрицающих военную службу вследствие своих убеждений, то здесь уместно подчеркнуть следующую особенность. Эти лица могут быть членами социальных групп, которые в большинстве своем не разделяют подобного отрицания. Так, человек православного вероисповедания, в традициях которого закреплено положительное отношение к военной службе, может иметь личные убеждения, несовместимые с ее несением. Истории известны и прямо противоположные случаи, когда, к примеру, религиозная организация исповедует религиозный пацифизм, а от-

дельные ее члены участвуют с оружием в руках в военных действиях. Перечень социальных групп (как больших, так и малых), где в качестве групповой нормы присутствует отрицание военной службы, достаточно разнообразен. К таким группам относятся религиозные организации, различные общества, движения, отдельные семьи и т. д.

Приведенные выше особенности отказов от военной службы вследствие убеждений призывников позволяют отнести эти отказы к разряду весьма специфических явлений. Перечень этих особенностей может быть расширен, а их содержание углублено.

1.4. Отказы от несения военной службы по религиозным убеждениям

С учетом предмета данного исследования и его хронологических рамок предпримем краткий анализ теоретических оснований христианских религиозных убеждений, определяющих отношение носителей этих убеждений к воинской службе. Отказы от несения военной службы по религиозным убеждениям основываются на понимании учения Христа как учения, запрещающего убивать, брать в руки оружие, допускать любое насилие, даже если все это призвано противостоять злу. По убеждению сторонников такого подхода нарушение христианской заповеди «не убивай» лишает права на жизнь вечную. В качестве идейного подтверждения всего этого используются соответствующие заповеди Иисуса Христа. В наиболее полном виде они отражены в Святом благовествовании от Матфея, где дается изложение Нагорной проповеди Христа. В ней Христос призывает: «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду» (от Матфея 5:21) [5]. «А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...» (от Матфея 5:39) [5]. «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (от Матфея 5:44) [5]. В этом же благовествовании приводятся слова Иисуса Христа, обращенные к одному из его учеников, пытавшемуся с оружием в руках защищать Христа от ареста: «...возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечем погибнут...» (от Матфея 26:52) [5]. На вопрос, что делать, чтобы унаследовать жизнь вечную, Иисус Христос называет заповеди, которым надо следовать в жизни. В числе первых из этих заповедей стоит заповедь «не убивай» (от Матфея 19:17-18) [5]. Заповедь Христа «не убивай»

приводится и в Евангелиях от Марка (10:19) [5], от Луки (18:20) [5], в первом послании Иоанна (3:15) [5].

Понимание учения Христа как учения, запрещающего убивать, брать в руки оружие, допускать любое насилие, а значит, и нести воинскую службу стало важнейшим принципом вероучений меннонитов, квакеров, а позднее и других протестантских церквей и течений. Среди религиозных сект российского происхождения этот принцип наиболее последовательно отстаивали духоборы и молокане. Наряду с этим сторонники буквального понимания христианской заповеди «не убивай» как запрещающей убийство при любых обстоятельствах обосновывали свою позицию еще рядом обстоятельств. Убивая другого, человек покушается на убийство Бога, так как в каждом человеке живет Святой дух. Кроме того, верующих не должны затрагивать исключительно земные, да еще и грешные проблемы, к которым относятся войны.

Виднейшие представители российского религиозного сектантства рассматривали через призму заповеди Христа «не убивай» вопросы войн, допустимость участия в них в современных условиях. Так, В. Г. Чертков²⁰ в одной из своих статей о необходимости борьбы против войн писал: «Иисус ни одного слова не проронил непосредственно в осуждение войны, — ибо он проповедовал такое понимание жизни, и собственным примером дал нам такой образец отношения к людям, при которых никакая война немыслима» [111, л. 2]. Один из лидеров религиозного сектантства России в 20-е гг. XX в. И. М. Трегубов, рассматривая теорию отказов от военной службы по религиозным убеждениям, отмечал: «Если всякое убийство есть грех, то мы считаем таким же грехом и военное человекоубийство и обучение ему» [36, л. 40].

Религиозно-нравственное учение Л. Н. Толстого, наиболее последовательного и известного пацифиста России, содержало абсолютное неприятие воинской службы во всех ее проявлениях, и в этом плане оно тесно смыкалось со взглядами радикальных религиозных пацифистов. Л. Н. Толстой призывал следовать христианской истине «не убивай» без всяких исключений. В силу этого он относился отрицательно к идее замены воинской службы дру-

²⁰ Владимир Григорьевич Чертков (1854—1936) — русский общественный деятель, публицист и издатель, близкий друг и секретарь Л. Н. Толстого. Служил в 1873—1881 гг. в конногвардейском полку, затем пережил идейный кризис и ушел в отставку. Воспринял учение Л. Н. Толстого и стал пропагандистом толстовства. В 1917—1920 гг. редактировал журнал «Голос Толстого и единение». Был председателем Объединенного Совета религиозных общин и групп.

гой альтернативной гражданской обязанностью, поскольку такая замена смягчала бы остроту протеста против войны и насилия.

Наряду с представленной выше точкой зрения верующих на заповеди Христа существует и другая, менее радикальная точка зрения, допускающая компромиссы. Согласно ей участие в войнах, а следовательно, и убийство при определенных обстоятельствах не противоречит христианскому учению, а, значит, является допустимым. Такой точки зрения придерживается большинство христианских религиозных организаций мира, в том числе и православных. В качестве обоснования допустимости участия христиан в войнах чаще всего используются следующие теоретические положения.

Во-первых, войны будут сопровождать человечество на протяжении всего его земного существования. «Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец» (от Матфея 24:6) [5]. В святоотеческих толкованиях текстов Священного Писания войны рассматриваются как возмездие народу за тяжкие прегрешения против Бога и в первую очередь за нарушение верности Богу. В этом усматривается первопричина возникновения войн и их смысл.

Во-вторых, войны могут быть справедливыми. К справедливым относятся войны, ведущиеся вынужденно в целях защиты отечества и веры, они носят оборонительный характер и не направлены на захват чужих территорий или имущества. Справедливые войны благословляются Богом. Доктрина справедливой войны была предложена еще в V в. Августином Блаженным Аврелием (354—430), получила дальнейшую разработку в трудах Фомы Аквинского (1225/1226—1274) и Франциско Суареса (1548—1617). Так, Августин писал: «...заповеди не убий отнюдь не преступают те, которые ведут войны по полномочию от Бога или, будучи в силу Его законов (то есть ввиду самого разумного и правосудного распоряжения) представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью» [7, с. 39]. Более того, Августин считал, что война даже может приносить пользу, так как уничтожает или ослабляет произвол злонравных людей, а осуждение некоторыми воинской службы «в действительности возникает не из религиозных мотивов, а по трусости» [152]. Филарет Московский относительно справедливых войн высказался следующим образом: «...война — страшное дело для тех, которые предпринимая ее без нужды, без правды, с жаждою корысти или преобладания, превратившейся в жажду крови. На них лежит тяжкая ответственность за кровь и бедствия

своих и чужих. Но война — священное дело для тех, которые принимают ее по необходимости — в защиту правды, веры, отечества» [152]. Положение о допустимости участия христиан в справедливых войнах представляется основным аргументом в обосновании позиции тех, кто не разделяет радикального христианского пацифизма.

В-третьих, действие заповеди «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (от Матфея 5:44) [5] распространяется только на личных врагов христианина и не распространяется на врагов Божьих. И. А. Ильин, рассуждая о границах любви в своей работе «О сопротивлении злу силою», пишет, что Христос никогда не призывал любить тех, кто ненавидит и попирает все Божественное (врагов Божьих). Для тех, кто содействует таким врагам, сочувствует и умиляется на них, Христос «имел и огненное слово обличения (Мтф. XI. 21-24. XXIII; Мрк. XII. 38-40; Луки. XI. 39-52. XIII. 32-35. XX. 46-47, и др.), и угрозу суровым возмездием» [54, с. 493—494].

В-четвертых, в творениях святых отцов содержится положение о том, что участие в бою, а значит, и возможное убийство неприятеля не приравнивается к греху убийства. Святитель Афанасий Великий в «Послании к монаху Амуну», которое было утверждено как общецерковное учение на VI и VII Вселенских Соборах, пишет: «Убивать непозволительно, но истреблять неприятеля на войне и законно, и достойно похвалы; поэтому отличившиеся в бранях удостоиваются великих почестей, и им воздвигаются памятники, возвещающие об их заслугах» [149, с. 369].

В-пятых, в качестве теоретического положения, обосновывающего допустимость участия христиан в войнах, используется и заповедь Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (от Иоанна 15:13) [5]. В святоотеческом толковании эта заповедь рассматривается как призыв выступить войной против тех, кто воюет с нашим христианским отечеством и враждует против нашей благочестивой веры. В такой войне не только допустимо, но и почетно положить душу свою за христианское царство и целость Церкви, за жизнь и благо ближнего, своей семьи, своего народа [152; 153].

В-шестых, воинская служба сама по себе не препятствует спасению. При этом святые отцы нередко подчеркивают, что само по себе воинское служение, как и любой другой вид служения, не мешает

ни спастись, ни погибать, все зависит от пути, избранного каждым человеком и призывают воинов хранить веру и благочестие. Так, к примеру, оружие может применяться только в случае нравственной оправданности его использования. Для доказательств этого положения используется описание благожелательного отношения Иисуса Христа к просьбе сотника об исцелении слуги в Капернауме. Иисус согласился выполнить просьбу сотника и высоко оценил его веру, при этом, как отмечается в святоотеческих толкованиях, Христос не потребовал от сотника оставления службы (от Матфея 8:5-10) [5]. Не потребовал оставления службы от воинов, обратившихся к нему с вопросом, что им делать, и Иоанн Креститель (от Луки 3:14) [5].

В-седьмых, подтверждение допустимости для христиан убийства в ряде случаев противники радикального религиозного пацифизма находят и в Ветхом Завете. Протоиерей отец Всеволод (Чаплин) пишет: «Пацифисты либо не знают, либо забывают, что в том же Ветхом Завете Бог многократно предписывал предавать смерти недругов богоизбранного народа, а также кощунников, колдунов, гомосексуалистов и других тяжких нарушителей религиозного закона. Собственно, заповедь «не убивай», если рассматривать ее в контексте всех ветхозаветных священных книг, относится по преимуществу к несправедливому убийству членов собственной этнорелигиозной общины древнего Израиля» [133].

Не претендуя на всестороннюю теоретическую проработку используемой аргументации при решении проблемы толкования христианской заповеди «не убивай», не ставя целью отстаивать какую-либо из рассматриваемых позиций, хотелось бы все же выделить ряд особенностей идейного противостояния сторонников этих позиций. Сторонники понимания заповеди «не убивай», как однозначного запрета на все убийства, как правило, апеллируют, что называется к первоисточнику – Священному Писанию, а именно к Новому Завету²¹, в то время как противники такого радикального подхода находят свои аргументы и в Ветхом Завете, но чаще всего в трудах святых отцов, содержащих святоотеческое толкование текстов Священного Писания. При этом и те, и другие нередко используют для последующей интерпретации цитаты из Писания, иногда отделяя их содержание от общего контекста, не всегда принимая во внимание часто используемые в текстах аллегории. В статье «Священное писание о войне и воинском служении», напи-

²¹ Такой подход может быть продиктован и особенностями вероисповедания.

санной протоиереем Александром Григорьевым [153], содержится призыв к протестантам, буквально понимающим слова Иисуса: «...все, взявшие меч, мечом погибнут» (от Матфея 26:52) [5], буквально понимать и такие слова Спасителя: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (от Матфея 10: 34) [5]. Контекст²² же, из которого взяты первые из цитируемых слов Иисуса, однозначно говорит о том, что речь идет о мече, как об оружии в прямом смысле этого слова. Во втором случае цитирования Христа все содержание главы 11 Евангелия от Матфея, откуда взяты цитируемые слова, указывает, что речь идет, несомненно, о духовной брани, и слово «меч» в этом случае никак нельзя понимать буквально.

Возможность теоретически обосновать свои позиции сторонникам и противникам допустимости для христиан воинской службы дает противоречивое отношение к насилию, содержащееся в Ветхом и Новом заветах. Эту противоречивость достаточно наглядно иллюстрируют данные контент-анализа текста Библии, представленные А. Я. Анцуповым и А. И. Шпиловым. Из 12 407 понятий и категорий, входящих в Ветхий Завет и Новый Завет, 1909 в той или иной мере отражают проблему насилия (15,39 %) и 1884 высказывания отражают положительную направленность категорий «мир», «согласие» и т. п. (15,18 %). Наиболее часто употребляется категория «наказание» и производные от нее (25,9 % от числа понятий группы «насилие»). Довольно часто употребляются слова «убить», «убивать» (20,8 %), в которых отражается стремление действующих лиц к насилию, уничтожению других. Часто используются призывы к возмездию (18 %); ненависть и злоба к другим (13,3 %); насилие, война, воевать (12 %); бить, избивать, отнять, присвоить (8,1 %). Среди категорий группы «мир» и «согласие» наиболее часто употребляются термины и фразы: «спасение» (23 % высказываний); «протянуть руку ближнему», «поддержка», «оказать помощь» (26 %); призывы к любви (20 %). Сравнительно реже появляются такие понятия, как «прощение» (13 %), «содействие» и «мир» (по 7,6 %) [2, с. 20—21].

Еще одной особенностью понимания заповеди «не убивай» в христианстве является то обстоятельство, что с ветхозаветных времен осуждается участие в войне священников. Христианские

²² «И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26: 51-52).

религиозные организации, допуская участие рядовых христиан в справедливых войнах, а значит, и убийство врагов в ходе их ведения, категорически отрицают личное ношение и применение оружия священниками, в том числе и военными. Это отрицание не зависит ни от характера войн, ни от каких-либо других обстоятельств, при которых для всех других верующих совершение убийства этими религиозными организациями допускается. Другими словами, учение Христа как учение, запрещающее убивать, брать в руки оружие, для самих священников трактуется как однозначно запретительное. Истории известны примеры, когда этот запрет нарушался. Так, с благословения основателя и игумена Троице-Сергиева монастыря Сергия Радонежского, данного по просьбе князя Димитрия Донского, в Куликовской битве героически участвовали монахи этого монастыря, а в прошлом воины Александр Пересвет и Родион Ослябя. Однако этот и подобные примеры, имевшие место в истории христианства, представляют собой редкое исключение из общего правила отрицания священнослужителями, церковнослужителями и монахами воинской службы как в мирное, так и в военное время. Нарушение этого правила влекло за собой суровое наказание со стороны церкви. Признавалось это правило и властями. По законам Российской империи от воинской службы освобождались священнослужители всех христианских вероисповеданий, православные псаломщики, настоятели и наставники старообрядческих и сектантских христианских общин и др.

Относительно упомянутых выше военных священников следует отметить, что еще в древние времена священники всегда сопровождали христианские войска в походах²³. В Российской империи институт военных священников начал формироваться еще в начале XIX в. и функционировал вплоть до октября 1917 г. В российской армии военные священники занимались религиозным и нравственным воспитанием солдат и офицеров, в военное время укрепляли их морально-боевой дух, обучали солдат грамоте, обеспечивали полковые библиотеки книгами, принимали меры к тому, чтобы все погибшие воины были надлежащим образом погребены. Многие военные священники в ходе ведения боевых действий проявляли личное мужество и героизм, за что и были отмечены наградами, в том числе и орденом святого Георгия. Для военных священников в России была учреждена и специальная награда за военные под-

²³ В настоящее время институты военных священников (капелланов) действуют в армиях многих стран.

виги — золотой наперсный крест на георгиевской ленте. Однако военные священники даже в ходе боевых действий лично не имели права носить и применять оружие, а во время боя им вменялось в обязанность прежде всего помогать раненым в медпунктах. Военные священники во все времена имели официальный статус нонкомбатантов. Этим военные священники принципиально отличались от комиссаров, политруков и замполитов, также занимавшихся вопросами воспитания личного состава в советских вооруженных силах, но при этом лично участвовавших в боях с оружием в руках.

Наряду с существующим запретом на личное участие священников в ведении боевых действий о неоднозначной оценке допустимости совершения убийства христианами даже в условиях ведения справедливой войны свидетельствует и такой факт. Некоторые святые отцы прямо указывали, что подобные убийства — дело не совсем чистое и безвредное для души солдата. Так, святитель Василий Великий (Василий Кесарийский) (ок. 330—379) указывал, что настоящий убийца в подлинном смысле этого слова должен отлучаться от причастия на 20 лет. А те, кто убивал на войне, как имевшие нечистые руки, также должны три года воздерживаться от приобщения к святым таинствам [150, с. 204]. Упомянем в связи с этим, что на Руси был обычай, в соответствии с которым вернувшиеся с войны какое-то время жили в монастыре в целях духовной реабилитации. Аналогичная оценка последствий убийства для христианина даже на справедливой войне дается и в современных условиях. Уже цитируемый ранее протоиерей отец Всеволод (Чаплин) отмечает: «Даже праведное убийство оскверняет человеческую душу» [133]. Обратим внимание и на содержание заповеди: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (от Иоанна 15:13) [5]. Речь в ней идет не о физической гибели, а о гибели именно души. Казалось бы, налицо противоречие: воюя, христианин жертвует собой ради веры и своих единомышленников, совершает тем самым богоугодное деяние, а душа вследствие этого пропадает. Однако это противоречие снимается, если рассматривать участие даже в справедливых войнах как путь насилия, пускай и по отношению к злу, а этот путь как путь, который не может не повредить душе. Крайне уместной в этой связи представляется точка зрения выдающегося русского философа И. А. Ильина: «Вести борьбу со злодеями есть дело необходимое и духовно верное; но пути и средства этой борьбы могут быть и бывают вынужден-

но-неправедные. И вот, только лучшие люди способны вынести эту неправедность, не заражаясь ею; найти и соблюсти в ней должную меру; помнить о ее неправедности, о ее духовной опасности; и найти для нее личные и общественные противоядия. Счастливы в сравнении с ними монахи, ученые, художники и созерцатели: им дано творить чистое дело чистыми руками. Но не суд и не осуждение должны они нести воинам, а благодарность к ним, молитву за них, умудрение и очищение: ибо они должны понимать, что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела. Они должны помнить, что если бы у всех людей страх перед грехом оказался сильнее любви к добру, то жизнь на земле была бы совсем невозможна» [54, с. 565].

Неоднозначность оценки святыми отцами допустимости воинской службы, даже критическое отношение к ней можно увидеть и в решении вопроса, кто должен, а кто не должен идти на военную службу. Так, ревнитель чистоты Православия преподобный Исидор Пелусиот (IV—V вв.), глубоко почитаемый всей Церковью, обращается с такими словами к Кинтиниану, который решил отправить в армию своего сына, имевшего способности к наукам: «Смутили меня неприятные слухи, известившие о деле, противном общему желанию. Иные сказывают, будто бы до того ты обезумел и расстроился в рассудке, что этому отроку, которому Бог дал способность всему обучаться, намереваешься дать в руки оружие и определить его в военную службу, не высоко ценимую, даже презираемую и делающую людей игрушкой смерти. Поэтому, если не вовсе поврежден у тебя рассудок, оставь безрассудное намерение: не гаси светильника, который о том старается, чтобы возгореться на славу; дозвожь человеку разумному продолжать занятие науками. А эту честь или, лучше сказать, это наказание, побереги для других, каких-нибудь бродяг, которым прилично невежество толпы» [130, с. 162].

Святые отцы, отстаивающие допустимость воинской службы для христиан и их участие в войнах, сопровождают это рядом существенных условий. В качестве такого условия выступает недопустимость для воюющего христианина злобы и неоправданного насилия. Еще одним условием является возможность отказа воина-христианина от выполнения приказов, направленных против веры и заповедей Божьих (преступных приказов), не исключая тех случаев, когда такое невыполнение грозит ему смертью. В частности, применение оружия возможно только в случае религиозно-нравственной оправданности его использования. При таком подходе

неизбежен ряд вопросов. Кто и когда на практике будет определять эту оправданность? Если сам воин-христианин непосредственно перед применением оружия, т. е. в ходе боя, то что делать командирам, когда в самый ответственный момент сражения часть подчиненных, руководствуясь религиозно-нравственной оценкой отдаваемых приказов, откажется от боевого применения оружия?²⁴ Если исходить из допустимости участия христиан в справедливых войнах, то встает вопрос о том, кто и на основании чего будет решать, справедливая война или нет? Если следовать заповеди «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (к Римлянам 13:1) [5], то такое решение можно доверить государственной власти. Однако встает вопрос о том, как часто в истории были войны, которые правительства стран, развязавших эти войны, открыто позиционировали как несправедливые? Возьмем для примера войну СССР с Финляндией (1939—1940 гг.) и зададимся вопросом — обладал ли призываемый на эту войну воин-христианин достаточной информацией, чтобы определить ее характер?

К особенностям идейного противостояния сторонников и противников допустимости использования оружия христианами следует отнести и тенденцию перехода адептов той или иной позиции на прямо противоположную. Анализ истории религиозного пацифизма показывает, что такой переход мог осуществляться как в масштабе всей религиозной организации, так и ее отдельными членами. Переход на иные позиции в масштабе всей религиозной организации во многом обуславливался изменением ее социального и политического статуса, а также взаимоотношениями с властями. Так, первые христиане изначально отрицали войну и воинскую службу, но как только власти прекратили гонения на них, и христианство превратилось в официальную религию Римской империи, отрицание воинской службы и войны сменилось у христиан их приятием. Подобная смена позиций сопровождалась доктринальными изменениями. Во II—III вв. христианские теологи Климент Александрийский (Тит Флавий) (? — до 215) и Ориген (ок. 185—253/254) отстаивали несовместимость участия в войне с учением Иисуса Христа. Начиная с V в., как отмечалось выше, христианскими

²⁴ Для полноты картины можем представить себе военного летчика-христианина, который в решающий момент откажется сбросить бомбы на неприятеля по той причине, что они, возможно, поразят не только неприятеля, но и мирное население. С военной точки зрения с такими летчиками боевое применение авиации может просто потерять всякий смысл, аналогично — и ракетных войск, артиллерии и т. д.

теологами стала разрабатываться и совершенствоваться доктрина справедливой войны. Позднее эта доктрина была отвергнута рядом протестантских сект, вставших на позиции радикального религиозного пацифизма. В 20-е гг. XX в. российские евангельские христиане и баптисты изменили свое отношение к военной службе и признали ее допустимой для себя. Такое решение было следствием мощного давления Государственного политического управления (ГПУ) на представителей этих религиозных сект и в первую очередь на их лидеров. Анализ примеров перехода религиозных организаций от радикального религиозного пацифизма к менее радикальному приводит к выводу о том, что такой переход во многом обуславливается процессами сближения этих религиозных организаций с государственной властью.

Изменение личного отношения к вопросам несения воинской службы, участию в войнах со стороны отдельных верующих различных религиозных организаций в истории встречается достаточно часто. В разное время и в разных странах непосредственное участие в ведении боевых действий принимала часть меннонитов, хотя в целом меннониты известны своей последовательностью и бескомпромиссностью в отстаивании принципа отрицания воинской службы и всего того, что с ней связано. Убедителен пример самого Л. Н. Толстого и его ближайших сподвижников, которые изначально были православными, боевыми офицерами, а впоследствии стали яркими пацифистами. Особо информативны в этом плане примеры В. Г. Черткова, служившего в 1873—1881 гг. в конногвардейском полку, затем пережившего идейный кризис и ушедшего в отставку, ставшего близким другом и доверенным лицом Л. Н. Толстого; Д. А. Хилкова, служившего казацким сотником, участвовавшего в боевых действиях, затем оставившего службу и ставшего активным пропагандистом пацифистских воззрений. Отношение религиозных организаций к подобной трансформации убеждений у их членов бывает различное и зависит от ряда обстоятельств, в том числе от конкретного исторического периода и от взаимоотношений этих организаций с властями. Известны случаи, когда за отступление от заповедей в отношении военной службы, исповедуемых религиозной организацией, отступников лишали членства в ней. В других случаях религиозные организации, в том числе и те, вероучение которых отрицает военную службу, предоставляют своим членам право самим определять свое отношение к этой службе и всему тому, что с ней связано. Подобного подхода придерживались протестантские организации в СССР.

Предпринятый краткий теоретический анализ проблемы христианских религиозных убеждений, определяющих отношение носителей этих убеждений к воинской службе, показывает, что в теоретической борьбе сторонников радикального религиозного пацифизма и его противников победителей не было в прошлом, нет их в настоящем и вряд ли они появятся в обозримом будущем. И у тех, и у других всегда будет возможность теоретически обосновать свою точку зрения и опровергнуть точку зрения своих оппонентов.

1.5. Актуальные задачи, обусловленные узаконением права граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы

Узаконение права граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы и введение альтернативной службы предполагают постановку и решение как на теоретическом, так и на практическом уровнях ряда актуальных задач. Тема данного исследования не обязывает к их подробному рассмотрению. Однако актуальность данных задач, а самое главное — очевидная связь оптимальных путей их решения и исторических знаний, в том числе политики Российской империи в отношении идейных отказов от воинской повинности, побуждают автора выделить эти задачи.

С учетом прошлого и настоящего как отечественного, так и зарубежного опыта государственной политики в отношении отказов по убеждениям от воинской службы крайне сложной и актуальной видится задача определения характера и подлинности убеждений, дающих право на освобождение от военной службы. В большинстве стран, где в настоящее время позитивно относятся к отказам от военной службы по убеждениям и где действует институт альтернативной службы, к таким убеждениям относят прежде всего религиозные, философские и этические. К перечню этих убеждений могут быть добавлены и политические убеждения. Так, в Российской Федерации политические убеждения не исключены из перечня убеждений, являющихся основанием для замены военной службы на альтернативную гражданскую службу. Вместе с тем как отечественный, так и зарубежный опыт государственной политики в отношении отказов по убеждениям от воинской службы свидетельствует о том, что такой подход не всегда и не везде выступает как правило. В России еще с Петровских времен члены религиозных сект бегунов, неплательщиков, немоляков уклонялись от военной службы, также как и от других повинностей, налагаемых государственной

властью, будучи убежденными, что данная власть — власть антихриста. Однако в последующем в Российской империи даже самые радикальные сторонники политики освобождения от военной службы граждан вследствие их убеждений исключали из их числа политические убеждения. В 20-е гг. XX в. в Советском государстве существовала законодательно закрепленная практика освобождения от воинской повинности граждан, чьи убеждения противоречили этой службе. Основанием для такого освобождения являлись исключительно религиозные убеждения [162]. В настоящее время в ряде стран, образовавшихся на постсоветском пространстве, освобождение от военной службы вследствие убеждений призывников и направление их на альтернативную службу осуществляется также только на основе пацифистских религиозных убеждений.

До середины 60-х гг. XX в. в ФРГ от военной службы по большей части отказывались коммунисты. Они не хотели воевать против предполагаемого в то время врага — армий стран Варшавского Договора, в которых служили их единомышленники, такие же, как и они, коммунисты. Часто им отказывали в освобождении, обосновывая отказ тем, что у них нет тех убеждений совести, которые зафиксированы в конституции страны. Их мотивы скорее считались политическими и поэтому недействительными с точки зрения права. Вследствие этого многие молодые люди в Германии, отказавшиеся от военной службы, считались трусами и предателями родины.

Отказы от прохождения военной службы именно по политическим убеждениям имели место и в период распада СССР. Тогда некоторые республики СССР (Латвия, Эстония, Грузия) своими законами ввели у себя альтернативную службу, в то время как в самом СССР альтернативной службы не было. Подобную инициативу вряд ли можно связать исключительно с желанием руководства данных республик как можно быстрее реализовать на практике принцип свободы совести своих граждан. Скорее всего роль катализатора в процессе узаконивания альтернативной службы в этих республиках сыграли их политические устремления — выход из СССР, признание Советских Вооруженных Сил на своей территории «инородным телом». Введение альтернативной службы позволяло перечисленным республикам продвинуться вперед на пути к полному суверенитету, сократить число призывников, направляемых в Вооруженные Силы СССР, должно было служить доказательством реальной демократизации общества [162, с. 6]. Интересным представляется и факт, приведенный в блоке новостей 29 июля 2009 г. радиостан-

цией «Свобода». Майор армии США отказался ехать в Афганистан и участвовать там в боевых действиях. Мотив — убеждение в незаконности избрания Барака Обамы президентом страны по причине его рождения вне территории США. Представим, что часть граждан, подлежащих призыву на военную службу, не убеждена в том, что проводимая в государстве военная политика (к примеру, всеобщая воинская обязанность) не является ошибочной. Другая часть убеждена в том, что проводимые на Северном Кавказе контртеррористические операции — война с собственным народом или единоверцами. Как быть в этих случаях? Приведенные выше примеры и то, что политические убеждения, если и отрицают военную службу, то только при определенных обстоятельствах, заставляют задуматься о целесообразности отнесения политических убеждений к убеждениям, дающим право на альтернативную службу.

Итак, сложившаяся международная практика, в том числе и в странах СНГ, сохраняет актуальность задачи практической дифференциации пацифистских убеждений призывников и выделение из них тех, которые дают право на освобождение от военной службы и прохождение альтернативной службы. К такому же выводу приводит и необходимость отделять убеждения пацифистского характера от убеждений корыстной направленности. К числу последних, к примеру, может быть отнесено убеждение в том, что личное благополучие всегда важнее любых гражданских обязанностей. Например, в Голландии часть молодых людей призывного возраста отказывается служить в армии по экономическим причинам, так как служба мешает их карьере²⁵. Актуализируют задачу дифференциации убеждений и имевшие место, как в прошлом, так и в настоящем, попытки призывников замаскировать имеющиеся у них убеждения корыстной направленности под пацифистские.

Независимо от того, признаются ли в качестве основания для освобождения от военной службы любые противоречащие ей убеждения или только часть из них, крайне важными являются

²⁵ Эти молодые люди представляют движение «яппи-отказников». Представители этого движения — так называемые «белые воротнички», молодые, честолюбивые и амбициозные люди, придерживающиеся своеобразного мировоззрения. В качестве основных ценностей для них выступают: работа и карьера, с обязательной жесткой установкой на лидерство; имидж и социальный статус. Существует также движение, представители которого имеют прямо противоположные цели. Их называют дауншифтеры. Они протестуют против системы ценностей общества потребления: не стремятся к большой зарплате, карьерному росту и т. п. Главным ориентиром дауншифтеров служит жизнь ради себя или семьи.

вопросы об установлении подлинности пацифистских убеждений. Прежде всего, можно ли в случае необходимости доказательно судить о наличии или отсутствии у человека тех или иных убеждений и как это сделать? В нашем случае – о наличии искренних убеждений у призывника, несовместимых с несением военной службы. Постановка данных вопросов и, соответственно, поиск ответов на них неизбежны в любой стране, где действует институт альтернативной службы, поскольку спорные случаи о наличии или отсутствии у того или иного призывника убеждений, дающих право на освобождение от военной службы, возникали и возникают во всех странах, а их разрешение происходит в судебном порядке, где и встают во всей своей остроте обозначенные выше вопросы. Различия проявляются лишь в количестве таких спорных случаев. Данные различия во многом связаны с принципом, лежащим в основе принятия решения о направлении призывника на альтернативную службу. В большинстве стран чаще действует заявительный принцип, чем доказательный. Иными словами, приоритетным считается сам факт заявления призывника о наличии у него убеждений, противоречащих прохождению воинской службы, а не система доказательств искренности этих убеждений.

История, в том числе и отечественная, демонстрирует различные подходы к решению задачи выявления подлинности пацифистских убеждений. В Российской империи основанием для освобождения от военной службы служил сам факт принадлежности к секте²⁶ меннонитов. Человек, рожденный в семье меннонитов, по своим религиозным убеждениям считался меннонитом и автоматически получал право на освобождение от воинской повинности. Экспертиза индивидуальных убеждений не предусматривалась, поскольку, очевидно, власти исходили из того, что воспитание в семье меннонитов всегда приводит к тому, что традиционные пацифистские постулаты их вероучения превращаются в личные убеждения каждого меннонита. Несовершенство такого наследственного подхода очевидно. Временное правительство планировало создание комитетов по распределению лиц, по совести неприемлющих военной службы, в обязанности которых входило бы и проведение экспертиз религиозных убеждений таких лиц. При со-

²⁶ Здесь и в дальнейшем под сектой (лат. *sekta* — образ мыслей, учение, направление) будет пониматься религиозное объединение, отделившееся от какого-нибудь вероучения и оппозиционное ему. Соответственно, термины «религиозное сектанство», «сектанство» будут использованы для обозначения религиозных объединений, относящихся к типу «секта».

ветской власти такие экспертизы проводились на практике, однако сопровождались они множеством трудностей, преодолеть которые так и не удалось. К таким трудностям относился подбор экспертов, способных квалифицированно, а самое главное — объективно и повсеместно проводить экспертизы убеждений. Открытым остался и вопрос определения критериев, по которым можно было бы судить о наличии пацифистских убеждений у призывников. Таким образом, отечественная история демонстрирует несколько подходов, используемых в XIX—XX вв., к решению проблемы характера убеждений, дающих право на освобождение от воинской службы, и к их выявлению. Однако ни один из этих подходов нельзя признать оптимальным.

Задача установления подлинности убеждений сохраняет свою актуальность и в наши дни. С учетом того, что не только эффективность проведения экспертизы убеждений носит спорный характер, но и вообще принципиальная возможность ее проведения, в современных условиях при решении вопроса о направлении призывника на альтернативную службу в большинстве стран чаще действует заявительный принцип, чем доказательный. Так, в Германии призывник, претендующий на прохождение альтернативной службы, должен аргументированно мотивировать свой отказ перед специальным органом (федеральным отделом по альтернативной службе), т. е. ответить на ряд стандартных вопросов, позволяющих специалистам сделать заключение об обоснованности его отказа от военной службы. В случае признания мотивов убедительными, специальный орган выносит решение о замене военной службы на альтернативную службу. В спорных случаях практикуется рассмотрение дел о направлении призывников на альтернативную службу в судах, но такая практика носит характер исключения. По статистике в подавляющем большинстве случаев немецкие отказники от военной службы получают право на прохождение альтернативной службы. В Российской Федерации призывнику для направления на альтернативную службу также достаточно лишь обосновать (указать причины и обстоятельства), что военная служба противоречит его убеждениям или вероисповеданию. При этом и в России судебное рассмотрение дела не исключается, а значит, неизбежно встанут вопросы, связанные с определением характера убеждений, дающих право на освобождение от воинской службы, и с проведением экспертизы этих убеждений.

Анализ отказов от военной службы, имевших место как в отечественной, так и в зарубежной истории, позволяет сформулиро-

вать еще одну задачу, которая сохраняет свою актуальность в современных условиях. С точки зрения права задача обусловлена противоречивыми оценками отказов от военной службы граждан вследствие их убеждений. Противоречие коренится в том, что одни и те же убеждения, в зависимости от того, когда и кем об их существовании было заявлено, могут получить различную правовую оценку. Следствием этого станут различия в принимаемом юридическом решении об освобождении от военной службы и направлении на альтернативную службу или отказе в этом. Теоретически решение данной задачи не представляется сложным — приоритетными являются сами убеждения (их сущность), а не статус лиц, имеющих такие убеждения или обстоятельства, при которых эти убеждения возникли и проявились. На практике все обстоит значительно сложнее. Рассмотрим примеры, иллюстрирующие обозначенную задачу.

В соответствии с ныне действующим российским законодательством замена военной службы и направление на альтернативную гражданскую службу возможны только при условии подачи призывником соответствующего заявления за полгода до призыва. Во всех остальных случаях убеждения или вероисповедание, противоречащие прохождению военной службы, не являются основанием для ее замены службой альтернативной, т. е. законом в одном случае убеждения и вероисповедание учитываются, а в других случаях — нет. А как быть с теми призывниками, которые обрели такие убеждения или вероисповедание в оставшиеся полгода до призыва? Кроме того, убеждения, отрицающие несение военной службы, могут появиться и во время ее непосредственного прохождения, а также при повторном призыве на военную службу военнообязанных граждан.

Убеждения, несовместимые с дальнейшим выполнением обязанностей военной службы могут появиться не только у военнослужащих, проходящих ее по призыву, но и у тех, которые служат по контракту (на профессиональной основе) независимо от их статуса. Ярчайшим подтверждением этому служит пример офицера русской армии, будущего писателя Л. Н. Толстого. Он добровольно участвовал в Крымской войне, проявил редкое бесстрашие при командовании батареей в осажденном Севастополе. За проявленное мужество был награжден орденом Анны с надписью «За храбрость» и медалями «За защиту Севастополя» и «В память войны 1853—1856 гг.», не раз представлялся к награде боевым Георгиевским

крестом. Однако в последующем Л. Н. Толстой стал непримиримым пацифистом, крайне негативно относившимся к военной службе и всему, что с ней связано.

Важно подчеркнуть также, что замена всеобщей воинской обязанности комплектованием вооруженных сил на профессиональной (контрактной) основе не означает автоматического решения проблем отказов от военной службы вследствие убеждений граждан и прохождения альтернативной гражданской службы. Поскольку такой переход еще не означает, что принудительное комплектование личным составом вооруженных сил остается в прошлом. Сохраняется вероятность проведения мобилизаций, во время которых призыву на военную службу подлежат не только добровольцы. Пример тому — переход Великобритании и США в годы Первой мировой войны от комплектования своих вооруженных сил на добровольной основе к обязательному призыву. Завершая рассмотрение проблемы, особо подчеркнем подход к ее решению, содержащийся в ст. 18 Всеобщей декларации прав человека. В ней отмечается, что право на свободу мысли, совести и религии «...включает свободу менять свою религию или убеждения...» [25, с. 41].

К числу актуальных задач, постановка которых связана с освобождением от военной службы и заменой ее службой альтернативной, следует отнести соблюдение на практике важнейшего принципа организации современной альтернативной службы — принципа паритета. Данный принцип предполагает, с одной стороны, уравнивание альтернативной службы по тяготам и лишениям, связанными с ее прохождением, со службой военной; с другой — альтернативная служба по своим форме и содержанию не должна носить характер какого-либо наказания за убеждения граждан. Нарушение этого принципа в сторону явного облегчения альтернативной службы относительно военной может привести к неуккомплектованности вооруженных сил военнослужащими срочной службы. Если, наоборот, сделать альтернативную службу более тяжелой, чем военная, то такой подход может рассматриваться как замаскированная попытка властей или искусственно ограничить количество альтернативщиков, или наказать их за убеждения. Очевидно, что как в том, так и в другом случае нарушается социальная справедливость.

Соблюдение паритета между альтернативной и военной службами связано главным образом с продолжительностью и местами их прохождения. Именно этими переменными паритет чаще всего

и обеспечивается. В Российской империи альтернативная служба меннонитов по своей продолжительности не отличалась от обязательной военной службы. В наше время в большинстве стран (Россия входит в их число), где существует альтернативная служба, сроки ее прохождения превышают сроки несения военной службы.

На соблюдение принципа паритета существенное влияние могут оказать и места, определяемые для прохождения альтернативной службы. Речь идет прежде всего о территориальном и экстерриториальном подходах при назначении мест прохождения военной и альтернативной служб. Принцип паритета между военной и альтернативной службами при прочих равных условиях может быть нарушен, если при направлении на военную службу будет применяться экстерриториальный принцип, а при направлении на альтернативную службу — территориальный принцип. Если места прохождения альтернативной службы будут находиться в местности, работа и проживание в которой представляет повышенную опасность для здоровья, например, местность, наиболее сильно пострадавшая от чернобыльской катастрофы²⁷, то это может привести не только к нарушению паритета, но и приведет к значительному сокращению числа «альтернативщиков».

С целью добиться подобного эффекта организовывалась альтернативная служба в конце 20-х гг. XX в. в Советском государстве. В это время из числа сектантов, отказавшихся по убеждениям нести военную службу, формировали так называемые трудовые батальоны. Уже само название с его армейской составляющей «батальоны» стало символичным и во многом предопределило организацию и условия прохождения альтернативной службы в этих формированиях. В отличие от лесных команд, в которых проходили службу меннониты в Российской империи, администрация трудовых батальонов назначалась не из числа гражданских лиц, а из числа командного состава РККА. Места для работ выбирались мало чем отличающиеся от каторжных, а бытовые условия создавались более чем спартанские. По свидетельству одного из сектантов, проходивших альтернативную службу в трудовом батальоне на терпентивных промыслах²⁸ Урала в 1928 г., условия работы

²⁷ Подобное предложение вносилось в Республике Беларусь в 2001 г. председателем комиссии по проблемам чернобыльской катастрофы, экологии и природопользования Палаты представителей В. П. Крючковым.

²⁸ На терпентивных промыслах заготавливали живицу, используемую как сырье для получения канифоли и скипидара.

и быта были крайне тяжелыми. Работать приходилось в лесу, где свирепствовали комары. Под жильем были отведены фанерные бараки на 10—15 человек. Пищу готовили в ведре прямо под открытым небом. Спали не раздеваясь, так как в бараках не было печек и было сыро и холодно. При этом каждый сектант ежедневно должен был выполнять определенную норму. Кроме каторжных условий работы сектанты в трудовых батальонах находились под постоянным моральным давлением антирелигиозной пропаганды, проводимой военной администрацией. Пропаганда должна была способствовать отказу сектантов от своих религиозных убеждений, в том числе и несовместимых с военной службой. Дело доходило и до прямого издевательства над сектантами-трудармейцами. Один из сектантов так сильно страдал от грыжи, что в ненастную погоду кричал от боли. Несмотря на это, представитель администрации объявил, что этот сектант может быть освобожден от работы по болезни только после согласия служить в Красной Армии. Если же он просто будет отказываться от работ, то его перестанут кормить [39, л. 4]. Закономерным итогом такой государственной политики в отношении сектантов стало то, что в 30-е гг. XX в. трудовые батальоны уже не создавались по причине резкого сокращения количества отказов от воинской повинности по религиозным убеждениям. По результатам призывов 1937—1938 гг. вообще не было зафиксировано ни одного заявления от призывников, содержащего такой отказ. Это обстоятельство было оперативно использовано властями. В результате — «Закон о всеобщей воинской обязанности», принятый 1 сентября 1939 г., обязывал всех мужчин — граждан СССР без различия вероисповедания, отбывать военную службу в составе Вооруженных Сил СССР.

В наше время, когда сроки и условия прохождения военной службы не стабильны, соблюдение принципа паритета требует соответствующей корректировки вопросов организации альтернативной службы. Это, в свою очередь, предполагает необходимость постоянного внимания к проблеме паритета не только властных структур, но и представителей широких кругов общественности, в частности, религиозных и пацифистских организаций.

Итак, рассмотренные выше задачи, детерминированные узаконением права граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы и введением альтернативной службы, можно охарактеризовать не только как актуальные, но и как чрезвычайно сложные, не имеющие пока однозначного решения.

Выводы по главе

1. Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи, проводимая в их отношении государственная политика пока не стали предметом специального, целостного, всестороннего исторического исследования. Опыт освобождения от военной службы вследствие убеждений призывников, накопленный в Российской империи более чем за сорок лет, в большинстве своем остался за пределами внимания исследователей.

2. Отказы от военной службы в целом или от выполнения отдельных обязанностей этой службы детерминированы ее специфическими особенностями и в первую очередь реальными опасностями для здоровья и жизни военнослужащих, а также принудительным характером несения воинской службы. Преодолеть противоречие между необходимостью военной службы и нежеланием части граждан ее нести крайне сложно, если вообще возможно. Следовательно, проблема отказов от несения воинской службы в обозримом будущем сохранит свою актуальность.

3. Отказы от военной службы, мотивированные различного рода убеждениями, имеют свои специфические особенности. Во-первых, отказы от военной службы по убеждениям могут признаваться государством в качестве основания для освобождения от военной службы. В настоящее время право граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы выступает как один из международных стандартов в области прав человека. Во-вторых, призывники, отказывающиеся от прохождения военной службы по убеждениям, могут быть поделены на несколько типов. Призывники, отнесенные к одному из таких типов, не признавали не только принудительную воинскую повинность, но и любую другую заменяющую ее принудительную обязанность. В-третьих, субъектами, отрицающими военную службу, могут выступать как отдельные члены общества, так и социальные группы в целом.

Игнорирование особенностей отказов от военной службы по убеждениям может крайне отрицательно сказаться на эффективности государственной политики по отношению к отказам от военной службы по убеждениям, в том числе на введении и функционировании института альтернативной службы.

Исторически сложилось так, что особое место среди убеждений, противоречащих несению военной службы, занимают религиозные убеждения, в частности христианские. Отказы от несения военной службы по религиозным убеждениям основываются на понимании

учения Христа как учения, запрещающего убивать, брать в руки оружие, допускать любое насилие, даже если все это призвано противостоять злу. Наряду с этой точкой зрения на заповеди Христа существует и другая, менее радикальная точка зрения, допускающая компромиссы. Согласно ей участие в войнах, а следовательно, и убийство при определенных обстоятельствах не противоречит христианскому учению, а, значит, является допустимым. Такой точки зрения придерживается большинство христианских религиозных организаций мира, в том числе и православных.

К особенностям идейного противостояния сторонников и противников допустимости использования оружия христианами следует отнести то обстоятельство, что у тех и у других всегда будет возможность теоретически обосновать свою точку зрения и опровергнуть точку зрения своих оппонентов, а также тенденцию перехода сторонников той или иной точки зрения на прямо противоположную.

5. К числу актуальных задач, обусловленных узаконением права граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы, следует отнести следующие задачи. Во-первых, практическую дифференциацию пацифистских убеждений призывников: отделение убеждений пацифистского характера от убеждений корыстной направленности и установление возможностей использования в этих целях экспертных заключений, а также определение перечня убеждений, которые дают право на освобождение от военной службы и прохождение альтернативной службы. Во-вторых, при рассмотрении отказов от военной службы по убеждениям и направлении граждан на альтернативную службу исходить из принципа приоритетности самих пацифистских убеждений, а не статуса лиц, имеющих такие убеждения или обстоятельств их возникновения и проявления. В-третьих, соблюдение на практике важнейшего принципа организации современной альтернативной службы — принципа уравнивания альтернативной службы по тяготам и лишениям, связанными с ее прохождением, со службой военной; исключение такого положения дел, при котором альтернативная служба по своей форме или содержанию приобретает характер какого-либо наказания за убеждения граждан.

Глава 2. ХАРАКТЕР ОТКАЗОВ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ВСЛЕДСТВИЕ УБЕЖДЕНИЙ ПОДДАННЫХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи в подавляющем большинстве случаев носили религиозный характер. Носителями таких отказов в исследуемый период российской истории (равно как и в последующий советский период) выступали главным образом религиозные сектанты. Это обстоятельство, а также позиционирование учения Л. Н. Толстого большинством специалистов как религиозно-философского диктуют структуру и содержание данной главы.

2.1. Отрицание военной службы религиозным сектантством

2.1.1. Общая характеристика религиозного сектантства в России

Религиозные секты появляются в России в конце XIV в. Первая религиозная секта — ересь стригольников — была обнаружена в Пскове и Новгороде в 1375 г. В начале 70-х гг. XV в. в Новгороде возникает ересь жидовствующих. Во второй половине XVII в. в результате раскола появляется старообрядчество и почти одновременно с ним началось чисто сектантское движение мистического характера — хлыстовщина. Во второй половине XVIII в. к этим двум направлениям русского сектантства добавляется третье — рационалистическое — «духовные христиане»: духоборы, молокане и др. В дальнейшем число религиозных сект в России возрастает. В XIX в. возникают секты скакунов, прыгунов, скопцов, малеванцев, немояков, неплательщиков, чуриковцев или трезвенников, толстовцев и др. Наряду с сектами российского происхождения возникают и секты, имеющие западные корни: меннониты, адвентисты, баптисты, иеговисты и др. Кроме того, из числа религиозных сект выделяются их отдельные представители, которые, порвав отношения с сектами, объединяются в особые группы и называют себя «свободными христианами», «свободомыслящими», «сынами свободы». Появление религиозных сект обуславливалось неудовлетворенностью духовных запросов верующих в официальной церкви и возникающими вследствие этого духовными исканиями, негативными сторонами церковной жизни, недостатками духовенства, неразрешенными проблемами в семейной и общественной жизни [201, ст. 603—639].

Точно оценить масштабы такого явления, как российское сектантство достаточно проблематично. Подтверждением тому могут служить оценки российского религиозного сектантства в XIX в. и всей сложности исследования его истории, приведенные известным советским историком Н. М. Никольским в работе «История русской церкви»: «...секты появляются одна за другой в бесчисленном количестве, возникая иногда по ничтожным поводам или одновременно появляясь в одном и том же виде в разных углах России; одни возникают заново, другие являются трансформациями более ранних сект. Если мы при этом примем в расчет, что огромное большинство сект возникло в безграмотной крестьянской среде, лишь изредка захватывая краем городское мещанство, то сразу станет ясно, насколько трудно рассмотрение всех этих сект» [114, с. 269—270]. Кроме того, репрессии властей в отношении сектантов вели к тому, что это сектантство как явление приобретало латентный характер. В силу этого приводимые ниже данные весьма условны и могут значительно отличаться от данных, взятых из других источников. Однако иметь, пусть и неточное, представление о численности российских религиозных сект необходимо, поскольку в большинстве своем именно их представители, как уже отмечалось выше, претендовали на освобождение от военной службы вследствие своих убеждений. В Энциклопедическом словаре Гранат (опять же с оговоркой на их относительную точность) приводятся следующие официальные сведения о численности последователей различных сект в России. В начале 60-х гг. XIX в. Министерство внутренних дел определяло численность всех российских сект (за исключением старообрядческих) в 220 тыс. человек. Из них 110 тыс. сектантов были представителями рационалистического направления в сектантстве (молокане и духоборы) и 110 тыс. сектантов — мистического (хлысты и скопцы). По результатам первой всеобщей однодневной переписи 1897 г. общее число сектантов в России определено в 176 199 человек. К рационалистическим сектам (духоборы, молокане, субботники, общие, штундисты, пашковцы, немоляки, жидовствующие, ушковайзет, иеговисты, толстовцы) отнесено 171 тыс. человек, а к мистическим (хлысты, скопцы, шалопуты, монтане, марьяновцы, богомолы, белоризцы и малеванцы) — оставшиеся 5139 человек [201, ст. 601—602]. Наряду с этим в словаре Гранат приводятся данные, опровергающие эти официальные сведения и свидетельствующие о том, что численность религиозных сектантов в России во второй поло-

вине XIX в. в реальности была значительно выше. Так, по данным того же Министерства внутренних дел, только в одной Тамбовской губернии духоборов числилось 200 тыс. человек [201, ст. 601]. По результатам переписи 1897 г. число хлыстов определялось в 4217 человек, в то время как в начале 60-х гг. XIX в. по сведениям Министерства внутренних дел хлыстов и скопцов в России было 110 тыс. человек. При этом по официальным свидетельствам во второй половине XIX в. численность секты хлыстов постоянно и быстро росла, как и численность последователей рационалистических сект [201, ст. 602]. Добавим к этому, что в приведенных выше сведениях о численности российских сектантов не упоминаются меннониты. Данные по меннонитам приводятся в другой статье того же словаря Гранат. В частности, по сведениям, полученным в результате переписи 1897 г., численность меннонитов в России — 66 564 человека [202, ст. 472]. В итоге, даже если брать в расчет только эти весьма противоречивые официальные данные, число сектантов в России измерялось сотнями тысяч человек.

Качественно характеризуя российских религиозных сектантов, отметим, что среди них были представители различных социальных слоев: крестьянства, мещанства, купечества, интеллигенции, дворянства. К примеру, в 1818—1819 гг. началась усиленная пропаганда скопчества среди петербургского гарнизона. Стали проводиться массовые оскпления среди солдат, интерес к скопчеству стал проявляться и у офицеров. Немногим ранее была сделана попытка привлечь на сторону скопчества самого императора Александра I. Для этого ему в 1804 г. был представлен проект камергера Елянского о переустройстве России и составленный им же документ под названием «Известие, на чем скопчество утверждается». В проекте скопцы предлагали себя на государственную службу, в частности, в качестве секретных советников и руководителей всех отраслей управления, военного и морского дела [114, с. 362—364]. В сравнении с православными верующими российским сектантам в большей степени были свойственны: склонность к духовным исканиям; распространение грамотности и, соответственно, начитанность, свобода от множества предрассудков и суеверий, любовь к труду; трезвость, более мягкие и любовные отношения в семейной жизни, зажиточность, солидарность и взаимопомощь [201, ст. 600].

Добавим к перечисленным выше отличительным личным качествам сектантов твердость их религиозных убеждений и готов-

ность к любым жертвам ради них. Приведем ряд примеров в подтверждение этого. В результате церковного раскола по России прокатилась волна самосожжений, проводимых старообрядцами для того, чтобы «не погибнуть зле духом своим» [114, с. 174]. Крестьяне сжигали себя целыми семьями, целыми деревнями. По приблизительным подсчетам к концу XVII в. количество сгоревших достигало почти 9 тыс. человек [114, с. 174—175]. В первой половине XVIII в., отдавая дань мессианизму, крестьянин Владимирской губернии Никитин сжег свой дом, собственноручно убил двух своих малолетних детей. Эти жертвы показались ему недостаточными и, будучи в ссылке в Сибири, жертвуя собой за грехи мира, Никитин надел на себя терновый венец, разделся догола, несмотря на мороз, и распял себя на кресте [114, с. 317]. В начале 70-х гг. XVIII в. первый проповедник оскотления А. Блохин, придя к убеждению, что от греховного влечения к женщине можно избавиться только оскотив себя, нашел в себе силы сделать это собственноручно раскаленным железом [114, с. 294].

Можно ставить под сомнение целесообразность действий сектантов в перечисленных и аналогичных примерах, но вряд ли можно усомниться в стойкости их убеждений. Безусловно, примеры твердости убеждений, готовности идти на жертвы ради них можно найти и у представителей других вероисповеданий. Однако в рассматриваемый исторический период есть основания утверждать, что у подавляющего большинства российских сектантов данные качества были более развиты, чем у верующих других, более многочисленных религий. Ярким подтверждением этому послужат и приводимые ниже примеры, связанные с отказами от воинской повинности, а также тот факт, что гонения и репрессии, применяемые царскими, а затем и советскими властями к сектантам, в целом были более жестокими, чем те, которые применялись, к примеру, к последователям православия. Однако эти меры в большинстве своем не приводили к полному отказу сектантов от своих религиозных убеждений, в том числе и пацифистских.

Завершая краткий обзор истории религиозного сектантства в Российской империи, его количественных и качественных характеристик, используем как общий вывод оценку сектантства, приведенную в словаре Гранат: сектантство представляло собой «крупное и характерное явление религиозно-этической и культурной жизни русского народа» [201, стб. 599]. Следствием этого вывода является объективная необходимость учета в государственной по-

литике, проводимой властями Российской империи, особенностей религиозного сектантства, в том числе и отношения сектантов к воинской повинности.

2.1.2. Отрицание воинской повинности членами религиозных сект российского происхождения

Противопоставляя себя господствующей церкви и государственным властям, российские сектанты вырабатывали для себя новые религиозные принципы. У многих религиозных сект в число таких принципов входило отрицание воинской повинности. При этом причины такого отрицания были различными. Проанализировать отношение к воинской службе каждой из сект крайне затруднительно. Как уже отмечалось, сект было много, их верования были подвержены изменениям, к тому же репрессии правительства дореволюционной России против сектантов способствовали сокрытию ими своих убеждений, в том числе и пацифистских. Исследователь религиозного сектантства С. П. Мельгунов отмечал, что сектантская идеология по большей части с трудом подвергается учету. Всякая систематизация в данной области неизбежно страдает чрезвычайной искусственностью [89, с. 46]. Кроме того, исследователи религиозного сектантства, особенно советского периода, не считали необходимым и возможным отражать в своих трудах пацифистскую составляющую верований религиозных сектантов. Убедительной иллюстрацией такого подхода может служить книга «Русское православие: веки истории», написанная видными советскими историками и философами, изданная в 1989 г. [147]. В главе «Народные противощерковные движения» [147, с. 562—615], подготовленной научным редактором, главой авторского коллектива книги, специалистом в области религиозного сектантства А. И. Клибановым, анализируется мировоззрение и деятельность российских религиозных сект, в том числе и «духовных христиан» (духоборов и молокан). Однако описание религиозного пацифизма российских сектантов фактически ограничивается лишь примером, содержащим описание массовых антимилитаристских демонстраций духоборов в 1895 г. [147, с. 605]. Принимая все это во внимание, попытаемся выделить и проанализировать наиболее показательные примеры отрицания российскими сектантами воинской повинности, выстроить приводимые примеры в порядке, определяемом содержанием убеждений, ведущих к возникновению отказов от воинской службы.

Часть российских религиозных сект отрицала воинскую повинность в числе других не признаваемых ими государственных повинностей. Яркий пример такого отрицания — секта бегунов или странников, основанная во второй половине XVIII в. беглым солдатом, выходцем из крестьян Евфимием. Изначально его последователями были такие же, как и он, беглые солдаты, а также беглые крестьяне, беглые преступники, бездомные нищие. В дальнейшем последователями бегунства стали представители мелкого городского мещанства. Основные положения доктрины бегунов были следующие. Патриарх Никон — лжепророк антихриста, антихрист — это преемственный ряд царей, начиная с Алексея Михайловича и Петра I. Со времени Никона церковь поклоняется дьяволу, вся гражданская жизнь извращена ложными, законопреступными указами Петра. Все мерзости антихристовы, начатые Петром, продолжают и после него. Человеку, чтобы спасти свою душу, надо бежать от мира, где царствует антихрист, отрицать все, что связано с государством — оброки, ревизию душ, паспорта, присягу и т. п. В число отвергаемых основ государства у бегунов входила и воинская служба — рекрутская повинность. Такие действия рассматривались ими как брань с антихристом, но брань не открытая, а брань через противление воле антихриста и неисполнение его законов [114, с. 272—278].

Анализируя неприятие сектой бегунов воинской службы, важно отметить, что бегуны отвергали эту службу не потому, что она предполагает участие в убийствах или подготовку к ним, а потому, что это была служба конкретной власти, неприемлемой для них — службой «антихристу». Кроме того, отрицание сектой бегунов рекрутской повинности обуславливалось характером этой повинности и значительным числом беглых солдат, входивших в эту секту. Сроки и тяжесть рекрутской повинности делали ее чем-то вроде каторги. Не случайно рекрутчина использовалась помещиками для наказания провинившихся крестьян. Вполне естественно, что рекрутская повинность вызывала социальный протест среди народных масс и особенно среди тех, кто испытал эту повинность на себе, не смог ее выдержать и дезертировал из армии.

Примером отрицания государственных повинностей, а в их числе и воинской службы, может являться также и секта неплательщиков. Возникновение секты относится ко времени проведения крестьянской реформы 1861 г. Реформа вызвала недовольство среди крестьян-мастеровых уральских горных заводов, поскольку ли-

шала их привилегий и льгот, установленных ранее правительством в целях развития горнодобывающего дела. К этим льготам и привилегиям относились: освобождение от рекрутской повинности, бесплатное пользование заводской землей и лесом и т. п. Вначале горнозаводские крестьяне попытались найти понимание и помощь в решении возникших проблем у властей, затем у духовенства. Однако эти попытки не привели к положительным результатам. В итоге крестьяне решили ничего не платить государству, нарушившему их права и не восстановившему их. Отсюда пошло и название секты — неплательщики. Поскольку духовенство встало на сторону властей, а, значит, «правда Божия» исчезла из господствующей церкви, неплательщики порывают с ней и начинают создавать свое вероучение. Его основные положения: антихрист овладел миром, чтобы избавиться от его власти и избежать вечной гибели необходимо отказаться от всего, что исходит от этой власти. Платить налоги, подати, получать паспорта, отбывать воинскую повинность — греховно, так как все это поддерживает власть антихриста. В этом вероучение неплательщиков близко к вероучению бегунов. Однако неплательщиков отличает неприятие внешних сторон церковного культа (обрядов, храмов, икон и т. п.) и, самое главное с точки зрения проводимого исследования, особое почитание Библии и Евангелия. На своих собраниях они не только читали эти книги, но и толковали тексты, рассуждали о прочитанном, старались найти в нем указания для повседневной жизни [201, стб. 629]. Можно предположить, что заповедь «не убивать» не могла остаться за пределами внимания неплательщиков, а это, в свою очередь, могло способствовать тому, что их отказ от воинской службы базировался не только на отрицании воинской службы конкретной власти, но и на пацифистских убеждениях.

Еще одним примером отрицания государственных повинностей, в том числе и воинской, может служить секта немоляков. Секта немоляков возникла в 30-е гг. XIX в. на Земле войска Донского. Основателем секты считается казак донского войска Гавриил Зимин. В 60—70-х гг. секта немоляков появилась в Нижегородской, Вятской, Пермской, Тобольской и Томской губерниях. Учение немоляков находило себе последователей главным образом в среде старообрядцев. Немоляки отвергали церковную иерархию, священников, таинства. Библию и Евангелие, а также книги, написанные святыми отцами церкви, немоляки признавали, но понимали и толковали их по-своему. Государственные власти немоляки считали

недействительными и неправосудными, поэтому по возможности уклонялись от повиновения властям, отвергали присягу и всякую государственную службу. В целом отношение к властям, государственным повинностям у неполяков было сходное с отношением у бегунов и неплательщиков. При этом неполяки категорически отрицали войну именно с позиций заповеди Христа о том, что все, взявшие меч, от меча и погибнут. Однако неполяки не отрицали воинство как таковое. В их понимании воинство могло быть христолюбивым, если оно имело брань с теми, кто не веровал одинаково с неполяками [201, ст. 625—626].

Таким образом, отрицание воинской службы религиозными сектами бегунов, неплательщиков, неполяков, а также сект, близких им по своей идеологии, было одним из проявлений их социального протеста против господствующей церкви и государственной власти в конкретный исторический период. В большей степени это отрицание базировалось на неприятии всего того, что могло расцениваться как их поддержка, а не на принципе отрицания насилия как такового, в том числе и вооруженного, независимо от причин, его порождающих. Анализ отрицания воинской повинности членами сект бегунов, неплательщиков, неполяков позволяет сделать вывод о том, что убеждения, детерминирующие их отказ от военной службы, носили в большей степени политический характер, чем религиозный.

Более рельефно, чем у бегунов, неплательщиков и неполяков, пацифистские религиозные убеждения проявляются у духовных христиан — духоборов (духоборцев) и молокан. Христианская секта духоборов возникла в России в конце XVIII в. в Екатеринбургской губернии среди казачьего населения, которое во времена правления Екатерины II сильно пострадало в результате раздачи помещикам казачьих земель. Духоборы порвали отношения с православной церковью, отрицали ее учение, таинства и обряды. Власть, законы, внешние церковные правила, призванные их реализовывать государственные и церковные учреждения рассматривались духоборами как временные явления, вызванные к жизни притеснениями людей, истинно служащих Богу. Как только любовь восторжествует в мире, и все люди станут похожими на духоборов, необходимость в этих учреждениях отпадет сама собой. Будет новое небо и новая земля, на этой земле не будет начальства, все чины и сословия уравниются, люди будут полны совершенного разума [114, с. 300—310]. Духоборы отвергали всякое администра-

тивное насилие, один из их псалмов гласил: «Всякая организация, установленная насилием, считается злом» [129, л. 3]. Придерживаясь подобных взглядов на государственные и церковные учреждения, духоборы протестовали против установленных порядков, создали свое религиозное учение, стремились не подчиняться светским властям, отказывались нести воинскую службу.

В соответствии с духоборческим учением человек — это храм Божий, ибо в каждом — в памяти, разуме и воле пребывает Святая Троица. Покуситься на жизнь человека — страшный грех, так как это равносильно тому, чтобы покуситься на самого Бога. Господь сотворил первого человека по своему образу и подобию, и все, произошедшие от Адама, равны и свободны. Но люди размножились, возникли разные веры и царства, появились ненависть, стяжательство и убийство. «Войны, сопровождаемые притеснением и убийством других равных и подобных во всем между собою, есть грех самопроизвольный и противный вере» [44, с. 123]. Один из лидеров духоборов конца XIX в. — Петр Веригин — в своей версии духоборческого учения писал: «...воинскую повинность решительно отрицаем. ...господь сотворил человека в образ и избрал его в жилище себе, а поэтому мы не можем разорять (через войну и убийство) жилище господа. Если мы убьем человека, то все равно, что убиваем бога самого...» [44, л. 123]. Существенное влияние на формирование пацифистских воззрений у духоборов оказало толстовство. Влияние это было не прямое, а опосредованное, через П. В. Веригина [44, с. 131]. П. В. Веригин, находясь в ссылке, познакомился и начал переписываться с толстовцами, а затем и самим Л. Н. Толстым. Их идеи ненасилия, вегетарианства оказали на него огромное влияние [44, с. 129].

Наиболее показательные действия духоборов в рамках протеста против отбывания воинской повинности имели место летом 1895 г. В ночь на 29 июня 1895 г. тысячи духоборов собрались на свой праздник «рождества Христа»²⁹. На празднике по указанию П. В. Веригина, находящегося в ссылке, духоборы решили сжечь все имеющееся у них оружие и тем самым подтвердить свой отказ от всякого насилия человека над человеком. Первой в костер была брошена винтовка самого П. В. Веригина, специально по этому случаю присланная им из ссылки [11, с. 70—71]. Сожжение оружия послужило сигналом, по которому духоборы, служившие в войсках, бросили оружие, а ополченцы стали возвращать ополченские билеты [114, с. 381].

²⁹ День, когда в 1887 г. П. В. Веригин был признан своим народом руководителем и духоборы говорили, что у них родился новый Христос, они «обрели Христа».

Говоря об отрицании воинской повинности духоборами, важно отметить, что их вероучение не было стабильным, а носило изменчивый характер. Изменчивость эта в первую очередь обуславливалась тем, что внутри духоборчества существовало множество различных течений, так или иначе трансформирующих его. Данные трансформации не могли не затрагивать и отношение к воинской службе, делая его если не совсем разным, то все же отличающимся в зависимости от конкретных течений, общин, групп духоборов, исторических периодов. Об этом свидетельствуют факты, зафиксированные Н. М. Никольским в его работе «История русской церкви» [114]. Описывая «духоборческую историю», он уточняет, что летом 1895 г. оружие сжигали постники (крайнее течение среди веригинцев), которые, в свою очередь, были также одним из течений духоборчества. Демонстративные действия постников послужили сигналом к тому, что многие духоборы, служившие в армии, бросили оружие, тем самым поддерживая постников [114, с. 381]. Отметим, что такое радикальное и массовое отрицание военной службы фиксируется только спустя столетие со времени возникновения секты духоборов. Наряду с этим Н. М. Никольским приводятся и примеры добровольной поддержки русской армии духоборами в разные периоды. Во время ведения войны на Кавказе в 1854—1855 гг. кавказская организация духоборов обслуживала обоз русской армии, осуществляла для нее и другие подряды и поставки [114, с. 313]. В 1877—1878 гг. руководители духоборов в Закавказье Лукерья и Зубков вошли в тесный контакт с военными и гражданскими властями. В результате духоборческая община получила выгодный подряд на организацию транспорта для кавказской армии и заработала полтора миллиона рублей [114, с. 379]. Подобные действия со стороны духоборов есть не что иное, как косвенная поддержка насилия и убийства.

Схожую с Н. М. Никольским точку зрения на пацифистские принципы духоборов и их практическую реализацию демонстрирует С. А. Иникова в статье «История пацифистского движения в секте духоборов (XVIII—XX вв.)». При этом С. А. Иникова отмечает, что в теории духоборы различали убийство вообще и убийство в целях защиты, допуская последнее как вынужденное. Духоборы совершенно определенно связывали свое отношение к государству и его защите с отношением последнего к своей секте. В интересах своей секты духоборы вполне допускали возможность участия в войне. В этом вопросе проблема ненасилия из теории переходила в практику и решалась в соответствии с обстоятельствами. Только не-

которые, наиболее фанатично настроенные члены секты утверждали, что они хотят служить одному Богу, а государь над ними не власть. В определенных ситуациях духоборы не считали для себя зазорным подчеркнуть тот факт, что среди них было много казаков и служилых людей, профессионально владевших оружием и участвовавших в войнах. Обращаясь с многочисленными прошениями к властям, желая расположить их в свою пользу, духоборы обычно указывали, что многие из них во время войн проливали свою кровь [44, с. 123—124]. С. А. Иникова, продолжая раскрывать особенности пацифизма духоборов, отмечает, что пацифизм для П. В. Веригина и его сторонников осознанно или неосознанно стал орудием в борьбе с государством, когда оно отказало веригинцам в поддержке при решении имущественных вопросов с другим течением духоборов (так называемой малой партией). В ответ на это сторонники П. Веригина с осени 1893 г. начали пересматривать свою жизнь. В противовес реальному государству, основанному на насилии, они решили создать свое Царство Божие на земле, основанное на заветах Христа [44, с. 129]. Духоборы-веригинцы провозгласили принцип ненасилия, отвергнув даже возможность самообороны, полный отказ от финансовой и личной поддержки государственных институтов, связанных с насилием. Однако когда в 1898—1899 гг. часть духоборов, сохранившая, несмотря на репрессии властей, верность принципам пацифизма, вынуждена была переселиться в Канаду, оставшиеся в России духоборы, в том числе и считавшие себя последователями П. В. Веригина, приняли воинскую повинность, служили в армии и воевали на фронтах Русско-японской и Первой мировой войны. За этот период известен только один случай отказа духоборов от воинской повинности, и то исходил он от жителя Иркутской губернии, где с начала XIX в. существовала небольшая религиозная духоборческая община [44, с. 132].

Еще одним подтверждением нестабильности пацифистских убеждений у духоборов являются случаи применения насильственных методов при управлении духоборческими общинами. Особая следственная комиссия, учрежденная правительством России в 1836 г., обнаружила в молочневодской коммуне духоборов подземелья с орудиями пыток и грудой человеческих костей, людьми, живо зарытыми в землю [129, л. 56].

Секта молокан — другое течение духовных христиан — сформировалась в конце XVIII в. Основатель молоканства Семен Уклеин был бродячим портным в тамбовских деревнях и селах. Первоначально он примыкал к духоборчеству, а затем, не поладив и ра-

зойдясь в религиозных воззрениях с одним из основоположников духоборчества Илларионом Побирохиным (своим тестем), решил действовать самостоятельно. Последователи С. Уклеи́на разработали доктрину и создали организацию, во многом сходную с духоборческой. Так, к государству и обществу того времени провозглашалось такое же непримиримое отношение, как и у духоборов. В понимании молокан все люди равны, не может быть ни рабов, ни господ, ни богатых, ни бедных. Повиновение властям допускалось только в том, что не противоречило божественному закону. Относительно воинской повинности молокане занимали негативную позицию, считая войну, военную службу и присягу богопротивными действиями, одобряя действия тех, кто бежал с военной службы [114, с. 300—315]. Свои теоретические воззрения молокане пробовали реализовать и на практике. Такая попытка была предпринята ими в 1826 г., когда молокане уклонялись от платежа податей, направления на военную службу рекрутов из числа молокан и т. п. [112, л. 1]. Однако и среди молокан, как и среди духоборов, не все и не всегда придерживались радикальной позиции в отрицании военной службы. Подтверждением тому может служить тот факт, что подавляющее большинство призывников из числа молокан все же шли на военную службу.

Таким образом, религиозные пацифистские убеждения у духоборов и молокан были представлены шире, чем у бегунов, неплательщиков и немоляков. Данные убеждения нашли свое отражение в виде соответствующих принципов в вероучениях этих религиозных сект, т. е. были представлены на теоретическом уровне. Духоборы и молокане предпринимали попытки следовать своим пацифистским убеждениям и на практике. Вместе с тем отрицание духоборами и молоканами воинской повинности по большей части носило эпизодический, а не системный характер. Во многом это отрицание и особенно его практическая реализация зависели от сложившейся ситуации. Так же, как и у бегунов, неплательщиков и немоляков, это отрицание в значительной мере было связано с выражением социального протеста против действующей государственной власти и господствующей церкви.

2.1.3. Религиозный пацифизм меннонитов

Наряду с религиозными сектами, имеющими российское происхождение, пацифистские убеждения были характерны для большинства сект, имеющих западные корни и обосновавшихся

в Российской империи. К таким сектам относятся меннониты, адвентисты, баптисты, иеговисты, квакеры и др.

В свете рассматриваемой проблемы наибольший интерес представляет история секты меннонитов. Продиктован этот интерес следующими обстоятельствами. Во-первых, в мировой истории меннониты, наряду с квакерами, выступают как самые старые, известные и последовательные сторонники религиозного пацифизма. При этом секта меннонитов была широко представлена в Российской империи.

Во-вторых, по отношению к меннонитам и их вероучению российскими властями проводилась особая политика. Эту политику можно охарактеризовать как эксклюзивную, так как меннониты в Российской империи, в отличие от представителей всех остальных российских сект, не преследовались властями. Более того, меннонитам официально были предоставлены различные льготы. Так, в число льгот, предоставляемых меннонитам с момента их переселения на российские земли, входило безвозмездное освобождение от воинской повинности. Позднее воинская повинность для меннонитов заменялась другими гражданскими обязанностями. По сути, это была замена военной службы на альтернативную службу в современном ее понимании.

В-третьих, в общей сложности законодательно оформленный институт альтернативной службы меннонитов просуществовал в Российской империи более сорока лет. Это обстоятельство позволяет исследовать первый отечественный опыт освобождения от воинской повинности вследствие убеждений и замены военной службы альтернативной гражданской службой. Кроме того, появляется возможность сопоставить данный опыт с опытом последующих попыток разрешения проблемы отказов по убеждениям от воинской повинности, как в первые годы советской власти, так и в наши дни.

В-четвертых, историю отказов меннонитов от воинской повинности и российскую государственную политику по отношению к ним делают более понятными изучение аналогичной истории и политики в других странах. При этом основной упор имеет смысл сделать на период, предшествующий переезду меннонитов в Россию, на исследование положения меннонитов в Нидерландах и Пруссии, так как Нидерланды можно считать страной, где зарождалось вероучение меннонитов, а в Россию перебрались меннониты, проживавшие до этого на территории Пруссии.

Перечисленные обстоятельства обуславливают более подробное рассмотрение истории происхождения секты меннонитов, формирования и реализации пацифистских убеждений, в том числе и до переселения меннонитов в Российскую империю. В качестве данных для анализа широко использовались факты, приведенные в работах П. Брока, изданных на английском языке. Эти факты в русскоязычных источниках ранее не использовались и представляют существенный научный интерес.

Меннониты — религиозная секта, образовавшаяся в первой половине XVI в. в Голландии и называющаяся так по имени одного из ее основателей Симонса Менно (Simons Menno). С. Менно родился в 1492 г. в Витмарзуне, в Фрисландии, умер в 1559 г. в Вюстенфельде, в Германии. Он был католическим священником, но знакомство с идеями Мартина Лютера и с учением анабаптистов поколебало его преданность католицизму. В 1536 г. С. Менно разрывает отношения с католической церковью и присоединяется к общинам анабаптистов в Гронингене. Анабаптизм переживал в то время тяжелейший кризис. С. Менно преобразовал доктрину анабаптизма, собрал разрозненных вследствие разгрома 20-х гг. XVI в. анабаптистов. Они приняли его идеологию и с 1540 г. стали именоваться меннонитами. Меннониты жили общинами, но общины не объединялись в более крупные церковные союзы [202, стб. 471—472]. В 20-е гг. XVI в. движение меннонитов появилось в Швейцарии (Швейцарские Братья). Основоположниками движения были Конрад Гребел, Феликс Манц и Джордж Блаурок.

Вероучение меннонитов отличалось от вероучения анабаптистов. Меннониты в качестве основной цели ставили нравственную жизнь по образцу первых христиан, безусловное соблюдение заповедей, в том числе и заповеди «не убий». Если анабаптисты допускали использование оружия в крайних случаях (примером служит захват вооруженными анабаптистами г. Мюнстера и образование там коммуны в 1534—1535 гг.), то С. Менно убеждал своих последователей «претерпевать гонения, не прибегая к мечу» [141, с. 6]. В работе «Вероучение меннонитов в России» (раздел 15) отмечается: «Мы веруем и признаем, что христиане как люди, отпавшие от мира и рожденные от Бога, не должны в этом мире мстить кому-либо. ...Поэтому мы стремимся не брать в руки оружия во имя царства мира, обещанного в пророчествах, где не будет войн и мечи перекуются на орала, а копыя на серпы» [55, с. 19]. В качестве средства борьбы, по мнению С. Менно, христиане должны использовать

только «меч духа» — Слово Божье. Оружием должно быть не то, чем можно разрушить города и страны, а то, чем может быть разрушено королевство дьявола и сломано в душе человека желание причинять зло. Использование другого оружия С. Менно радикально отрицалось — «даже если мы должны быть порваны на тысячу частей» [207, с. 98]. Таким образом, учение меннонитов категорически запрещало отбывание воинской повинности, ношение оружия, убийство людей даже на войне и в целях самозащиты. Меннонитам запрещалось также занимать должности государственных служащих, так как правительство признавалось меннонитами лишь временным учреждением, которому надо подчиняться [141, с. 7]. Другими словами, учение меннонитов проповедовало смирение и покорность, отказ от насилия, даже если оно совершается ради общего блага. Не случайно его называли «мирным» течением анабаптистов. Произошедшую трансформацию учения анабаптистов связывают прежде всего с их поражением в открытой вооруженной борьбе, в частности, в Крестьянской войне 1524—1526 гг., в г. Мюнстере [55, с. 5]. Если рассматривать субъективный фактор, то можно предположить следующее. Особое выделение из числа других заповедей «не убивай» С. Менно обусловлено тем, что в 1531 г. в Леенвардене он был свидетелем ужасных казней анабаптистов, а в 1535 г. при взятии войсками монастыря близ Доккума, которым завладели анабаптисты, был убит находившийся среди них его брат [105].

Несмотря на принципиальные различия учений анабаптистов и меннонитов, меннониты также подвергались преследованиям со стороны правительств европейских стран, где они проживали (Нидерланды, Швейцария, Германия, Пруссия, Польша, Франция, Австрия). По мере того как правительства убеждались в том, что у меннонитов в отличие от анабаптистов отсутствует революционно-коммунистическая направленность, меннонитам разрешалось свободно следовать их вероучению. Например, в Голландии это произошло уже в 1577 г. Однако при этом меннониты долгое время ограничивались в гражданских правах [202, стб. 472]. В Пруссии в 1779 г. магистрат г. Данциг запретил меннонитам покупать землю [141, с. 7]. Важно отметить, что меннониты ограничивались и в соблюдении одного из принципиальных положений своего вероучения, запрещающего им использовать оружие. Освобождение от военной службы в Голландии и европейских странах, куда перебрались меннониты, не было полным и влекло за собой ограничения в гражданских правах, дополнительные налоги и другие санкции.

Как следствие всего этого — ухудшение материального положения меннонитов. Этим во многом объясняется начавшееся примерно с 1544 г. переселение меннонитов из Нидерландов в Северную Германию, Польшу, Пруссию, а позднее — в Северную Америку и Россию [55, с. 6].

В отличие от Голландии, где прямое преследование меннонитов властями прекратилось к концу XVI в., в Швейцарии преследование меннонитов за отказ поддерживать войну, проходить военную службу, признавать понятие государственной церкви продолжалось вплоть до XVIII в. Как и в Нидерландах, гонения привели Швейцарских Братьев к эмиграции в Польшу, Пруссию, Россию, Северную Америку [106].

Отказы меннонитов от несения военной службы в европейских странах в рассматриваемый период не носили тотального характера. Более того, достаточно четко просматривается тенденция постепенного увеличения числа меннонитов, считающих допустимой для себя службу с оружием в руках. В рассматриваемый период всегда находились меннониты, которые были готовы нести и несли военную службу. В 1813—1814 гг. некоторые молодые меннониты участвовали в Прусской освободительной войне против Наполеона, хотя братство в целом при этом оставалось верным пацифистским принципам своего вероучения [207, с. 119]. К началу XX в. меннониты юга Германии фактически отказались от этих принципов [207, с. 130]. По мнению А. Ф. Белимова, меннониты Голландии, Германии несли личную военную службу, начиная с первого десятилетия XIX в. (в Германии — с 1803 г., в Голландии — с 1810 г.) [3, с. 12].

Причины отступления меннонитов от заповеди «не убий» были как объективные, так и субъективные. Причем они тесно взаимосвязаны между собой и, как правило, носили комплексный характер.

Объективные причины порождались главным образом особенностями конкретного исторического периода, ситуацией в стране проживания. К примеру, большое значение имели условия проживания меннонитов, их социальный статус. Если общины меннонитов проживали обособленно (возможность такого проживания была в сельской местности), то вероятность отступления от пацифистских принципов была незначительной. Поскольку отрицание военной службы в общине являлось некой групповой нормой, тот, кто от нее отступал, попадал в разряд нонконформистов, вследствие чего на него неизбежно оказывалось групповое давление.

Когда меннониты не проживали обособленно, многие из них в силу своего социального статуса были вовлечены в политическую и общественную жизнь страны, что способствовало ускорению процессов их ассимиляции. На меннонитов усиливалось действие другой общественной нормы, существовавшей в то время в европейских странах, — обязательной готовности каждого гражданина защищать свое отечество с оружием в руках. Ведение страной проживания меннонитов военных действий еще больше усиливало действие этой нормы. Все это приводило к увеличению числа меннонитов, допускающих отступление от принципов пацифизма.

Так, к началу XIX в. голландские меннониты, сохранившие верность своему вероучению относительно воинской службы, находились в меньшинстве, причем это меньшинство было дезорганизовано и дезориентировано, т. е. реально не могло вести эффективную борьбу за свои пацифистские убеждения. Когда в Нидерландах в 1799 г. законодательный орган республики отменил освобождение от военной службы по религиозным убеждениям, законодатели были уверены, что большая и влиятельная часть менонитского братства, несмотря на коллективный протест, выраженный менонитскими пасторами, фактически поддерживала идею отмены освобождения меннонитов от воинской повинности. Верность пацифистским религиозным убеждениям среди голландских меннонитов сохранялась до середины XIX в. главным образом среди более изолированной сельской паствы. К концу XIX в. братство голландских меннонитов перестало состоять только из крестьян и ремесленников, а стало церковью среднего класса, членами которой были армейские и морские офицеры, чиновники, политические деятели, банкиры [207, с. 109—110]. Естественно, что эта часть голландских меннонитов, будучи глубоко интегрированной в общество, вынуждена была принять или демонстрировать принятие действующих в нем социальных норм, в том числе и готовность к вооруженной защите своего отечества. В Германии меннониты долгое время оставались сообществом, состоящим исключительно из крестьян и ремесленников, их пасторами были простые люди. Немецких меннонитов за пределами их сообщества окружала чужая культура, и это способствовало их обособленности от общества. В результате немецкие меннониты дольше своих голландских единоверцев сохраняли верность пацифистским принципам [207, с. 110].

Из числа субъективных причин, обуславливающих отступление от принципа непротивления злу насилием, выделим личные

убеждения меннонитов. Большинство психологических теорий исходят из того, что убеждения человека, в том числе и религиозные, не носят врожденного характера, а обусловлены по большей части социальными факторами. Следовательно, при определенных социальных условиях среди меннонитов могли появиться и появлялись лица, не имевшие твердых пацифистских убеждений. Одним из таких условий было патриотическое воспитание. Появление у меннонитов чувства патриотизма способствовало их участию в вооруженной защите своей родины или страны, где они проживали. В итоге — ослабление пацифистских убеждений и отступление от пацифистских принципов. На пацифистские убеждения меннонитов отрицательно влиял и национализм. Так, в начале XIX в. меннониты, проживающие в западной части Германии, были охвачены волнами национализма и либеральной демократии. В результате традиционная вера меннонитов в справедливость принципа «не убивать» истощалась. Отказ меннонитов от соблюдения этого постулата их вероучения стал расцениваться как свидетельство патриотизма [207, с. 110]. Представители власти, как правило, поддерживали отказ меннонитов от их пацифистских убеждений. Когда в Пруссии король Фридрих Уильям III освободил всех желающих меннонитов от воинской повинности на условиях уплаты ими налога и ограничения в политических правах, за меннонитами, не требовавшими для себя такого освобождения, король сохранил политические права аналогичные тем, которые имело все остальное население [207, с. 121].

Еще одним важнейшим условием, способствующим изменению пацифистских убеждений меннонитов, был религиозный либерализм. Проблема религиозного либерализма возникла еще при жизни С. Менно в период активных гонений меннонитов властями. Уже тогда меннониты разделились на два лагеря: радикальных (строгих, утонченных) и умеренных (либеральных, грубых). Первые требовали безусловного отлучения от церкви всех тех, кто в период гонений допустил отступления от своего вероисповедания; вторые были против такого отлучения.

Изначально к меннонитам, отступающим от вероучения и допускающим использование оружия, общины принимали достаточно суровые меры вплоть до отлучения от Церкви. Молодые меннониты, порвавшие с традицией непротивления злу насилием и участвовавшие в Прусской освободительной войне против Наполеона в 1813—1814 гг., были лишены полноправного членства в Церкви

[207, с. 119]. Впоследствии, когда количество меннонитов, допускающих в том или ином виде отступления от заповеди «не убивать», увеличилось, принимать радикальные меры воздействия на отступников становилось проблематично. Полное отрицание участия в вооруженной защите своей страны могло привести к расколу среди меннонитов. В Данциге (Пруссия) в XIX в. меннонитская община после долгих обсуждений приняла решение оставить на совести каждого меннонита вопросы, связанные с несением военной службы. Тем самым удалось избежать раскола среди членов общины. В другой общине Старых Прусских меннонитов, где пастырем был Петер Бартел (Peter Bartel), от членов общины требовали проходить военную службу только в качестве нонкомбатантов (власти другой службы от меннонитов в то время и не требовали). Если кто-то из членов общины отступал от этого требования и выбирал службу, предполагающую применение оружия, то его отлучали от церкви. В результате это привело к тому, что в 1871 г. 95 меннонитов отделились от этой общины и создали свою, в которой ее члены могли, руководствуясь исключительно своими личными убеждениями, выбирать службу с оружием или без него [207, с. 135—136]. В истории есть примеры, когда отступниками были не рядовые меннониты, а их пастыри. Так, в одном из городов Нидерландов в период с 1779 по 1787 гг. один и тот же человек был пастырем у меннонитов и начальником в городской милиции [207, с. 108]. В начале XIX в. в Германии уважаемый бизнесмен и дьякон в меннонитской церкви в г. Эмдене Исаак Бронс (Isaak Brons) был жертвователем Общества Военно-морского флота [207, с. 122].

Борьба за сохранение верности пацифистским принципам велась меннонитами и на теоретическом уровне. В пользу этих принципов свидетельствовала книга «Военное освобождение Старых Прусских Меннонитов» Вильгельма Маннхардта (Wilhelm Mannhardt). Он был меннонитом, его отец Якоб Маннхардт (Jakob Mannhardt) был пастырем меннонитской паствы в Данциге. Вильгельм преподавал в Берлинском университете фольклор и филологию. Книга была достаточно объемной (305 с.), представляла собой исторический обзор, включающий многочисленные приложения, в которых были документы, отражающие различные привилегии, полученные меннонитами от правителей. Книга была издана в 1863 г. за счет меннонитского сообщества тиражом в 3000 экземпляров, получила широкое распространение и сыграла положительную роль в борьбе меннонитов за сохранение верности па-

цифизму. Однако позднее В. Маннхардт стал призывать меннонитов к несению военной службы, если это было необходимо стране [207, с. 133—134]. В 1869 г., спустя год после введения в Пруссии всеобщей воинской повинности, он писал, что необходимая оборона не только разрешается, но и прямо предписывается Евангелием. «Если нельзя других ненавидеть и убивать, то точно также запрещается и позволять себя убивать рукой ненавидящей или грабительской, и обязанность защищать в подобных случаях свою жизнь, хотя бы и с оружием в руках вытекает из смысла Евангельского учения» [50, с. 131].

Рассматривая причины, обуславливающие отступления меннонитов от принципов пацифизма, нельзя не учитывать имеющиеся различия в материальном положении и в социальном статусе меннонитов. Эти различия нарушали единство меннонитов в отстаивании своей позиции относительно несения военной службы. Состоятельные в материальном отношении и имеющие высокий социальный статус представители меннонитских общин с точки зрения личных интересов могли особо не опасаться отмены государством безвозмездного освобождения меннонитов от военной службы и не оспаривать содержание альтернативных обязанностей, заменяющих эту службу. В большинстве случаев эти меннониты, как и их сыновья, могли совершенно законно избежать воинской повинности, уплатив соответствующий налог или заплатив добровольцу, заменяющему их на военной службе. Государственным властям и общественности было более известно отношение к военной службе и вопросам ее замены другими обязанностями состоятельных в материальном и социальном плане меннонитов, поскольку эти меннониты были у них на виду.

Для меннонитов небогатых и не занимающих видного общественного положения безвозмездное освобождение от военной службы или в худшем случае — рассчитанные на их финансовые возможности альтернативные обязанности имели более важное значение. К примеру, высокие налоги, которые они должны были платить лично взамен военной службы, делали для них освобождение от этой службы возможным лишь теоретически, но не практически. При этом не имеющие высокого социального статуса и бедные меннониты имели значительно меньше возможностей повлиять на государственную политику в вопросах освобождения меннонитов от воинской повинности. Если эта часть меннонитского сообщества хотела остаться верной своим религиозным па-

цифистским убеждениям, то у нее оставался практически только один законный выход из создавшегося положения — эмиграция. В середине XIX в. у меннонита Христиана Крехбиеле (Christian Krehbiel), проживающего на юге Германии в Баварии, было шесть сыновей. За их освобождение от воинской повинности он должен был заплатить около 6 тыс. гульденов. Для него это была неподъемная сумма, а финансовой помощи от церкви ждать не приходилось. В итоге этой семье пришлось переехать в Северную Америку [207, с. 123—124].

В рассматриваемый период прослеживается еще одна интересная особенность освобождения европейских меннонитов от военной службы. Для того чтобы получить право на такое освобождение (если конечно оно в данный момент существовало), достаточно было иметь принадлежность к общине меннонитов. Другими словами, именно принадлежность к общине являлась основанием для предоставления льготы в виде замены воинской повинности другой обязанностью³⁰.

Как уже отмечалось, меннониты в соответствии с принципами своего вероучения отрицали не только военную службу, но и службу на государственных должностях. Однако между этими видами отрицания существовала принципиальная разница. В рассматриваемый период воинская повинность была обязательной, а замещение государственных должностей было делом исключительно добровольным, в том числе и для меннонитов. Поэтому особых проблем с отказами меннонитов занимать государственные должности не было — если меннониты и шли во власть, то делали это добровольно. Такие случаи имели место, причем достаточно часто это была законодательная власть.

Тенденция постепенного увеличения числа проживающих в европейских странах меннонитов, считающих допустимой для себя военную службу; попытки ряда меннонитов теоретически обосновать допустимость отступления от принципов пацифизма, желание части меннонитов видеть в них лишь дань традиции, а то и анахронизм; действия властей, направленные на привлечение меннонитов к несению воинской службы, не привели к официальному отказу большинства меннонитских общин от одного из основных

³⁰ Эту особенность важно отметить, так как в последующем одной из острейших проблем, связанных с освобождением советских граждан от военной службы по убеждениям, станет доказательство наличия и искренности этих убеждений, критерии их оценки при проведении соответствующих экспертиз для судебных решений.

постулатов вероучения — не убивать, не носить оружия, не противиться злу насилием³¹.

Постоянные притеснения европейских меннонитов со стороны государственных властей, в том числе и за их отказы от несения военной службы в XVIII—XIX вв., приводили к тому, что меннониты вынуждены были переселяться в другие страны. Эмиграция нередко рассматривалась меннонитами как единственная возможность остаться верными своим религиозным убеждениям. Именно эти обстоятельства вместе с предложенными льготами привели к переселению прусских меннонитов в Россию. Переселение меннонитов в Россию началось в 1789 г. в числе других немецких колонистов, призванных Екатериной II (в 1763 г. Екатерина II издала манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселиться, в которых губерниях они пожелают»). Первая группа в составе 228 семейств меннонитов переселилась в Екатеринославскую губернию в 1789 г. и положила основание Хортицкой группы колоний у Днепра. Вторая группа численностью в 118 семейств в 1793—1796 гг. поселилась там же. В 1804 г. было образовано 18 колоний в Таврической губернии на реке Молочная. В 1860 г. в этом районе насчитывалось 50 колоний [141, с. 9]. Процесс переселения меннонитов в Россию продолжался вплоть до 70-х гг. XIX в. По переписи 1897 г. общее число меннонитов в России равнялось 66 564 чел., в том числе в Таврической губернии — 25 508, в Екатеринославской — 23 922, в Херсонской — 5386, в Самарской — 4616. Для сравнения: голландские общины меннонитов насчитывали до 60 тыс. человек и считались самыми многочисленными из европейских общин. В США и Канаде общины меннонитов насчитывали по 60 тыс. человек в каждой из этих стран. В Германии меннонитов было до 14 тыс. человек [202, стб. 471—472]. А. Рейнмарус и Г. Фризен в своей работе «Меннониты. (Краткий очерк)», изданной в 1930 г., пишут, что в 1910 г. в России насчитывалось 80 тыс. меннонитов, им принадлежало 800 тыс. десятин земли [141, с. 12.], а на момент издания этой книги максимальное число меннонитов в России составляло 100 тыс. человек [141, с. 24]. К началу XX в. общины меннонитов размещались на юге Украины, в Поволжье, на Урале и на юге Сибири. Добросовестный труд, использование новейших сельскохозяйственных технологий позволяли меннонитам добиваться высокой урожайности и заложили основу

³¹ В Германии в 1934 г., когда к власти пришел Гитлер, имел место отказ меннонитских общин от пацифистских принципов своего вероучения [207, с. 136].

богатства меннонитов. Их экономическое процветание выступает как свидетельство того, что расчеты российского правительства относительно пользы от переселения меннонитов подтвердились. Однако, начиная с 40-х гг. XIX в., общины меннонитов перестают быть однородными. Среди меннонитов наблюдается расслоение на землевладельцев и безземельных (основная причина — земля меннонитов не дробилась, а передавалась вся по наследству только одному из сыновей), соответственно на имущих и малоимущих, богатых и бедных. В 60-е гг. XIX в. по социально-экономическим причинам среди меннонитов произошел церковный раскол, инициаторами которого стали малоимущие меннониты. Появляются общины новоменнонитов. Нравственные требования у новоменнонитов носили более строгий характер. С 1867 г. новоменнонитские общины были официально признаны российским правительством [141, с. 8]. Безземельным и малоземельным меннонитам для поселения были предложены земли на Кубани и Тереке. В 1872 г. екатеринославские, молочанские и кубанские общины объединились в Союз новоменнонитского братства. Окончательно он оформился на первой конференции Союза, проходившей 14—16 мая 1872 г. в с. Андреасфельд Екатеринославской губернии [193].

Исследование пацифистских религиозных убеждений меннонитов, переселившихся в Россию, позволяет сделать вывод о том, что среди них были сторонники радикальной позиции, которые отрицали не только личное несение военной службы, но и любую косвенную поддержку ее. Были среди российских меннонитов и те, кто считал возможным в сложные для страны периоды, связанные, как правило, с ведением боевых действий, оказывать добровольную помощь (финансовая поддержка, обеспечение войск транспортом, жильем, медицинская помощь раненым) вооруженным силам. Канадский исследователь Л. Клиппенштейн в своей статье «Отказ от военной службы по мотивам совести в меннонитских общинах царской России» пишет, что когда Наполеон вторгся в Россию, некоторые вожди меннонитов чувствовали, что должны поддержать царя, собрав какие-то деньги, чтобы помочь правительству победить агрессоров. Другие были решительно против, полагая, что даже такая помощь будет компромиссом, предающим их веру, что всякая война несправедлива и что не следует делать ничего для ее поддержки. Во время Крымской войны 1853—1856 гг. со стороны русских властей никогда не было стремления нарушить договор с меннонитами об освобождении их от военной службы, но меннонитов-коло-

нистов попросили рассмотреть возможные варианты помощи России в это трудное для нее время. В ответ меннониты согласились выделить подводы и лошадей для доставки необходимых припасов на линию фронта в Крыму и развернуть госпитали, где раненые солдаты могли бы пройти лечение, чтобы потом, если возможно, вернуться к своим обязанностям. Относительно этих действий среди меннонитов вновь возникли споры о том, насколько соотносится оказываемая войскам помощь с их (меннонитов) пацифистскими убеждениями. В итоге большинство меннонитов нашло такую помощь вполне допустимой [44, с. 150—151]. Помощь российскому государству в обеспечении военных действий оказывалась меннонитским сообществом и в последующем. Так во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. меннониты создали госпиталь для раненных солдат, собирали деньги, необходимые для обеспечения боевых действий. По окончании боевых действий представители меннонитов ездили в Симферополь, чтобы поздравить царя [44, с. 155].

Во время ведения Первой мировой войны меннониты вновь добровольно оказывали помощь российской армии. Помощь эта выходила за пределы того, что должны были делать меннониты в рамках прохождения альтернативной гражданской службы и выражалась в медицинской службе в госпиталях и в сборе материальных средств для оказания помощи лицам, пострадавшим от боевых действий. Изначально планировалось, что меннониты будут работать только в госпиталях, располагающихся на территории их поселений, но в последующем география их медицинского служения была расширена, и меннониты стали входить в состав персонала медицинских поездов.

Анализ примеров поддержки российскими меннонитами ведения боевых действий позволяет выделить ряд положений, существенных с точки зрения исследуемой проблемы. Вполне очевидно, что подобная поддержка по своей сути очень близка к службе, которую принято называть нестроевой³², она способствовала ведению войн, а значит, и совершению массовых убийств другими людьми. Несмотря на все это, помощь вооруженным силам со стороны российских меннонитов (надо полагать большинства, по крайней мере, до военной реформы 1874 г.) во многом была добровольной.

³² Под нестроевой службой здесь понимается служба в составе вооруженных сил, обязанности которой не предполагают применение оружия. Как правило, это служба, связанная с обеспечением боевых действий.

В качестве причин, обуславливающих такую противоречивость позиции меннонитов, в первую очередь отметим их готовность идти на компромисс с властями. Подобная готовность берет свои корни во всей предшествующей истории меннонитов. Другая возможная причина — отсутствие жесткого давления на меннонитов со стороны властей относительно содержания оказываемой меннонитами помощи в ведении военных действий. Немаловажным представляется и то обстоятельство, что помощь русским войскам со стороны меннонитов осуществлялась только в случае ведения военных действий в местах их расселения.

2.2. Неприятие воинской службы толстовцами

2.2.1. Отношение Л. Н. Толстого к военной службе

Усилению пацифистских настроений части населения Российской империи, в том числе и в среде сектантов, способствовало и распространение в конце XIX — начале XX вв. религиозно-философского учения Л. Н. Толстого. В рамках этого учения в ряде своих произведений Л. Н. Толстой высказывает резко негативное отношение к военной службе, обосновывает его, ссылаясь на христианские заповеди, взывает к совести военнслужащих и указывает пути выхода из создавшегося положения. Формироваться такое отношение стало еще в середине XIX в. В частности, негативное отношение к состоянию русской армии первой половины XIX в. нашло свое отражение в проекте о переформировании армии, составленном Л. Н. Толстым в 1855 г. [177, с. 399—406]. В этот же период Л. Н. Толстой осознал антигуманность любой войны и стал рассматривать войну как явление противное человеческому разуму и всей человеческой природе. Об этом свидетельствуют и его «Севастопольские рассказы» (1855, 1856).

Важно отметить, что составлению проекта о переформировании армии предшествовала военная служба, которую Л. Н. Толстой проходил с 1851 г. Начиналась эта служба на Кавказе, где в действующей армии в артиллерии офицером служил его старший брат Николай Николаевич. Л. Н. Толстой захотел посмотреть на войну своими глазами и проверить, насколько он храбр. Службу Л. Н. Толстой начинал юнкером, затем сдал экзамен и получил офицерский чин. Во время военной службы он принимал участие в военных действиях на Кавказе и в Крыму. В осажденном Севастополе, командуя батареей на 4-м бастионе, который считался самым опасным местом, обстреливаемым иногда до 10 дней подряд, он про-

явил редкую личную храбрость и был награжден орденом св. Анны с надписью «За храбрость» и медалями «За защиту Севастополя» и «В память войны 1853—1856 гг.». Сослуживцы характеризовали его как храброго офицера, способного сохранять спокойствие при любых обстоятельствах, даже грозящих мучительной смертью, не суетливого, но упорного. Л. Н. Толстого представляли к награде боевым Георгиевским крестом, но у высшего начальства он находился на плохом счету и «Георгия» не получил. Л. Н. Толстой, озабоченный состоянием русской армии, стремился внести свою лепту в ее реформирование. Им был разработан проект о переформировании артиллерийских батарей и создании штуцерных (штуцера — нарезные ружья) батальонов. Однако военное ведомство отвергло этот проект. Вместе с группой передовых офицеров Крымской армии Л. Н. Толстой намеревался выпускать журнал «Солдатский вестник» («Военный листок»), но его издание не было разрешено императором Николаем I [175].

Разработанный Л. Н. Толстым проект о переформировании армии [177, с. 399—406] остался незаконченным и не был доведен до царя, хотя это и планировалось (Л. Н. Толстой надеялся подать его новому царю — Александру II через его братьев Николая или Михаила, приехавших в Севастополь). В проекте он так оценил общее состояние российских вооруженных сил: «В России, столь могущественной своей материальной силой и силой своего духа, нет войска; есть толпы угнетенных рабов, повинующихся вора, угнетающим наемникам и грабителям, и в толпе этой нет ни преданности к царю, ни любви к отечеству — слова, которые так часто злоупотребляют, — ни рыцарской чести и отваги, есть с одной стороны дух терпения и подавленного ропота, с другой дух угнетения и лихоимства» [177, с. 399]. В качестве главных пороков российского войска Л. Н. Толстой выделяет скудность содержания, необразованность, преграды к повышению людям способным, дух угнетения, старшинство, лихоимство.

В проекте о переформировании армии Л. Н. Толстой дает достаточно подробные, исключительно отрицательные характеристики солдатам и офицерам российского войска того времени. Характеризуя солдат, он пишет, что солдат — бранное и поносное слово в устах нашего народа. Солдат и сам презирает и не любит свое звание. Двигают солдатом одни телесные наказания. Солдат, не получая необходимого, считает себя принужденным и правым делать беззакония, он крадет, грабит, обманывает без малейшего укора со-

вести. Солдат презирает, не верит и не любит начальника вообще, видит в нем своего угнетателя и в этом его трудно разубедить. Среди солдат на 100 человек едва ли можно найти даже одного грамотного. Содержание русского солдата самое скудное в Европе, к тому же злоупотребления начальства лишают солдата наполовину того, что ему положено. Всех солдат Л. Н. Толстой подразделяет на три рода: угнетенных, угнетающих, отчаянных.

Угнетенные солдаты — это люди, сроднившиеся с мыслью о том, что они рождены для страдания, что в обществе нет существ ниже и несчастнее их, все, что им остается, — это терпеть. Он боится каждого своего слова и поступка. Каждый солдат годом старше угнетенного солдата имеет право и истязает его. Его бьют и гнетут всегда и за все, потому что он угнетенный и потому, что власть над ним имеют бывшие угнетенные — самые жестокие угнетающие. Угнетенный солдат не получает одной трети того, что ему дает правительство, он знает об этом и молчит. Однако зародыш чувства мщения есть у каждого угнетенного солдата. В бою такой солдат ненавидит своего начальника также, а иногда еще сильнее, чем своего врага, так как видит возможность вредить ему. Как следствие этого — русские офицеры, убитые и раненные русскими пулями, нарочно отданные в плен неприятелю. Угнетенные солдаты терпеливо страдают и ждут своего конца.

Угнетающие солдаты — это те, кто перенес испытания, не упал, но ожесточился духом. Эти солдаты считают справедливым заставлять страдать каждого столько же, сколько страдали они сами. Угнетающие солдаты сжились с мыслью, что они солдаты и стараются улучшить свое положение с помощью угнетения и краж. Солдаты этого типа открыто презирают угнетенных солдат, иногда они решаются показать чувство ненависти к начальнику. Угнетающий солдат в бою не убьет своего начальника, но может осрамить его. Угнетающие солдаты освоились в солдатской сфере и улучшают в ней свой быт.

Отчаянные солдаты — люди, убежденные своим несчастным положением, что для них нет ничего незаконного и не может быть ничего худшего. Для них нет ничего святого, они могут украсть у товарища, ограбить церковь, убежать с поля боя, перебежать к врагу, убить своего начальника и никогда в этом не раскаяться. Отчаянные солдаты презирают все и наслаждаются.

Давая характеристику офицерам, Л. Н. Толстой писал, что русские офицеры в большинстве своем не способны ни к какой другой

деятельности, кроме военной службы. Главной целью этой службы для офицера выступают деньги, а средствами достижения цели – лихоимство и угнетение. Офицер презирает это свое звание, потому что из-за него он попадает под влияние грубых и безнравственных людей, занимается бесполезными и унижительными делами. Среди военных дух любви к отечеству, военная честь вызывают насмешку, а угнетение, разврат и лихоимство пользуются уважением. Исходя из всего этого, Л. Н. Толстой писал, что офицеры, за малым исключением, это или наемники, служащие только из-за денег, которым не свойственен патриотизм и чувство долга; или грабители, стремящиеся во время службы украсть состояние и выйти в отставку; или безнравственные невежды, служащие только потому, что надо что-то делать, но вследствие своего образования ничего другого делать не способные. Что касается образования офицеров, то, по мнению Л. Н. Толстого, «русский офицер не образован» [177, с. 405] и презирает образование по следующим причинам: не получил образования или утратил его как бесполезное для продвижения по службе. Офицеров, как и солдат, Л. Н. Толстой подразделяет на три типа (рода): офицеры по необходимости, офицеры беззаботные и офицеры-аферисты.

Офицеры по необходимости — это люди, получившие военное образование и рассматривающие воинскую службу как единственный доступный им источник получения средств существования. Они ко всему равнодушны, ограничены самым узким кругом деятельности, усвоившие общий характер угнетения, праздности и лихоимства, бессознательно коснеющие в грубости, невежестве и пороках.

Офицеры беззаботные — люди в большинстве своем праздные, богатые, развратные, презирающие сущность военной службы. Они не имеют в себе ничего военного кроме мундира и служащие только для него или мелочного тщеславия.

Офицеры-аферисты — офицеры, служащие только ради того, чтобы любым путем нажить состояние на военной службе. Они не думают о долге и чести, общем благе, считают честность глупостью, понятие долга сумасшествием, рассматривают солдат как источник нажить состояние с помощью их угнетения. Они представляют собой огромную корпорацию грабителей, помогающих друг другу. Одни из них начали воровать, другие — готовятся к воровству, третьи — прошедшие через воровство. Эти офицеры заражают и молодое поколение системой корысти и лихоимства. У низших слоев вой-

ска они вызывают возмущение и ненависть. Л. Н. Толстой считал, что именно офицеры-аферисты и есть самый многочисленный тип.

Анализируя оценки, данные 27-летним Л. Н. Толстым российскому войску первой половины XIX в., необходимо отметить не только категоричность и обобщения автора, основывающиеся по большей части на личных впечатлениях, но и их некоторую противоречивость. Так, характеризуя российских генералов как людей без ума, образования и энергии, прошедших терпеливо и бессознательно все необходимые степени унижения, праздности и лихоимства для достижения генеральского звания — генералов терпеливых, Л. Н. Толстой выделял и генералов счастливых. К счастливым генералам он относил «людей или какой-нибудь случайностью, или образованием, или истинным дарованием проложивших себе дорогу мимо убивающей среды настоящей военной службы и успешных вынести светлый ум, теплые чувства любви к родине, энергию, образование и понятие чести» [177, с. 406]. Число счастливых генералов незначительно по сравнению с числом генералов терпеливых. Терпеливые генералы препятствуют карьерному росту генералов счастливых, отстраняя их от высших должностей. Само появление генералов, отнесенных к счастливым, Л. Н. Толстой рассматривает как случайность, а их влияние как незначительное. Противоречивость оценок Л. Н. Толстого видится в том, что до получения генеральского звания характеризующие положительно генералы счастливые проходили службу офицерами и не относились ни к одному из типов офицеров, выделенных Л. Н. Толстым. Вместе с тем общая правомерность оценок русской армии, даваемых Л. Н. Толстым в предлагаемом им проекте реформирования армии, подтверждается последующим ходом российской истории, в частности, характером военных реформ 60—70 гг. XIX в. Подготовкой проекта была поставлена своеобразная точка в военной карьере Л. Н. Толстого. В своем дневнике 11 марта 1855 г. он написал: «Военная карьера — не моя, и чем раньше я из нее выберусь, чтобы вполне предаться литературной, тем лучше» [177, с. 444].

Пережитый Л. Н. Толстым в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в. духовный кризис усилил негативизм в отношении военной службы и перевел его в иную плоскость. Если в проекте о реформировании армии Л. Н. Толстым критикуется в основном состояние русской армии в конкретный период, высказываются предложения по ее реформированию, то толстовское религиозно-философское учение содержит неприятие военной службы как таковой, независимо от

состояния вооруженных сил, где эта служба проходится. Обуславливается это прежде всего тем, что основополагающая идея этого учения — непроведение злу насилем — противоречила прохождению военной службы. Эту службу Л. Н. Толстой стал рассматривать как последнюю степень насилия, как неизбежное участие в убийстве или приготовление к нему. В своей статье «Неизбежный переворот» (1909 г.), конкретизируя программу борьбы с насилем, для изменения насильственного устройства жизни Л. Н. Толстой предлагает гражданам следующее: 1) не совершать самим прямого насилия (не бить, не убивать, не делать этого ни для своих личных целей, ни под предлогом общественной деятельности); 2) не принимать участия в каком бы то ни было насилии (не только не быть губернатором, судьей, сборщиком податей, министром, солдатом и т. д., но и не участвовать в судах, выборах, армейской службе и т. п.); 3) не одобрять никакое насилие (не пользоваться для своей выгоды никаким насилем ни в речах, ни в писаниях, ни в поступках; не выражать ни похвалы, ни согласия с людьми и делами, поддерживающими насилие или основанными на насилии). Ни одна из этих рекомендаций Л. Н. Толстого не могла быть реализована в условиях военной службы. Таким образом, негативное отношение Л. Н. Толстого к военной службе детерминировалось не столько состоянием русской армии, порядками в ней, сколько отрицанием института военной службы как такового.

Из многочисленных произведений Л. Н. Толстого, отражающих сущность его религиозно-философского учения, в качестве источников для анализа его позиции относительно воинской службы особо выделим работы, обращенные непосредственно к военнослужащим: «Солдатская памятка» [174], «Письмо к фельдфебелю» [173], «Офицерская памятка» [171]. Две первые работы адресованы к нижним чинам, служившим принудительно, и одна — к офицерам, выбравшим военную службу добровольно.

Сам по себе запрет на убийства в данных работах представлен как некая аксиома. Ссылаясь на Евангелия, Л. Н. Толстой пишет, что не только не должно убивать своих братьев, но не должно делать того, что ведет к убийству: не должно гневаться на брата и ненавидеть врагов [174]. При этом он особо оговаривает, что данная заповедь должна выполняться неукоснительно, любые действия начальства, направленные на то, чтобы заставить солдата убивать, не могут служить оправданием убийству. Так, приказ убивать, отданный начальством, не является основанием для отступления от

заповеди «не убий», убийство врагов даже на войне, вопреки разъяснениям начальства, противоречит этой заповеди. Принятие присяги солдатом также не является оправданием его участия в убийствах. Присяга — это обещание людям исполнять их волю, однако человек прежде всего обязан исполнять волю Бога, давшего ему жизнь и запретившего убивать. В этой связи Л. Н. Толстой указывает: во-первых, нельзя присягать в том, что будешь делать все, что прикажут люди, во-вторых, принятие присяги есть грех, поскольку существует христианская заповедь: «...не клянись вовсе... Но да будет слово ваше: “да, да”; “нет, нет”; а что сверх того, то от лукавого» (от Матфея 5:34, 37) [5].

Л. Н. Толстой особо подчеркивал, что человек всегда ответственен за то, что он делает. Следовательно, ответственность за убийство несет сам солдат, а не начальство, отдающее приказы убивать. В подкрепление этих слов он в «Солдатской памятке» приводит интересные сравнения. В одном из них грех убийства сравнивается с грехом прелюбодеяния и подчеркивается, что грех прелюбодеяния во много раз легче греха убийства. Сравнение сопровождается риторическим вопросом — возможно ли, чтобы один человек сказал другому: прелюбодействуй, я беру на себя твой грех, потому что я твой начальник? В этом же произведении Л. Н. Толстой сравнивает положение солдата с положением проститутки и называет положение солдата, всегда готового на величайшее преступление — на убийство всякого человека, на которого только укажет начальник, еще более постыдным, чем положение блудницы, которая всегда готова отдать свое тело на осквернение тому, на кого укажет хозяин [174].

Особую ответственность за участие в насилии Л. Н. Толстой возлагал на офицеров. В «Офицерской памятке» говорилось, что напоминание об обязанностях перед богом, связанных с запретом на убийства и подготовку к ним, еще более необходимо офицерству (военному начальству от прапорщика до генерала), чем солдатам. Обуславливается это рядом обстоятельств. Во-первых, офицеры выбрали военную службу добровольно, в отличие от нижних чинов, призванных на нее принудительно.

Во-вторых, особенности несения воинской службы, имевшие место в конце XIX — начале XX вв. Речь идет прежде всего об использовании армии для подавления и усмирения своего народа. По мнению Л. Н. Толстого (очень спорному с точки зрения исторических фактов), 100 или даже 50 лет тому назад военным и в голову не могло прийти, что войска могут использоваться для этих целей.

Тогда врагами были только варвары, неверные или злодеи. Злодеями Л. Н. Толстой в данном случае называет людей из народа, готовых разорять и убивать мирных жителей, которых поэтому предполагалось для общего блага уничтожить. Л. Н. Толстой пишет, что войны с внешними врагами теряют свою актуальность. Поскольку международные отношения — торговые, общественные, научные, художественные — так сблизили народы между собой, что всякая война между европейскими народами представляется чем-то вроде семейного раздора, нарушающего самые священные связи людей. Главное и постоянное употребление войска в наше время состоит не в защите от внешних врагов и от злодеев-бунтовщиков — врагов внутренних, а в убийстве своих безоружных братьев — смиренных трудолюбивых людей, которые хотят только того, чтобы у них не отнимали того, что они зарабатывают. Поэтому главное предназначение военной службы в наше время в том, чтобы угрозой убийства и убийством удерживать порабощенных людей в тех несправедливых условиях, в которых они находятся. А это уже не только неблагородное, но и подлое дело. Поэтому офицерам, служащим теперь, необходимо подумать о том, кому они служат, хорошо или дурно то, что они делают [171].

В-третьих, Л. Н. Толстой считал, что офицеры совершают еще большее преступление, чем солдаты. Он пишет, что самому быть убийцей ужасно, но хитрыми и жестокими приемами довести до этого доверившихся вам своих братьев — есть самое страшное преступление. Офицеры от высших до низших чинов его и совершают — в этом состоит их служба. С помощью приемов одурения людей офицеры доводят солдата до положения ниже животного, такого, в котором он готов убивать всех, кого велют, даже своих безоружных братьев. Причем совершение этого преступления отражается и на самих офицерах. Подтверждение этого Л. Н. Толстой видит в том, что среди офицеров больше, чем во всякой другой среде, процветает все то, что может заглушить совесть — курение, карты, пьянство, разврат, чаще всего бывают самоубийства. Следуя логике Л. Н. Толстого, солдаты совершали насилие только во время ведения боевых действий, а офицеры еще и в мирное время, когда обучали солдат. Доказывая особую ответственность офицеров, Л. Н. Толстой ссылается на христианскую заповедь: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (От Матфея 18:7) [5].

В работах, обращенных непосредственно к военнослужащим, Л. Н. Толстой поднимает и вопрос о том, почему служат солдаты и

офицеры. Что касается солдат, то в условиях всеобщей воинской повинности они не имеют выбора и попадают на военную службу в большинстве случаев вопреки своей воле. В условиях службы ими движет боязнь наказания и желание получить награду. В «Солдатской памятке» Л. Н. Толстой пишет, что, убивая по приказанию начальства, солдат точно такой же убийца, как и разбойник, убивающий купца, чтобы ограбить его. С той только разницей, что разбойник польстился на деньги, а солдат на то, чтобы не быть наказанным начальством и получить награду. Офицеры служат добровольно и, по мнению Л. Н. Толстого, изложенному в «Офицерской памятке», оправдываются тем, что если бы они не делали этого, то нарушился бы существующий порядок, произошли бы смуты и всякого рода бедствия. Л. Н. Толстой не принимает этих оправданий и отмечает, что, во-первых, офицеры служат не для поддержания существующего порядка, а ради собственной выгоды, которую дает военная служба. Во-вторых, даже если бы отказ офицеров от службы вел бы к нарушению этого порядка, то это не означало бы, что надо продолжать делать «дурное дело» (так Л. Н. Толстой в данном случае определяет службу офицеров). Это доказывало бы только то, что такой порядок должен быть уничтожен, поскольку общий порядок должен быть таким, чтобы для его поддержания не нужны были убийства.

В качестве средства, широко используемого для того, чтобы заставить военнослужащих совершать убийства и готовиться к этому, проходя воинскую службу, Л. Н. Толстой называет обман. Людей обманывают, что можно убивать по приказу и не нести ответственности за убийство, что присяга обязательна. В работе «Письмо к фельдфебелю» Л. Н. Толстой задается вопросом, почему здравомыслящие, часто грамотные и даже образованные люди могут верить такой очевидной лжи? Здесь же Л. Н. Толстой дает ответ на этот вопрос. Обман, что по приказу начальства убивать можно, связан с целой системой обманов, без которых этот обман не был бы возможен. Эта система обманов, воздействующая на человека с самого детства, называется православной верою, которая выдается за христианскую веру. Все русские люди вовлечены в православие коварным обманом и жестоким насилием удерживаются в нем. С детства им не велят понимать, а велят только верить. Поэтому приученные к этому люди верят тому, что для христианина нет греха в том, чтобы поступать на военную службу, обещая при этом слепо повиноваться всякому человеку, который будет счи-

таться выше чином; по воле другого человека обучаться убийству и совершать его — самое страшное, запрещенное всеми законами преступление. Обвиняя православие за участие в обмане, называя его ложной христианской верой, Л. Н. Толстой высказывает свое положительное отношение к сектантам, к особенностям их веры. В работе «Письмо к фельдфебелю» он подчеркивает, что сектанты отвергают православие и признают учение Христа таким, каким оно изложено в Евангелиях, и особенно в Нагорной проповеди. Именно поэтому сектанты всегда отказывались и отказываются от военной службы, признавая ее несовместимой с христианством, предпочитая нести за эти отказы всякого рода истязания. Так теперь поступают сотни и тысячи людей в России (духоборы, молокане) и Швеции, Швейцарии и Германии (евангелики) [173]. Особо Л. Н. Толстой выделял роль духоборов. В своей работе «Две войны» (1898) он отмечал, что борьба духоборов открыла глаза миллионам людей, в том числе и военным. Сотни людей, старых и молодых военных, благодаря тому, что они узнали о гонениях, которым правительство подвергло кротких и трудолюбивых духоборов, усомнились в законности своей деятельности; задумались над жизнью и значением христианства. Такая реакция людей поразила правительство в самое сердце.

В работах «Солдатская памятка», «Письмо к фельдфебелю», «Офицерская памятка» прослеживаются конкретные рекомендации Л. Н. Толстого, адресованные солдатам и офицерам. В обобщенном виде эти рекомендации сводятся к необходимости отказаться от несения воинской службы. Если рассматривать частности, то офицерам Л. Н. Толстой предлагал три варианта действий. Первый вариант — собрать часть, которой командует офицер и перед строем попросить прощение за зло, которое он сделал, обманывая военнослужащих и перестать быть военным. Этот вариант действий Л. Н. Толстой назвал самым лучшим и самым честным. Хотя такие действия требовали от офицера большого мужества, однако для совершения таких действий, по мнению Л. Н. Толстого, мужества требовалось меньше, чем для ведения боевых действий или участия в дуэли за честь мундира, к чему офицеры того времени всегда были готовы. Второй вариант — если офицер не в состоянии реализовать первый вариант действий, то он может просто уйти со службы и предпочесть ей другую деятельность, пусть и менее выгодную. Третий вариант — если по каким-то причинам невозможно осуществить первые два варианта, то решение вопроса служить или

нет необходимо отложить до того времени, когда поступит приказ стрелять в безоружную толпу крестьян и рабочих. Тогда офицер должен отказаться повиноваться и вследствие этого оставить военную службу. Л. Н. Толстой указывает на то, что общественное мнение казнит тех офицеров, которые не желают действовать в соответствии с этими вариантами, и таких офицеров становится все меньше [171].

Что касается солдат, то единственным выходом для них Л. Н. Толстой считал свержение с себя постыдного и безбожного звания солдата и готовность перенести все страдания, которые последуют за этим [174]. Тем самым солдатам фактически предлагалось следовать примеру сектантов-отказников. В «Солдатской памятке» Л. Н. Толстого изложен и призыв к отказу стрелять в своих безоружных братьев, т. е. в свой народ. Используя современную терминологию, можно говорить о «преступном приказе» и запрете на его выполнение. Л. Н. Толстой относил к таким приказам любые приказы, направленные на убийства и первую очередь — убийства своих протестующих против властей соотечественников. Характерно, что разрешение не выполнять некоторые приказы имело место в российской армии. Это были приказы, выполнение которых могло принести вред царю.

Относительно воззрений Л. Н. Толстого на войну, носящих характер ее тотального отрицания, отметим еще две особенности. Первая особенность связана с причинной обусловленностью современных войн. Л. Н. Толстой рассматривал существование войск как неизбежную причину войн. Войска нужны правительству и всем представителям высших сословий, примыкающим к правительству и живущим чужими трудами, как средство властвования над рабочим классом. Война является лишь способом оправдать наличие войска и выгодна только для генералов, офицеров, чиновников, купцов и вообще богатых классов [173]. Вторая особенность связана с последствиями от ведения войн. Война, как считал Л. Н. Толстой, ведет к тому, что часть людей перестает быть гражданами и делается солдатами. Привычки этих людей выделяют их из общества, их главное чувство есть преданность начальнику, они в лагерях приучаются к деспотизму, к тому, чтобы достигать своих целей насилием и играть правами и счастьем ближних; их главное удовольствие — бурные приключения, опасности. Мирные труды им противны [174]. Другими словами, Л. Н. Толстой считал, что прохождение военной службы в целом и участие в войне в частности

приводят к тому, что военнoслужашие приобретают особые качества, носящие негативный характер и не позволяющие им впоследствии перейти к мирной жизни.

Наряду с военной службой Лев Николаевич считал безнравственным и участие во всем, что имеет какое-либо отношение к войне: производство оружия, военной техники и т. п. Ссылаясь на Евангелия, он пишет, что не только не должно убивать своих братьев, но не должно делать того, что ведет к убийству.

Отрицая любые войны Л. Н. Толстой отрицал и патриотизм [172]. Под патриотизмом он понимал «желание исключительного блага своему народу» [172, с. 48]. По его мнению, соединить патриотизм и мир невозможно, поскольку патриотизм производит войну. Следовательно, для того чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм: «Моря крови пролиты из-за этого чувства и будут еще пролиты из-за него, если люди не освободятся от этого отжившего остатка старины» [172, с. 49]. Продолжая развивать эту мысль, он отмечал: «Патриотизм есть пережиток варварского времени, который не только не надо возбуждать и воспитывать, как мы это делаем теперь, но который надо искоренять всеми средствами: проповедью, убеждением, презрением, насмешкой» [172, с. 51]. Л. Н. Толстой также подчеркивал, что чем больше государство, тем злее и жестче его патриотизм. Следовательно, если христианство — истина и мы хотим жить в мире, то надо не сочувствовать могуществу своего отечества, а радоваться его ослаблению и содействовать этому. В таком же духе должны воспитываться и молодые поколения.

Призывая к уничтожению патриотизма, Л. Н. Толстой исходил из того, что для этого необходимо прежде всего убедиться, что патриотизм — зло. Сделать это трудно, поскольку патриотизм был когда-то благодетелен, соединяя людей в государства, как это было во времена его расцвета в Греции и Риме; и, как считают многие, не всякий патриотизм носит завоевательный характер. Точка зрения Л. Н. Толстого на этот счет сводилась к следующему. Патриотизм утратил свою объединяющую функцию и поэтому перестал быть благодетельным. Произошло это вследствие того, что теперь есть патриотизм американский, английский, немецкий, французский, русский, все они противоположны один другому, и патриотизм уже не соединяет, а разъединяет. Наряду с патриотизмом, носящим завоевательный характер, он рассматривает удержательный и восстановительный патриотизм. Однако и эти раз-

новидности патриотизма, по его словам, не являются хорошими. При удержательном патриотизме «...люди хотят удержать то, что прежде было завоевано, так как нет такой страны, которая основалась бы не завоеванием, а удержать завоеванное нельзя иными средствами, как только теми же, которыми что-либо завоевывается, то есть насилем, убийством. Если же патриотизм даже и не удержательный, то он восстановительный — патриотизм покоренных, угнетенных народов-армян, поляков, чехов, ирландцев и т. п. И этот патриотизм едва ли не самый худший, потому что самый озлобленный и требующий наибольшего насилия» [172, с. 48].

Л. Н. Толстой понимал, что граждане, последовавшие его рекомендациям и отказавшиеся, в частности, от военной службы, подвергнутся гонениям и преследованиям со стороны властей. Он никому не предписывал в обязательном порядке отказываться от военной службы. По его мнению, это было делом совести каждого. Л. Н. Толстой также считал, что отказ от военной службы для религиозного человека — не цель, а только неизбежное следствие его мировоззрения. По его убеждению, даже если первоначально таких отказов будет немного, факт их существования откроет глаза другим людям, что приведет к формированию «христианского общественного мнения», которое призвано изменить инертную массу и увеличить число этих отказов настолько, что власти не в состоянии будут продолжать политику гонений и преследований пацифистов. Таким образом, Л. Н. Толстой в отношении военной службы своей конечной целью ставил не только обеспечение права отдельных граждан отказываться от нее из-за своих убеждений, но и формирование соответствующего общественного мнения, с помощью которого эти отказы приобретут всеобщий характер.

2.2.2. Практическая значимость и реализация подходов Л. Н. Толстого к военной службе

Надо полагать, что сама по себе постановка Л. Н. Толстым цели придания отказам от военной службы всеобщего характера не представляла значительной угрозы для государственной политики, проводимой властями Российской империи, в том числе и военной. Л. Н. Толстой в рамках борьбы с насилем призывал к отказам не только от военной службы, но и от судов, налогов и т. п. Взятые в комплексе эти отказы, скорее всего, воспринимались большинством граждан если не как утопия, то как некий идеал, к которому надо стремиться, но которого в реальной жизни невоз-

можно достичь, поскольку, следуя учению писателя, необходимо было отказаться от государства в привычном его понимании, ведь именно оно и воспроизводило насилие. В попытках практической реализации толстовских идей можно выделить и другие моменты, вероятнее всего воспринимаемые большинством граждан если не как абсурдные, то нереалистичные. К примеру, движение «ручников», заявившее о себе в 30-е гг. XX в. Часть участников этого движения, несмотря на явное снижение результативности труда, считала недопустимым для себя не только использование в сельском хозяйстве труда животных, но и применение железных орудий для обработки земли. По их убеждению применение таких орудий оскорбляло землю. Сам Л. Н. Толстой не отрицал того, что многое из предлагаемого им в реальной жизни не могло быть достигнуто. В «Послесловии к «Крейцеровой сонате» (1891) он писал: «...идеал Христа, — установление царства бога на земле, идеал, предсказанный еще пророками о том, что наступит время, когда все люди будут научены богом, перекуют мечи на орала, копья на серпы, лев будет лежать с ягненок и когда все существа будут соединены любовью» [176, с. 202]. Все это делало учение Л. Н. Толстого не столь опасным для российского государства, а в последующем советского, если бы не ряд обстоятельств.

Во-первых, социальный статус Л. Н. Толстого. Он имел огромный авторитет не только в России, но и за ее пределами. Это обстоятельство не только делало призывы Л. Н. Толстого более значимыми, но и не позволяло властям легко расправиться с ним, прекратив тем самым распространение опасных для государства идей. К середине 80-х гг. Л. Н. Толстой как писатель был широко известен в разных странах мира. В число этих стран входили не только западные страны, но и страны Востока — Индия, Китай, Иран. Благодаря этой популярности, его религиозно-философское учение стало доступным не только широким слоям российской общественности, но и приобрело известность за рубежом. Публицистические произведения Л. Н. Толстого, отражающие суть его учения, издававшиеся за границей и на иностранных языках, привлекали к себе общественное внимание, приобретали популярность и вызвали широкий резонанс за пределами России. В результате во многих странах Европы, в Северной Америке были основаны группы толстовцев. Хотя эти группы и были немногочисленными, однако оказывали влияние на мировоззрение граждан этих стран. В Соединенных Штатах, например, идеи толстовства разделяли политик Уильям Дженнингс

Брайен, адвокат Кларенс Дарроу, социальный реформатор Джейн Адамс. Л. Н. Толстой имел последователей в Англо-Американском сообществе квакеров [208, с. 6]. В 90-е гг. XIX в. Л. Н. Толстой в рамках переписки вел диалог с Мохандасом Ганди и оказал на него сильное влияние. В начале XX в. Л. Н. Толстым был подготовлен доклад для стокгольмского конгресса о мире. Авторитетности суждений Л. Н. Толстого относительно военной службы не могло не способствовать и то, что он, как уже отмечалось, в прошлом был офицером (как и ряд его ближайших сподвижников, например, организационный лидер толстовского движения В. Г. Чертков), имел боевой опыт и награды. Поэтому его мнение относительно военной службы и всего того, что с ней связано, нельзя было выдать за точку зрения дилетанта. Значимость приведенного обстоятельства становится еще более очевидной, если сравнить социальный статус, особенности биографии Л. Н. Толстого и описанных выше лидеров религиозных сект, вероучения которых отрицали воинскую повинность.

Во-вторых, воздействие толстовства на общество носило универсальный характер. Идеи Л. Н. Толстого принимались представителями крестьянства и рабочего класса, недовольными политикой российского правительства, в том числе и участниками протестных действий. Движение отвечало чаяниям части российской интеллигенции и, следовательно, находило у нее поддержку. Показательной в этом отношении является судьба видного толстовца — князя Дмитрия Александровича Хилкова. Как и Л. Н. Толстой, он проходил офицерскую службу. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Личное участие в боевых действиях повлияло на его мировоззрение таким образом, что он вышел в отставку. Вернувшись в свое имение в сумском уезде Харьковской губернии, передал землю крестьянам, оставив себе небольшой надел, на котором стал работать и жить как простой крестьянин. В жены взял Ц. Винер, разделявшую учение Л. Н. Толстого, и при ее содействии лично познакомился с ним. Ознакомившись с идеями толстовского учения и под влиянием прошлого опыта общения с духоворами во время войны, стал убежденным пацифистом. Вел активную просветительскую работу, за которую был сослан вместе с женой в Закавказье. В самом начале Первой мировой войны, очевидно, пересмотрев свои убеждения, добровольцем ушел на фронт, где и погиб.

Толстовское учение имело много общего с учениями религиозных сектантов. Этим обуславливалось активное общение писате-

ля и его сподвижников с представителями различных российских религиозных сект. Итогом этого общения была не только идейная поддержка и одобрение действий сектантов, но и материальная помощь им. Выше уже приводился пример, когда Л. Н. Толстой положительно отзывался о действиях сектантов, направленных на непринятие военной службы. Он как бы ставит сектантов в пример читателям своих воззваний. Убедительные примеры на этот счет приводит Н. М. Никольский в работе «История русской православной церкви». Можно привести пример материальной помощи сектантам, оказанной лично Л. Н. Толстым. Когда в конце XIX в. духоборы собрались эмигрировать из России, он из своего гонорара за роман «Воскресенье» оплатил фрахт двух кораблей, доставивших духоборов в Канаду. В 1897 г. Л. Н. Толстой, узнав из шведских газет о том, что в Норвежском стортинге, по завещанию А. Нобеля, разбирался вопрос о том, кому из лиц, наиболее послуживших делу мира, следует выделить 100 тыс. рублей премии, обратился с письмом к редакторам шведских газет с просьбой опубликовать его статью. В статье предлагается передать эти деньги находящимся в нужде семьям кавказских духоборов, поскольку, как писал Л. Н. Толстой: «Никто в наше время не послужил и не продолжает служить делу мира действительно и сильнее этих людей» [167, с. 149]. В шведских газетах это письмо-статья напечатана незамедлительно [167, с. 154]. Появившиеся в конце XIX в. в духоборческих слободах сосланные толстовцы — князь Хилков, Бодянский, Прокопенко и другие пришли на помощь духоборческой бедноте, организовали ее и повели активную борьбу за общественное производство, равенство, отказ от податей и военной службы. Толстовцы ссылались при этом на указания лидера духоборов Петра Веригина, находящегося в ссылке. П. Веригин, как отмечалось выше, встречался с толстовцами и проникся их идеями [114, с. 381].

В-третьих, опасность для российского государства, исходящая от пацифистских идей толстовства, усиливалась за счет активной просветительской работы, проводимой Л. Н. Толстым и его сподвижниками. Целью этой работы являлось формирование позитивного общественного мнения относительно толстовского учения. Подтверждением высокой действенности просветительской работы служат факты распространения толстовского движения вплоть до Кавказа и Сибири, а также за пределами России. В рамках этой работы в России создавались духовные и просветительские центры, велась издательская деятельность. Так, неофициальным

ядром толстовского движения стало Московское Вегетарианское Общество, основанное в 1909 г. На протяжении десятилетий, в том числе и после установления советской власти, оно духовно объединяло толстовцев и имело целью «установление любви и мира между всеми живыми существами» [106, с. 275—276]. При этом были открыты вегетарианские столовые, библиотека, имелась литература против пьянства и курения, проводились лекции, концерты. Московское Вегетарианское Общество, а также аналогичные организации, созданные позднее («Общество Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого» (1917—1922), «Объединенный Совет религиозных общин и групп» (1918—1922)) имели большое значение для дальнейшего развития толстовского движения, привлечения внимания к идеям писателя людей самых различных социальных слоев [106, с. 278]. В этих же целях при просветительских центрах выпускалось много журналов: «Голос Толстого и Единение», «Истинная свобода» (Москва), «Братство» (Киев), «Открытое слово» (Харьков), «Искатель истины» (Балаково Самарской губернии) [114, с. 460—470]. В 1884 г. сподвижником Л. Н. Толстого И. И. Горбуновым-Посадовым организуется издательство «Посредник» (1884—1935), в котором публикуются духовные произведения Л. Н. Толстого и его единомышленников. Издательство имело сугубо просветительский характер, публикуя дешевые издания для народа. После истории с кавказскими духоборами Л. Н. Толстой и его единомышленники выступили с воззванием к обществу в их защиту. За это ближайший соратник Л. Н. Толстого В. Г. Чертков в 1897 г. был выслан за границу [35, л. 22].

О направленности на широкое использование в пропагандистских целях свидетельствуют и сами названия ряда публицистических работ антимилитаристского содержания Л. Н. Толстого: «Солдатская памятка», «Офицерская памятка». В самой «Солдатской памятке» писатель призывает заменить вывешенную во всех казармах солдатскую памятку, призывающую убивать людей.

Не прекращалась пропаганда толстовского учения и в годы Первой мировой войны. Так, Неумин с 1914 по 1917 гг. проходил службу на германском фронте в обозе. Там он познакомился с произведениями Л. Н. Толстого и «понял всю правду». В дальнейшем стал отказываться от какой-либо принудительной работы, в том числе и от работы в артели. За это при советской власти был водворен в концентрационный лагерь № 1 (Екатеринбург) [112, л. 3].

В-четвертых, исторические особенности развития России и исследуемого исторического периода. В качестве основной из таких

особенностей следует выделить активное участие России в различных войнах и подготовку к ним. Негативные последствия для россиян от Первой мировой войны, а в последующем и от Гражданской войны, способствовали притоку в ряды толстовцев новых членов. При этом у них в качестве мотива далеко не всегда выступали истинные убеждения в правоте учения Л. Н. Толстого. Пацифистская составляющая этого учения вполне могла быть использована и, скорее всего, использовалась частью граждан как прикрытие для уклонения от воинской службы, особенно в период ведения боевых действий. При этом важно учитывать следующие обстоятельства. Как уже отмечалось, Л. Н. Толстым и его сподвижниками ставилась и небезуспешно решалась задача формирования в России общественного мнения, которое бы фактически оправдывало этих граждан. Толстовское движение получило широкое распространение и охватило почти половину территории России. В условиях затяжной и изнурительной войны все это могло значительно увеличить число граждан, уклоняющихся от призыва на военную службу и дезертировавших с этой службы.

В-пятых, в России была предпринята попытка практической реализации многих идей Л. Н. Толстого в земледельческих коммунах. Опыт существования толстовских земледельческих коммун в целом свидетельствовал о том, что основные принципы религиозно-философского учения Л. Н. Толстого при определенных условиях могут быть успешно реализованы на практике, по крайней мере частью граждан, исповедующих это учение. Эти коммуны создавались с 1914 г. и объединяли представителей различных социальных слоев, национальностей, возрастов и вероисповеданий. Среди коммунаров были интеллигенты, крестьяне, бывшие солдаты, религиозные сектанты, молодежь. Основным направлением хозяйственной деятельности коммун являлось земледелие. Земля, материальные блага, получаемые от ее обработки, жилье находились в общественной собственности. Все основные вопросы решались демократическим путем — общее собрание являлось высшим органом управления коммуной. В отношениях с государственными властями коммуны старались прийти к компромиссу, сохранив при этом верность основополагающим принципам толстовского учения, в частности, неприятию военной службы. Толстовские земледельческие коммуны просуществовали до конца 30-х гг. и были ликвидированы советской властью, использовавшей отказы толстовцев от воинской повинности как основание для ликвидации этих коммун [24, с. 129].

2.3. Численность и классификация отказников от военной службы в Российской империи

Точно оценить численность российских подданных, отказывающихся в той или иной форме от воинской повинности вследствие своих убеждений, достаточно сложно. Причинами тому служат: отсутствие данных о подлинной численности российского религиозного сектантства, изменчивость вероучений религиозных сект, латентный характер части отказов от военной службы. Что касается официальной статистики, то в качестве примера можно привести следующие данные. В период с начала Первой мировой войны и по апрель 1917 г. военно-окружными судами было осуждено 837 нижних чинов за отказы по своим убеждениям применять оружие против врагов отечества и нести военную службу. По большей части это были представители евангельских христиан — 256 человек (30,6 %), баптисты и штундисты — 114 человек (13,6 %), адвентисты — 70 человек (8,4 %), вероисповедание не указано у 249 человек (28,3 %) [34, л. 316—317].

Первая мировая война в целом усилила отрицательное отношение религиозного сектантства к воинской повинности. В начале войны в большинстве своем религиозные секты поддерживали политику царского правительства. Поддержка эта выражалась в сборе денежных средств на нужды армии, уходе за ранеными, в прямом участии части сектантства в военных действиях. В основе такого поведения сектантов были не только патриотические чувства, но и страх быть обвиненными в измене, подвергнуться погромам за отказы служить. По мере усиления тягот войны негативное отношение к ней со стороны сектантов стало нарастать. Отказы нести военную службу принимали демонстративный характер. Кроме отказов непосредственно вести боевые действия, сектанты стали отказываться нести вспомогательную службу. Община «Трезвая жизнь», добровольно отправляющая в начале войны своих членов служить санитарями и организовавшая швейную мастерскую по пошиву белья для раненых воинов, спустя некоторое время прекратила это добровольное санитарное служение. Входящие в общину сектанты пришли к выводу, что действительного человеколюбия в военно-санитарном деле нет и быть не может. А лазареты служат «починочными мастерскими» для солдат и работают на войну [35, л. 18]. Поэтому есть все основания считать приведенные выше официальные данные об отказах призывников от воинской повинности вследствие убеждений односторонне отражающими

ситуацию в России. Кроме описанной выше тенденции, в пользу этого вывода свидетельствует и то, что эти данные показывают не количество граждан, отказавшихся от несения военной службы, а только число сектантов, уже осужденных за подобные отказы. Причем вопросы, на которые пока нет точных ответов, вызывают следующие факты. Среди осужденных число духоборов, о чьей непримиримости относительно несения военной службы уже писалось, составляло незначительный процент — 16 человек (1,9 %), толстовцев, о размахе движения которых также упоминалось, — 18 человек (2,2 %), при этом малеванцев было осуждено 27 человек (3,2 %). Вполне обоснованным представляется предположение о том, что общее число сектантов, отрицающих из-за своих убеждений воинскую повинность во всех ее проявлениях, многократно превышало число осужденных за отказы применять оружие против врагов отечества и нести военную службу. Базируется такое предположение на следующих фактах. Численность сектантов в Российской империи измерялась как минимум сотнями тысяч, а большинство религиозных сект негативно относились к воинской повинности. Так, в ведомости об осужденных военно-окружными судами нижних чинов за отказы по своим убеждениям применять оружие против врагов отечества и нести военную службу упоминается 15 различных сект (Приложение 1). Первая мировая война в целом только усилила подобное отношение. Отказы нести военную службу принимали демонстративный характер. Наряду с отказами непосредственно вести боевые действия сектанты стали отказываться нести вспомогательную службу [35, л. 18]. В связи с этим уместно подчеркнуть, что воинскую повинность в рассматриваемый период можно разделить на две разновидности: строевая и нестроевая службы. Если на строевой службе ношение, а в военное время и применение оружия были ее обязательными составляющими, то на нестроевой службе ношение, а в особенности применение оружия было скорее исключением, чем правилом. Необходимо учитывать и то, что отказы от воинской повинности не были однородными, а часть из них носила латентный характер. Исходя из вышеперечисленных фактов, можно предположить, что 837 нижних чинов, осужденных в период с начала Первой мировой войны и по апрель 1917 г. военно-окружными судами за отказы по своим убеждениям применять оружие против врагов отечества и нести военную службу, это только те сектанты, которые отказались от воинской повинности уже будучи призванными на военную службу

(именно поэтому они попали под юрисдикцию военно-окружных судов). Кроме того, эти отказы носили явный, а не потенциальный характер. Вероятнее всего, это были отказники, отнесенные В. Г. Чертковым к первому разряду, т. е. сектанты-военнослужащие, у которых в процессе ведения боевых действий возникла необходимость лично убивать противника, а они попытались уклониться от этого и были уличены в этом. Добавим к этому тот факт, что далеко не все граждане, совершившие военные преступления в ходе Первой мировой войны, несли за это уголовную ответственность. Дезертиры нередко жили в своих деревнях, особо не опасаясь официальных санкций, поскольку на местах была острая необходимость в труде дезертиров.

Наряду с представителями религиозных сект как российского, так и западного происхождения, вероучения которых противоречили несению военной службы, в Российской империи было немало лиц, которые имели пацифистские убеждения, отрицали воинскую повинность, но при этом не принадлежали к каким-либо религиозным сектам. Так, история Андрея Ивановича Кудрина из Самарской губернии являет собой пример отказов от воинской повинности лицами, которые считали себя «свободно верующими», т. е. не относили себя к какой-либо конкретной религиозной секте. Отец А. И. Кудрина по своему вероисповеданию был молоканином. С возрастом А. И. Кудрин стал расходиться с отцом во взглядах на веру. Он познакомился с Добролюбовым — основателем своеобразной мистической секты в народе, отрицающим воинскую повинность и, очевидно, стал разделять его взгляды. Получив осенью 1905 г. повестку, на сборном пункте А. И. Кудрин отказался нести военную службу, мотивируя свой отказ тем, что надо любить своих ближних и исполнять учение Христа. Аналогичный отказ последовал от еще одного призывника — С. Шнякина [140, с. 9—23]. Кроме того, отказы от военной службы в ряде случаев практиковались и отдельными сектантами, хотя вероучения их общин и групп допускали прохождение такой службы.

Выделение такой категории отказников от военной службы, как «свободно верующие» имеет особое значение. Связано это с тем, что в Российской империи, в других странах, если и предусматривались какие-либо послабления относительно отбывания воинской повинности, то предоставлялись они на основании принадлежности к той или иной религиозной секте, а не на основе экспертизы убеждений призывника.

Идейные отказы от воинской повинности не были однородными. Лидеры российского религиозного сектантства условно подразделяли всех граждан, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, на несколько групп или разрядов. Так, И. М. Трегубов делил всех «отказников» на три группы. Однако наибольший интерес вследствие своей полноты и завершенности представляет классификация «отказников», данная В. Г. Чертковым [109, л. 20—24]. В основу ее положены степень отказа от военной службы и конкретные стороны этой службы, противоречащие религиозным убеждениям отказывающихся. В. Г. Чертков подразделял всех отказывающихся от военной службы по соображениям совести на шесть разрядов.

Первый разряд. Люди, считающие недопустимым для себя совершение убийства непосредственно своими собственными руками. Эти люди согласны принимать военную присягу, проходить военную службу, обучаться использованию оружия и носить его, беспрекословно выполнять приказы командиров и начальников. При этом ими тщательно скрывается тот факт, что если возникнет необходимость лично убивать противника, то они заранее намерены любым путем уклоняться от этого: стрелять мимо цели, бездействовать в рукопашном бою и т. п. Включенные в этот разряд «отказники» заповедь «не убивай» понимают узко, в буквальном смысле. По мнению В. Г. Черткова, таких отказывающихся было много до начала XX в. среди сектантов «евангельских толков».

Второй разряд. Люди, считающие противоречащими своей совести не только совершение убийства собственными руками, но и участие в боевых действиях, несение строевой службы вообще и заявляющие об этом открыто. Большинство из них отказываются принимать военную присягу, считая ее обязательством убивать. При этом такие «отказники» готовы нести нестроевую службу санитарями, денщиками, телеграфистами, писарями и т. п.

Третий разряд. Лица, отвергающие не только собственноручное совершение убийства, участие в боевых действиях, несение строевой службы, но и отказывающиеся проходить почти все виды нестроевой службы, поддерживающие войну. Эти «отказники» согласны отбывать воинскую повинность только санитарями, считая, что помощь раненым есть деятельность, прямо противоположная убийству. Кроме того, некоторые из них готовы участвовать в удовлетворении потребностей войск, присущих всем людям и не относящихся исключительно к обеспечению боевых действий.

Например, снабжать армию продовольствием. Эта категория отказывающихся расценивает ношение оружия и военной формы, соблюдение воинской дисциплины, а многие даже и принятие военной присяги всего лишь как формальность. Однако при этом они, в отличие от лиц, относимых к первому разряду, открыто заявляют, что убивать не будут.

Четвертый разряд. Лица, считающие военную службу вообще недопустимой для себя и отказывающиеся от исполнения любых нестроевых обязанностей, в том числе и военными санитарями. Такие «отказники», с точки зрения В. Г. Черткова, руководствуются двумя принципами. Во-первых, любая военная организация основана на убийстве, поэтому, вступив в нее и повинаясь начальству, они тем самым перед людьми проявят согласие с тем, что в действительности решительно осуждают. Другими словами, сам факт поступления на военную службу, независимо от ее содержания, воспринимается ими уже как одобрение убийства. Поэтому нельзя никоим образом связывать себя с военной организацией. Во-вторых, раненые и больные, вылеченные в военных госпиталях и лазаретах, предназначаются в основном для возвращения в строй и повторного использования в целях убийства. Следовательно, служба военным санитаром недопустима. Отказывающиеся соглашались, не поступая на военную службу, выполнять любую работу, которая не помогала бы правительству в деле ведения войны. Они готовы проходить санитарную или иную службу, в гражданских больницах, работать в правительственных учреждениях, заниматься земледелием. При этом они предпочитают ту работу, которая уже составляет их профессию.

Пятый разряд. Люди, считающие, что в выборе своей деятельности они должны руководствоваться исключительно указаниями своего сознания. Поэтому эти люди согласны выполнять только текущую, заменяющую военную службу работу, которую они сами выберут.

Шестой разряд. Люди, которые не признают не только принудительную воинскую повинность, но и любую другую, заменяющую ее принудительную обязанность. Признание допустимости для себя такой замены означает для них признание за отдельными людьми права насильно распоряжаться другими людьми. Для отказывающихся, причисленных к шестому разряду, неприемлемо даже такое проявление насилия. Поэтому эти отказывающиеся не соглашаются брать на себя обязательства выполнять по приказанию на-

чальства какую бы то ни было работу, пусть даже ту самую, которой они занимались до призыва. По этой же причине эти люди не соглашаются быть официально прикрепленными к одному определенному месту проживания или работы.

В. Г. Чертков называет лиц, причисленных к шестому разряду, наиболее крайне отказывающимися, ставящими голос своей совести выше любой государственной повинности и делит этих лиц на несколько групп. К первой группе относятся лица, которые в случае их призыва на воинскую службу являются к военному начальству для того, чтобы лично засвидетельствовать перед ним свои убеждения, несовместимые с ее прохождением или заявляют о своих убеждениях в письменной форме, обязательно указывая при этом свое местопребывание. Поступая подобным образом, они демонстрируют готовность к любым последствиям своего отказа от отбывания воинской повинности. Вторая группа отказывающихся, в отличие от первой, никак не заявляет властям о своем отказе, считая, что обращение к начальству означает признание добровольного подчинения государственной власти. А никакой государственной власти они не признают, поскольку она основывается на насилии и поддерживается правительственными войсками. При этом отказывающиеся этой группы продолжают жить открыто, показывая, как и в первой группе, свою готовность к любым последствиям своего отказа от отбывания воинской повинности. К третьей группе относятся отказники, не признающие государственную власть, не считающие необходимым отчитываться перед ней о своих убеждениях, но рассматривающие государственное начало как зло, от которого каждый имеет право уклоняться и скрываться. При этом наиболее духовные из них считают недопустимым для себя прибегать ко лжи и обману. Иногда люди из этой группы совершали самоубийство, в том числе и групповое, не желая повиноваться государственной власти. Подобное отношение к властям наиболее свойственно душе русского народа и уже давно прослеживается в действиях некоторых старых самобытных русских сект — бегунов, неплательщиков, немоляков и др. Завершая классификацию «отказников», В. Г. Чертков отмечает, что в ряде случаев люди, отказывающиеся от воинской повинности, не могут быть отнесены ни к одному из перечисленных разрядов, поскольку в их поведении проявляются особенности, свойственные сразу нескольким разрядам. Кроме того, В. Г. Чертковым подчеркивается, что религиозные убеждения, совесть не есть что-то недвижимое. Солдат, офицер может

неожиданно изменить свое отношение к войне, военной службе и признать их неприемлемыми для себя. Реже, но может произойти и обратное. Тот, кто отрицал войну и воинскую повинность, признает их допустимыми для себя [109, л. 22—24].

Выводы по главе

1. Религиозное сектантство в Российской империи являло собой крупное и характерное явление религиозно-этической и культурной жизни русского народа. Именно этим обстоятельством в первую очередь обуславливается объективная необходимость учета в российской государственной политике особенностей религиозного сектантства, в том числе и отрицательного отношения ряда религиозных сект к воинской повинности.

2. Противопоставляя себя господствующей церкви и государственным властям, российские сектанты вырабатывали для себя новые религиозные принципы, в число которых достаточно часто входило отрицание воинской повинности. Причины такого отрицания были различными.

Отрицание воинской повинности членами сект бегунов, неплательщиков, немоляков было одним из проявлений их социального протеста против господствующей церкви и государственной власти в конкретный исторический период. Убеждения, детерминирующие отказ от военной службы членов этих сект, имели скорее политический характер, чем религиозно-пацифистский. В большей степени это отрицание базировалось на неприятии всего того, что могло расцениваться как поддержка господствующей церкви и государственной власти, а не на принципе отрицания насилия как такового, в том числе и вооруженного, независимо от причин, его порождающих.

У духовных христиан — духоборов и молокан — религиозные пацифистские убеждения были представлены шире и глубже, чем у бегунов, неплательщиков и немоляков. Эти убеждения нашли свое отражение в верованиях этих религиозных сект. Вместе с тем отрицание духоборами и молоканами воинской повинности не было радикальным, оно нередко было ситуативным, носило прагматический характер, как и у бегунов, неплательщиков и немоляков, было связано с выражением социального протеста против действующей государственной власти и господствующей церкви.

3. Наряду с религиозными сектами, имеющими российское происхождение, пацифистские убеждения были характерны для

большинства сект, имеющих западные корни и обосновавшихся в Российской империи. Из числа таких сект наибольший интерес представляет секта меннонитов. В разных странах меннониты рекомендовали себя как последовательные сторонники религиозного пацифизма, отрицающие, в соответствии с принципами своего вероучения, военную службу. Стремление сохранить верность своим убеждениям, в том числе и пацифистским, способствовало переселению меннонитов в Россию и официальному признанию за ними права на отказ от несения обязательной военной службы.

4. Усилению пацифистских настроений части населения Российской империи, в том числе и в среде сектантов, в значительной мере способствовало распространение в конце XIX — начале XX вв. религиозно-философского учения Л. Н. Толстого. Во второй половине XIX в. у Л. Н. Толстого складывается резко негативное отношение к военной службе, базирующееся на его понимании христианских заповедей. В отношении военной службы Л. Н. Толстой стремился не только добиться признания права отдельных граждан отказываться от ее прохождения вследствие своих убеждений, но и сформировать соответствующее общественное мнение, с помощью которого эти отказы приобретут всеобщий характер. В этих целях Л. Н. Толстым и его сподвижниками велась активная просветительская работа. Эффективность этой работы возрастала по мере усиления негативных последствий от ведения Первой мировой войны. Российские религиозные секты, отстаивающие пацифистские принципы, со стороны Л. Н. Толстого и его сподвижников получили мощную идейную поддержку и одобрение действий, а также материальную помощь.

5. Точная оценка численности российских подданных, отрицающих в той или иной форме воинскую повинность вследствие своих убеждений, затруднена. Обусловливается это отсутствием полных и однозначных данных о численности российских религиозных сект, изменчивостью их вероучений, латентным характером части отказов от военной службы. Имеющаяся официальная статистика демонстрирует далеко неполные данные о масштабах отказов от военной службы вследствие убеждений в Российской империи. Образуя, говоря, это скорее демонстрация вершины айсберга, но не его подлинных размеров. Исследуя численность отказов от военной службы вследствие убеждений, а также проводимую в их отношении государственную политику, важно учитывать неоднородность этих отказов.

Глава 3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, ПРОВОДИМАЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ОТКАЗЫВАЮЩИХСЯ ВСЛЕДСТВИЕ УБЕЖДЕНИЙ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

3.1. Обусловленность и сущность российской государственной политики в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений

3.1.1. Обусловленность российской государственной политики по отношению к отказам от военной службы вследствие убеждений

В государственной политике Российской империи в отношении ее подданных, отказывавшихся вследствие убеждений от обязательной военной службы, достаточно четко прослеживаются два направления. Первое направление условно можно обозначить как запретительное, поскольку его суть составлял запрет, налагаемый государством на такое освобождение, запрет на выполнение альтернативных обязанностей, заменяющих воинскую повинность. Это направление можно определить и как основное — в силу того, что проводимая в его рамках государственная политика распространялась на большинство случаев отказов от несения воинской службы вследствие убеждений призывников. Второе направление политики Российской империи относительно отказов от воинской повинности вследствие убеждений позиционируется как разрешительное. Таковым его можно считать потому, что в соответствии с этим направлением разрешалось официально освобождать от военной службы вследствие убеждений часть призывников (российских меннонитов). Однако подобное освобождение рассматривалось как исключение из общего правила — не признавать пацифистские убеждения основанием для освобождения от воинской повинности или замены ее другой обязанностью. Поэтому второе направление можно определить и как исключительное.

Опираясь на логический анализ имеющихся исторических фактов, предпримем попытку исследования возможных причин, обусловливавших запретительное и разрешительное направления политики Российской империи в отношении лиц, отказывающихся вследствие убеждений от военной службы. Выявление причин позволит разобраться, насколько адекватной была эта политика в рассматриваемый период, правильно ее оценить и извлечь не-

обходимые уроки из опыта прошлых лет. Не случайно известный английский ученый Фрэнсис Бэкон (1561—1626) утверждал, что мы можем столько, сколько знаем, а истинное знание есть знание причин.

Возможные причины, детерминировавшие государственную политику Российской империи относительно отказов от военной службы вследствие убеждений как запретительную, так и разрешительную, можно разделить на две группы. К первой группе отнесем причины, сложившиеся внутри России, ко второй — причины, сформировавшиеся за ее пределами.

3.1.1.1. Внутренние причины, детерминирующие государственную политику в Российской империи в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений

К числу основных внутренних причин, которые могли существенно повлиять на формирование государственной политики Российской империи в отношении отказов от обязательной военной службы вследствие убеждений, необходимо отнести следующие.

Первая причина — военная политика Российской империи, нацеленная на перманентное участие в войнах и подготовку к ним³³. Такая военная политика была продиктована главным образом геополитическим положением и интересами Российской империи, ее статусом великой мировой державы, имперскими амбициями. Проводимая Россией военная политика требовала не только наличия вооруженных сил большой численности, но и обученного в военном отношении, готового к немедленному участию в боевых действиях людского резерва. В соответствии с данной потребностью в основу комплектования российских вооруженных сил был положен принцип всеобщей воинской повинности, что в значительной степени способствовало созданию военно-обученного резерва. Аналогичную систему комплектования вооруженных сил на начало XX в. имели по тем же причинам и многие другие ведущие мировые державы (Франция, Германия, Австро-Венгрия), что позволяло им иметь значительные военно-обученные контингенты. Первая мировая война настолько убедительно продемонстрировала преимущества всеобщей воинской повинности как системы комплектования армии и флота, что правительство Великобритании в ходе этой войны вынуждено было отказаться от комплектования своих

³³ В исследуемый период (менее двух веков) Россия только с внешними врагами провела в общей сложности около тридцати лет.

вооруженных сил на добровольной (контрактной) основе и ввести всеобщую воинскую повинность [146, с. 64].

Освобождение части призывного контингента вследствие убеждений от воинской повинности могло помешать реализации жизненно важной для России потребности в людском резерве, прошедшем военное обучение. На обучение призывника, не прошедшего военной службы, в годы Первой мировой войны требовалось до 4—5 месяцев [146, с. 26]. Вполне очевидно, что чем больше людей призывалось и проходило военную службу, тем больше становился людской резерв, способный в случае мобилизации участвовать в войне без дополнительного обучения. Такой же аксиомой является и то, что проводимая в то время Россией военная политика требовала максимального увеличения такого резерва. К примеру, до начала мобилизации во время Первой мировой войны русская армия насчитывала 1 млн 423 тыс. человек. В ходе войны по мобилизации было призвано еще 13 млн 955 тыс. человек. Однако резерва военнообязанных и новобранцев оказалось недостаточно. В целях увеличения этого резерва пришлось переосвидетельствовать и призвать 200 тыс. человек так называемых белобилетников — граждан, полностью освобожденных от призыва в армию в связи с негодностью к военной службе по состоянию здоровья. Кроме того, в этих же целях в ходе войны был снижен призывной возраст новобранцев с 21 года до 19 лет. Всего было поставлено под ружье 15 млн 378 тыс. человек. Для крестьянской России это была огромная цифра: в армию ушла половина трудоспособных мужчин (из каждых 1000 человек — 474); из каждых 100 крестьянских хозяйств убыло по призыву 60 мужчин самого «тяглого» возраста, в результате более половины хозяйств остались без кормильцев [146, с. 91]. Потери, понесенные русской армией в первых кампаниях, были столь велики, что установленные Военным министерством организация и количество запасных войск совершенно не обеспечивали потребности армии. Направленные фронтам в конце 1914 г. пополнения, около 1,5 млн человек, не могли довести действующие соединения и части до штатного состава. Из-за недостатка военнообученных ресурсов весь 1915 г. на фронт направлялось малоподготовленное пополнение [146, с. 30].

После Февральской революции была реализована идея создания женских воинских частей. И хотя создавались эти части на добровольной основе, на волне патриотизма, но вряд ли не сработал фактор потребности в людских ресурсах для дальнейшего ведения

войны. Первая такая часть получила название «Женский батальон смерти» и была сформирована в Петрограде младшим унтер-офицером Марией Бочкаревой, разведчицей, награжденной Георгиевским крестом и тремя медалями. В последующем были созданы Украинский женский батальон смерти (г. Мариуполь), Женский батальон смерти г. Баку, Саратовский ударный женский батальон, отдельные женские отряды в Екатеринбурге, Киеве, Ташкенте и др. В августе 1917 г. в Петрограде прошел 1-й Всероссийский женский военный съезд, принявший решение о создании единого органа по руководству женским военным движением [15, с. 164.]. Упоминание смерти в названии этих частей уже само по себе говорит о том, что свое предназначение служившие в них женщины видели явно не в выполнении вспомогательных функций, обеспечивающих ведение боевых действий.

Таким образом, ведение Первой мировой войны потребовало от российских властей людского резерва, почти в 10 раз превышающего численность кадрового состава российских вооруженных сил. При этом в ходе этой войны в общей сложности было призвано людских ресурсов, не служивших в армии, — 10 млн 440 тыс. человек, что составило около 75 % от числа всех граждан, призванных по мобилизации (подсчитано автором на основании статистического исследования «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил») [146]. Другим этот показатель и не мог быть, поскольку даже тогда, когда в России воинская повинность была всеобщей и призыву подлежали все мужчины по достижении определенного возраста, количество ежегодно призываемых в вооруженные силы не превышало 30 % от общего числа лиц призывного возраста [20, с. 78]. Одной из причин этого было слабое здоровье потенциальных призывников. При призыве на действительную службу в России освобождались по причине физической непригодности 48 % призывников, в то время как в Германии — лишь 3 %, а во Франции — 1 %. Еще одна немаловажная проблема качественных характеристик призывников — уровень их грамотности. Он оставлял желать лучшего. В России лишь 20 % населения были грамотными и лишь 1 % населения имел высшее образование. В Первую мировую войну из тысячи призывников в России значительно больше половины были неграмотными (в Италии — 330 человек, в Австро-Венгрии — 220, во Франции — 68). Тогда как в противостоящей России Германии на тысячу призывников неграмотным был только 1. Немцы рекрутировали 86 % постоянного персонала

армии из горожан, из квалифицированных рабочих, образованных и дисциплинированных. Не случайно русские офицеры были поражены степенью невежества своих солдат [188, с. 21—22].

Рассмотрим российское религиозное сектантство в исследуемый период как потенциальный ресурс призывного контингента для вооруженных сил. Как уже отмечалось, численность сектантов в России на рубеже XIX—XX вв. только по официальным данным измерялась сотнями тысяч человек. При этом существовала устойчивая тенденция к постоянному росту этой численности. Соответственно, количество потенциальных призывников из числа последователей религиозных сект (даже если учесть, что не все сектанты имели и отстаивали свои пацифистские убеждения) было немалым и имело тенденцию к увеличению. Кроме того, качественные характеристики сектантов, подлежащих призыву на военную службу, не могли не выделять их в положительную сторону относительно других групп призывников. Особенности вероучения сектантов делали потенциальных призывников из их числа более грамотными (необходимость самостоятельного чтения Евангелия), более здоровыми физически (отказ от алкоголя и курения, относительный недостаток в большинстве сектантских семей), способствовали трудолюбию. При таких количественных и качественных характеристиках призывного контингента из числа религиозных сектантов, учитывая проводимую Россией военную политику, освобождение от военной службы всех сектантов, имеющих пацифистские религиозные убеждения (как это предлагалось депутатами III Государственной думы в 1912 г.), даже в мирное время видится крайне проблематичным. Такое освобождение однозначно привело бы к снижению числа подготовленного в военном отношении людского резерва. Конечно, сектантов можно было бы направлять в случае призыва на нестроевую службу или, как меннонитов, на альтернативную (обязательную) службу. Однако и в этом случае сектанты не пополняли бы людской резерв, подготовленный к немедленному участию в боевых действиях с оружием в руках. Так, в конце XIX в. около 300 духоборов, входивших в военно-обученный резерв, объявили начальству, что они по причине своих религиозных убеждений не могут служить и не будут. Проводимые в отношении этих лиц репрессии со стороны властей не смогли переломить сложившейся ситуации [167, с. 149—150].

Еще большую проблему узаконение освобождения сектантов от военной службы породило бы в период ведения масштабных

и долговременных боевых действий. Примером таких действий и стала Первая мировая война. Возьмем в расчет обозначенные выше трудности с комплектованием вооруженных сил во время войны, когда пришлось призвать даже белобилетников. Учтем численность религиозного сектантства в России, качественные характеристики потенциальных призывников из их числа. Прибавим к этим подсчетам тот факт, что пацифистские убеждения сектантов нередко противоречили не только ведению боевых действий с оружием в руках, но и нестроевой службе и всему, что хотя бы косвенно работало на войну. В итоге получается, что отказаться от мобилизации всех сектантов-пацифистов, оставить за ними право на альтернативную службу, никак не связанную ни с непосредственным ведением, ни с обеспечением боевых действий аналогичную той, которую несли в условиях мира меннониты, в военное время было крайне затруднительно.

Вторая из основных причин, обуславливающих государственную политику Российской империи в отношении отказов от обязательной военной службы вследствие убеждений, — негативное отношение к военной службе значительной части граждан, подлежащих принудительному призыву на нее. Данное отношение связано с существенными тяготами и лишениями военной службы того времени. В частности, длительными сроками ее прохождения. Подобный негативизм в случае узаконения права на отказ от военной службы не только для меннонитов, но и для всех других лиц, имеющих пацифистские религиозные убеждения, мог бы привести к росту числа призывников, заявляющих о наличии у них таких убеждений и отказывающихся на этом основании от прохождения военной службы. Большая часть таких отказов в соответствии с законом была бы удовлетворена, а это, в свою очередь, вело бы к сокращению призывного контингента. Недопустимость такого сокращения, продиктованная российской военной политикой, выше уже рассматривалась.

Исследуя эту причину, особо оговорим сущность негативного отношения к обязательной военной службе. Под сомнение не ставится ни патриотизм, ни героизм русского народа вообще и тех, кто проходил военную службу в частности. Не вызывает сомнений и высокий социальный статус в российском обществе граждан, проходящих или прошедших военную службу. Речь идет прежде всего об отрицательном отношении к принудительному призыву на военную службу для большинства потенциальных призывников

в России в XVIII—XX вв., а также о негативном отношении части общества ко всему тому, что связано с ведением боевых действий и их обеспечением, проявляющемся чаще всего в период тяжелых и затяжных войн.

Со времени создания Петром I российской регулярной армии, она стала комплектоваться преимущественно путем обязательно призыва, т. е. большая часть призывного контингента попадала на военную службу против своей воли, ведомая страхом наказания. Обратимся к фактам. В рамках военных реформ Петра I для строительства регулярной армии в 1699 г. была введена рекрутская повинность. Рекрутская повинность в то время имела преимущество по сравнению с наемно-вербовочной системой³⁴ комплектования, используемой в армиях стран Западной Европы. Преимущество заключалось в том, что российская армия была национальной, обладала более высокими морально-боевыми качествами, чем наемные армии, комплектуемые в основном из деклассированных элементов и иностранцев. Однако это совершенно не означало, что все рекруты, набираемые в российскую армию, рассматривали военную службу как священный долг перед Отчиной и горели желанием этот долг отдать.

Рекруты (новобранцы) набирались, как правило, ежегодно, в среднем по 5—7 человек с 1000 мужских душ. Призывной возраст рекрутов составлял 20—30 лет. Срок военной службы рекрутов считался пожизненным, с 1793 г. — 25 лет, а с 1834 г. срок службы рекрутов был уменьшен до 20 лет. Помещичьи крестьяне, сданные в рекруты, их жены и дети освобождались от крепостной зависимости и входили в сословие солдат [20, с. 67—68]. Только в царствование Петра I с 1705 г. прошло сорок рекрутских наборов, в ходе которых было призвано около 200 тыс. человек [114, с. 271]. Рекрутские наборы могли объявляться нерегулярно указами царя в зависимости от потребностей армии. В зависимости от этих потребностей рекрутский набор мог в течение года не производиться вовсе, а могло быть и по нескольку наборов в год. Так, 1812 г. потребовал провести три рекрутских набора, при этом общее число рекрутов составило 20 человек с 500 мужских душ, в то время как в 1804 г. набор был по 1 человеку с 500 мужских душ, а в 1806 г. — по 5 человек с 500 мужских душ. В 1766 г. издается документ, упорядочивший систему комплектования армии. Это было «Генераль-

³⁴ В современном понимании — система комплектования вооруженных сил на контрактной основе.

ное учреждение о сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборе исполняться должны». Рекрутская повинность помимо крепостных и государственных крестьян распространялась на купечество, дворовых людей, ясачных, черносошных, духовных, иностранцев, лиц, приписанных к казенным заводам. Денежный взнос вместо рекрута разрешалось вносить только мастеровым и купцам. Возраст рекрутов был установлен с 17 до 35 лет, рост — не ниже 159 см. Подлежащий призыву в армию по рекрутской повинности мог выставить себе замену. Увольняли только полностью непригодных к службе. Довольно значительное число солдат поступало в армию из числа солдатских детей, которых с малолетства отдавали в школы «кантонистов». Из их числа в подразделения поступали цирюльники, лекари, музыканты, писари, сапожники, шорники, портные, кузнецы, ковали и др. специалисты [83].

Сроки и тяжесть рекрутской повинности делали ее чем-то вроде каторги. Не случайно рекрутчина использовалась помещиками для наказания провинившихся крестьян. Вполне естественно, что рекрутская повинность вызывала социальный протест среди народных масс и особенно среди тех, кто испытал эту повинность на себе, не смог ее выдержать и дезертировал из армии.

В 1874 г. взамен рекрутской повинности была введена всесословная личная воинская повинность. Количество граждан, призываемых и призванных на военную службу, увеличилось, а продолжительность этой службы снизилась до 15 лет. Как уже отмечалось, действительная военная служба составляла только 6 лет (на флоте на 1 год больше), после этого отпускали домой. Оставшиеся 9 лет — это была служба в запасе, когда военнотружущий обязывался продолжить службу в случае необходимости. Таким образом, срок нахождения призывников непосредственно в армии и на флоте значительно снизился, более чем в 3 раза. Однако и 6 лет военной службы, полной тягот и лишений, с отрывом от дома, семьи (призывной возраст наступал в 21 год, а к этому времени часть призывников уже имела собственные семьи), вряд ли делали ее желанной для потенциальных призывников. В упомянутой выше статье, напечатанной в «Вестнике Европы» (1906) и посвященной уклонениям от воинской повинности, военный юрист В. Кузьмин-Караваяев охарактеризовал воинскую повинность как самую тяжелую из всех обязанностей, налагаемых современным государством на гражданина. Каждому солдату в течение долгих лет действительной службы и пребывания в запасе грозит опасность самому лишиться

ся жизни и опасность быть вынужденным убивать таких же, как и он, граждан, исполняющих обязанность военной службы, только принадлежащих к другому государству. Воинская повинность отрывает человека от привычной жизни, она, если не разрушает окончательно, то резко нарушает семейные и иные привязанности. На два года, на три или на пять свободный человек обращается в подневольного. Он лишается возможности заработка и делается бременем для экономически необеспеченной семьи. Если не юридически, то фактически воинская повинность отдает человека во власть характера, темперамента и воззрений случайно попавшего начальника, задач и средств военного воспитания. Воинская повинность — это большой труд, подрывающий силы не столько суммой затрачиваемой энергии, сколько формой ее траты. При таких условиях у отдельных лиц не может не быть стремления к уклонению от воинской повинности, а у попавших на военную службу — от ее продолжения. Переход от системы рекрутской повинности с продолжительными сроками службы к системе всеобщей воинской повинности с гораздо меньшими сроками службы, изменениями в деле воспитания и обучения солдат, улучшение их бытового и правового положения привели к снижению числа уклонений от воинской повинности, но не уничтожили их. Уклонения от военной службы будут иметь место до тех пор, пока вооруженные силы будут комплектоваться на принудительной основе [91, с. 757—758].

По вышеизложенным причинам непопулярность военной службы у части населения России (в первую очередь у призывников, их матерей, жен) имела место как в мирное, так и в военное время. Однако в случае ведения войны на ее начальном этапе на волне патриотических настроений подобная непопулярность существенно снижалась. Это было характерно и для сектантов, имеющих пацифистские убеждения. Как уже отмечалось, в начале Первой мировой войны большинство российских религиозных сект, поддерживая политику царского правительства, собирали деньги для армии, ухаживали за ранеными. Часть сектантов даже принимала личное участие в военных действиях. В основе такого поведения сектантов были не только и не столько патриотические чувства, сколько страх быть обвиненными в измене, подвергнуться погромам за отказы служить. Под тяжестью войны негативное отношение к ней со стороны сектантов нарастало вплоть до отказов даже от вспомогательной службы.

Негативное отношение к военной службе при ведении страшной затяжных военных действий усиливалось не только у граж-

дан, имеющих пацифистские убеждения, но и у многих граждан, таких убеждений не имеющих. Показателем такого негативизма является дезертирство. Во время Первой мировой войны, от момента ее начала и до 1(14) августа 1917 г., в русской армии было 365 137 официально зарегистрированных дезертиров. По другим данным к 1 ноября 1917 г. в России число явных и скрытых дезертиров должно было исчисляться цифрой более чем в 2 млн. Таким образом, к концу войны на каждые три чина действующей армии приходилось не менее одного дезертира [33, с. 29—30].

В случае законодательного закрепления за гражданами права на освобождение от воинской повинности вследствие их убеждений негативное отношение к военной службе могло привести (и привело, только позднее, когда советская власть в январе 1919 г. узаконила освобождение от воинской повинности по религиозным убеждениям) к попыткам использовать это право в корыстных целях: либо для полного освобождения от воинской повинности, либо для направления на более легкую и безопасную альтернативную службу, даже если это и была бы нестроевая служба. Особую опасность эти попытки имели бы во время ведения войн (опыт гражданской войны в молодом Советском государстве, когда часть дезертиров пыталась уйти от ответственности, прикрываясь несуществующими пацифистскими убеждениями, подтверждает и это предположение).

Рассматривая возможные спекуляции части российских подданных на мнимых пацифистских убеждениях с целью получения возможности избежать призыва на военную службу, в случае законодательного закрепления права на освобождение от нее вследствие убеждений, т. е. фактического переноса соответствующих льгот, имеющихся у меннонитов на всех сектантов, подчеркнем, что в рассматриваемый период подлинность пацифистских убеждений не подлежала проверке. Основанием освобождения от военной службы по убеждениям и замены ее другой повинностью для призывников была исключительно лишь родовая принадлежность к меннонитам. Полное отсутствие практики проверки подлинности пацифистских убеждений могло в значительной степени способствовать спекуляциям на пацифистских убеждениях недобросовестных граждан.

Третья из возможных причин, определявших российскую государственную политику в отношении идейных отказов от военной службы, — противоречивый подход властей к религиозному

сектантству в целом. Основными носителями идейных отказов от военной службы в рассматриваемый период были религиозные сектанты, поэтому этот противоречивый подход определял и реакцию властей на эти отказы. Противоречивость этого подхода выражалась в том, что в один и тот же исторический период к разным сектам было совершенно разное отношение. Достаточно сравнить отношение российских властей в конце XIX в. к духоборам и меннонитам. Духоборов жестоко преследовали, а для меннонитов предусматривались достаточно весомые льготы, в том числе и освобождение от воинской повинности. В большинстве случаев отношение российских властей к религиозному сектантству было отрицательным. Во время царствования Алексея Михайловича и Петра I сектантов и старообрядцев преследовали крайне жестоко, вплоть до смертной казни. Последующие правители если и не прибегали к смертной казни, то высылали сектантов и старообрядцев в места, где они были обречены на тяжелые мучения. Преследования сектантов и старообрядцев со стороны властей находили поддержку у православного духовенства.

Четвертая причина. Распространение льгот по освобождению от военной службы, предоставляемых российским государством призывникам-меннонитам, на всех призывников, отказывающихся от этой службы вследствие своих религиозных убеждений, способствовало бы еще большему росту численности религиозного сектантства в Российской империи. Учитывая принудительный призыв на военную службу, а также негативное отношение к ней со стороны части населения, в ряды религиозных сект, вероучения которых противоречили несению военной службы, могли бы устремиться граждане, не имеющие пацифистских убеждений, но стремящиеся избежать призыва на военную службу или получить возможность проходить более безопасную нестроевую службу. Последующая история российского государства подтвердила это предположение. После узаконения советской властью права граждан на освобождение от воинской повинности по религиозным убеждениям часть религиозных сектантов, отстаивающих чистоту веры, даже предлагала отказаться от этой льготы, так как вполне обоснованно опасалась притока в секты людей, руководствующихся корыстными соображениями [109, л. 28—29].

Увеличение численности религиозного сектантства, в том числе и за счет дополнительной льготы в виде освобождения сектантов от воинской повинности, не пользующейся у народа особой

популярностью, могло привести к дальнейшему усилению противостояния по линии «государство — православие — сектантство». Поскольку сектантство пребывало в оппозиции к государству и церкви, а отказы от воинской службы могли сопровождаться и отказами от других гражданских обязанностей, например от уплаты налогов не только на военные нужды, но и вообще.

Пятая причина — актуальные, но не получившие своего окончательного решения проблемы социального и правового характера, связанные с освобождением от обязательной военной службы вследствие убеждений призывников. Ключевой здесь видится проблема общественного признания или непризнания социально справедливым закрепления за частью населения права на освобождение вследствие их убеждений от выполнения важнейшей обязанности — участия в подготовке, а при необходимости и в вооруженной защите своего Отечества. Решение этой проблемы во многом зависело от возможности правового обеспечения социальной справедливости в российской практике освобождения от военной службы вследствие убеждений, особенно в случае ее дальнейшего расширения.

Не оставляет сомнений, что не только полное освобождение от воинской повинности, которое изначально предоставлялось меннонитам, переселившимся в Россию, но и пришедшую на замену такому освобождению альтернативную службу в лесных командах, следует рассматривать как некую весомую льготу³⁵ для последователей этой религиозной секты. Уравнять военную и альтернативную службу по тяготам и лишениям сложно даже в мирное время. Во время ведения войн или боевых действий тяготы и лишения военной службы многократно возрастают, усиливается опасность быть раненым, искалеченным или даже убитым. Следовательно, создать равноценную замену военной службе крайне сложно, если вообще возможно. В настоящее время выравнивание военной и альтернативной служб по тяготам и лишениям для граждан, их проходящих, выступает как ключевой принцип, используемый при создании института альтернативной гражданской службы в той или иной стране. Достаточно часто в этих целях использует-

³⁵ Характер службы меннонитов в лесных командах в последующем будет достаточно подробно описан. Даже в мирное время эта служба менее насыщена тяготами, лишениями и опасностями, чем нестроевая служба, а уж тем более служба, связанная с реальным применением оружия или подготовкой к такому применению. Именно поэтому альтернативная служба российских меннонитов по своей сути является льготой, предоставленной им правительством.

ся увеличение срока альтернативной службы относительно срока военной службы. Так, в Российской Федерации современная альтернативная гражданская служба в полтора раза продолжительнее военной службы.

В Российской империи принцип уравнивания военной и альтернативной служб не использовался. Продолжительность альтернативной службы меннонитов и военной службы были одинаковыми. Одно время в качестве мест прохождения альтернативной гражданской службы меннонитами рассматривались пожарные команды, служба в которых предполагала определенные риски для здоровья и жизни лиц, проходящих эту службу. В последующем основным местом альтернативной службы меннонитов стали лесные команды, где такие риски были сведены к минимуму. В связи с этими обстоятельствами неизбежен вопрос — соответствует ли социальной справедливости государственная политика, при которой в зависимости от убеждений одних лиц можно принудительно призывать в армию и заставлять рисковать своей жизнью, а других — нельзя? В случае с меннонитами это можно было хоть как-то объяснить: их было немного, они вели замкнутый образ жизни, а самое главное — они были изначально выходцами из другой страны. Если предположить, что практика освобождения от военной службы была бы расширена и стала распространяться на всех лиц, имеющих пацифистские религиозные убеждения, то объяснить обществу допустимость предоставления таких преференций было бы значительно сложнее. Не случайно в исследуемый период в ведущих европейских странах после введения в них всеобщей воинской повинности освобождение от нее по причине убеждений рассматривалось как социально несправедливое. Достаточно обратиться к Германии тех лет с ее практикой ограничения гражданских прав даже не за прямые отказы от военной службы, а за отсутствие должного стремления служить.

Соблюдение принципа социальной справедливости предполагало и ответ на вопрос, какие именно убеждения потенциальных призывников могут быть достаточным основанием для такого освобождения? Если говорить о характере убеждений граждан, противоречащих несению военной службы, то с позиции современных воззрений они могут быть различными: религиозными, философскими, этическими. В большинстве стран, где существует институт альтернативной гражданской службы, все они являются основанием для освобождения от военной службы. В Российской

империи предметом рассмотрения были только религиозные пацифистские убеждения. Это можно объяснить тем, что отказы от несения военной службы так или иначе были связаны с религией. Однако признать такой подход однозначно справедливым сложно. Из российской истории отказов от воинской повинности видно, что такие отказы имели место по политическим убеждениям, хотя они базировались на определенных религиозных воззрениях. Именно такими были отказы от военной службы у бегунов, неплательщиков, неполяков, протестующих в конкретный исторический период против господствующей церкви и государственной власти, убежденных в том, что нельзя выполнять обязанности, налагаемые этой властью, в том числе и нести военную службу. Отказы от военной службы толстовцев также основывались не только на религиозных убеждениях, поскольку учение Л. Н. Толстого носило религиозно-философский характер. Можно отметить и определенное сходство воззрений бегунов, неплательщиков, неполяков и толстовцев на господствующую церковь и государство.

Основанием для освобождения от военной службы вследствие убеждений в Российской империи были исключительно религиозные пацифистские убеждения меннонитов. Наряду с этим в государственной политике прослеживались тенденции к расширению практики такого освобождения. В связи с этим закономерен вопрос — могли ли пацифистские убеждения, базирующиеся преимущественно на политических или философских воззрениях, наравне с религиозными убеждениями служить основанием для освобождения от военной службы? Проблема учета политических убеждений при призыве на военную службу поднималась в начале XX в. Высказывалась мысль о том, что отказы от военной службы по политическим убеждениям имеют место в России наравне с религиозными убеждениями, но в отличие от них освобождение от военной службы по политическим убеждениям признавалось недопустимым [91, с. 759, 763, 764]. Проблема характера убеждений граждан, по которым они могли или не могли быть освобождены от военной службы, состояла еще и в том, как в случае необходимости отличить одни убеждения от других. В Российской империи эта проблема не была актуальной. Она остро вставала при советской власти, когда перечень религиозных сект, члены которых могли претендовать на освобождение от воинской повинности расширился и решался вопрос о том, можно ли отнести пацифистские убеждения толстовцев к религиозным и на этом основании приме-

нять к ним Декрет СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям».

Еще один сложный правовой вопрос, к которому вплотную подошли в России к началу XX в., — что может служить приоритетной основой юридического решения об освобождении от воинской повинности вследствие убеждений призывника: его индивидуальные убеждения, несовместимые с несением военной службы, или принадлежность к религиозной секте, вероучение которой традиционно включает пацифистские принципы? Суть проблемы в том, что сам факт принадлежности человека к такой секте не всегда означает наличие у него пацифистских убеждений. Отсюда и необходимость определения приоритетности — индивидуальные убеждения или факт принадлежности.

Несмотря на кажущуюся очевидность приоритетности выявления подлинности индивидуальных пацифистских убеждений призывников, претендующих на освобождение от военной службы (возможно, эта очевидность есть следствие накопленного к настоящему времени опыта различных стран в решении проблем альтернативной службы), в Российской империи приоритет отдавался принадлежности к религиозной секте. Как показывает практика исследуемого периода, за основу освобождения от военной службы у меннонитов (другой практики в Российской империи и не было), по сути, брались не индивидуальные пацифистские убеждения каждого потенциального призывника, а традиционные пацифистские постулаты вероучения, присущие меннонитам и принадлежность к их секте. Такая принадлежность выступала как некий внешний критерий: проверяемый, однозначно устанавливаемый, а значит, и объективный. При таком подходе не было необходимости в судебном разбирательстве каждого конкретного случая отказа от военной службы меннонитом призывного возраста. Проще говоря, пацифистские принципы в вероучении меннонитов, а самое главное родовая принадлежность к ним, образно говоря, автоматически давали право призывнику претендовать на освобождение от военной службы. Такой упрощенный подход не мог не привести к ошибкам, а следовательно, и к нарушению социальной справедливости — освобождение от военной службы по причине пацифистских убеждений не всегда получали те призывники, у которых в действительности были подобные убеждения. Подтверждением этого могут служить уже приведенные выше факты, когда среди представителей тех или иных религиозных сект, вероучения

которых противоречили несению военной службы, всегда находились отдельные лица, которые отступали или готовы были отступить от пацифистских постулатов. В истории меннонитов такие примеры имели место в разные времена и в разных странах. В то же время ранее приводились и прямо противоположные примеры. Среди представителей религиозных конфессий, вероучения которых не входили в противоречие с обязанностями военной службы, встречались лица, последовательно отрицающие военную службу, поскольку считали недопустимым для себя участие в убийствах.

Данные факты имеют и теоретическое объяснение. Большинство специалистов сходятся во мнении, что убеждения, в том числе и пацифистские, скорее обусловлены социально, чем генетически. Другими словами, убеждения скорее есть продукт воспитания, чем наследственности. Следовательно, юноша, который родился в семье меннонитов, не становился автоматически пацифистом. Воспитание в семьях меннонитов, как и рождение в них, безусловно, во многом способствовало привитию пацифистских убеждений юношам, но все же не могло давать стопроцентного положительного результата. Хорошо известно, что принадлежность к семье верующих еще не означает, что каждый рожденный и воспитанный в ней ребенок будет верующим, а в семье атеистов — атеистом. И в семьях талантливых людей, преступников или алкоголиков, где наследственность играет более значимую роль, дети не всегда впоследствии повторяют судьбу родителей.

В случае распространения государственной политики в отношении освобождения меннонитов от военной службы и на другие секты, вероучения которых отрицали военную службу, т. е. если бы было реализовано предложение, поступившее от депутатов III Государственной думы, несомненно возросло бы количество граждан, получивших освобождение от военной службы на основании только лишь принадлежности к определенным сектам, но не по причине личных пацифистских убеждений. Если признать, что при освобождении меннонитов от военной службы нарушалась социальная справедливость, то результатом расширения практики такого освобождения и распространение ее на представителей других религиозных сект было бы не только облегчение их участи, но и усиление подобной несправедливости, а значит, и рост напряженности в обществе.

Выход из сложившейся ситуации, казалось бы, очевиден — проведение экспертиз индивидуальных убеждений призывника-па-

цифиста и принятие решения по каждому случаю отказов от военной службы. Однако, как уже отмечалось, в Российской империи такой подход не использовался. До начала Первой мировой войны не использовался он и в других странах. Важно отметить, что проблема учета именно индивидуальных пацифистских убеждений призывника при решении вопроса об освобождении от военной службы, а следовательно, и проведения экспертизы их характера и подлинности, осознавалась российскими специалистами. В начале XX в. военным юристом В. Кузьминым-Караваевым предлагалась следующая схема освобождения от военной службы вследствие убеждений. Если отказывающийся принадлежит к секте, отвергающей военную службу, то эта служба должна заменяться другой обязанностью в силу закона. Если он к такой секте не принадлежит, то вопрос об его освобождении должен решаться в индивидуальном порядке, на основании судебного разбирательства в каждом конкретном случае. Ключевым моментом такого разбирательства должно было стать доказательство наличия твердых религиозных пацифистских убеждений [91, с. 764, 766].

Предлагаемый подход к освобождению от военной службы вследствие убеждений, безусловно, был более прогрессивным и гуманным относительно сложившейся к тому времени в России практике освобождения от военной службы только меннонитов и жестокого преследования всех остальных носителей пацифистских убеждений. Но при этом, вероятнее всего, оставалась неосознанной до конца вся проблематичность доказательства наличия или отсутствия убеждений, дающих право на освобождение от военной службы. Другими словами, если гражданин, подлежащий призыву на военную службу и имеющий право вследствие своих убеждений на освобождение от нее или замену ее другой обязанностью (альтернативной службой), официально заявляет о наличии пацифистских убеждений, то проверить их подлинность в рамках судебного разбирательства практически невозможно. С проблемой экспертизы пацифистских убеждений власти России на практике столкнулись уже в советский период и не смогли ее разрешить. Уместным будет подчеркнуть, что в современных условиях во многих странах при направлении призывника на альтернативную службу чаще действует заявительный принцип, а не доказательный, т. е. приоритетным считается сам факт заявления призывника о наличии у него убеждений, противоречащих прохождению воинской службы, а не система доказательств искренности этих убеж-

дений. В результате, по статистике в той же Германии, где институт альтернативной службы ведет свой отсчет с 1961 г., девять из десяти немецких отказников от военной службы получают право на прохождение альтернативной службы. Актуальность проблемы экспертизы пацифистских убеждений, в том числе и в современных условиях, побуждает рассмотреть данную проблему подробнее.

Установление подлинности убеждений, противоречащих прохождению военной службы, прежде всего затруднено определением критериев таких убеждений. Разделим эти критерии на внешние и внутренние, проанализируем их. В качестве внешнего критерия уже рассматривалась принадлежность к религиозной секте, вероучение которой несовместимо с исполнением обязанностей воинской службы. Состоятельность этого критерия, по крайней мере как единственного или основного, вызывает сомнения. К внешним критериям можно отнести также образ жизни и характер деятельности лица, подлежащего призыву на военную службу и отказывающегося ее проходить в силу имеющихся у него убеждений. Предположим, человек неоднократно совершал насильственные действия (активно участвовал в драках или совершил преступление, связанное с насилием) или применял оружие (военная служба, преступления с применением оружия, охота), а на момент призыва на военную службу заявляет о наличии у него убеждений, несовместимых с ее прохождением. Могут ли такие факты служить основанием для отрицания подлинности пацифистских убеждений призывника и принятия решения о невозможности освобождения его от военной службы? Например, призыву на военную службу подлежит военнообязанный человек, в прошлом проходивший действительную военную службу и даже имеющий боевой опыт. В момент призыва он заявляет об отказе от несения военной службы по причине пацифистских убеждений. Сходная ситуация — от дальнейшего прохождения военной службы отказывается лицо, уже находящееся на этой службе. Подобные ситуации возможны не только теоретически, но и существовали практически. Далее будет подробно описан случай с Дрожжиным, неоднократно заявлявшим о своем отказе от выполнения обязанностей военной службы уже будучи на нее призванным. В годы Гражданской войны в России, когда военнообязанные активно призывались из запаса, возникла проблема с призывом в Красную Армию бывших офицеров. Некоторые из них отказывались от призыва, мотивируя это появившимися у них пацифистскими убеждениями. С учетом существовавшей

тогда практики освобождения от воинской повинности граждан по религиозным убеждениям стояла задача не только установить подлинность убеждений, но еще и разобраться с содержанием этих убеждений — были ли они религиозные или все же политические. Если в данном случае в качестве главного критерия подлинности убеждений отказников-офицеров брать их образ жизни и характер деятельности, то они со своим военным прошлым и происхождением освобождению не подлежали ни при каких условиях. Для лучшего понимания всей сложности ситуации представим, что на месте одного из этих офицеров оказался бы Л. Н. Толстой и его пацифистские убеждения вполне могли не признать подлинными только на том основании, что он в прошлом был боевым офицером.

Предпримем попытку теоретически обосновать сомнительность применения в качестве основного критерия для оценки убеждений прошлого образа жизни и характера деятельности лица, отказывающегося нести военную службу в силу имеющихся у него убеждений. Данное обоснование будет базироваться на доказательстве того, что человек в короткий срок может стать убежденным пацифистом. Поскольку в исследуемый период именно религиозные убеждения давали право на освобождение от военной службы, рассмотрим динамику именно их формирования у человека. В психологии религии одной из актуальных проблем является проблема религиозного «обращения» [181, с. 253—262]. Если абстрагироваться от узкопрофессиональных научных споров, то можно прийти к следующим выводам. Под религиозным «обращением» понимается приход человека к той или иной религиозной вере, а значит, и появление у него устойчивых религиозных убеждений, присущих этой вере³⁶. При этом речь идет не только об обретении атеистом религиозной веры, но и о замене одной веры на другую. Произойти «обращение» может двумя путями. Первый путь условно можно обозначить как революционный. «Обращение» протекает интенсивно, ему предшествует кризис личности, неудовлетворенность собой, своей жизнью, системой ценностей и т. п., сопровождается бурными переживаниями, «обращенный» может точно назвать время и место, когда в нем произошел «духовный переворот». Особенностью этого пути выступает внезапное превращение чувства вины и греха в экстатическое ощущение мира и добродетели. Ряд западных психологов теологической ориентации видят в таком «обращении» некую «божественную благодать», ниспосланную

³⁶ Не случайно синонимом слова «вера» является слово «убежденность».

конкретному человеку [181, с. 254]. Второй путь — эволюционный, характеризующийся постепенным ростом и углублением религиозной веры, протекающий без резких эмоциональных потрясений. Из описания феномена религиозного «обращения» можно сделать ряд выводов. Для обретения тех или иных религиозных убеждений человеку совершенно не обязательно родиться в семье верующих и получить соответствующее воспитание. На смену одним религиозным убеждениям могут прийти другие. Осознание человеком появившихся у него религиозных убеждений может произойти в очень короткий срок и за этим неизбежно последует формирование в его сознании новых ценностных ориентаций и социальных установок, во многом определяющих его поведение. Если это были пацифистские убеждения, человек может отказаться от выполнения обязанностей военной службы даже непосредственно в ходе ведения боевых действий. О том, что участие в войне может служить катализатором религиозного «обращения», говорит и такой факт. Согласно данным американских исследователей М. Аргайла и Б. Бейт-Халлами, у 79 % американцев, участвовавших во Второй мировой войне, религиозная вера усилилась [181, с. 258]. Таким образом, рассмотренные внешние критерии представляют собой реальные действия человека. Именно как реальные действия они в большинстве случаев могут быть объективно зафиксированы и оценены. В этом состоит особая привлекательность внешних критериев, особенно с точки зрения их доказательности. Очевидным является и то, что реальные действия человека коррелируют с его убеждениями. В силу этого и делаются попытки использовать в качестве критериев такие реальные действия человека, как вступление в различные организации (в исследуемый период — в религиозные), его образ жизни и характер деятельности. Тем не менее данные критерии в каждый конкретный момент далеко не всегда зеркально отражают убеждения человека, а значит, и не позволяют доказательно судить об их характере.

Обратимся к проблеме внутренних критериев. Как известно, формированию убеждений способствуют широкие и глубокие знания в соответствующей области. Следовательно, уровень знаний человека может выступать как критерий его убеждений, в том числе и пацифистских. Данный критерий достаточно конкретный и может быть объективно оценен. Правда, и это очень значимо, оценка уровня знаний требует высокой квалификации специалиста, уполномоченного проводить их проверку. Достаточно вспомнить

все многообразие религиозных вероучений, философские и этические воззрения, отрицающие военную службу. А к этому еще добавляются специфические знания лиц свободного вероисповедания, неприемлющих участия в насилии. Но даже если уровень знаний пацифиста все же удастся объективно оценить и он позволяет ему претендовать на освобождение от воинской повинности, то встает еще более сложный вопрос — а переросли ли эти знания в убеждения? Предположим, призывник в силу неких меркантильных соображений решил уклониться от военной службы, симулируя убеждения, дающие право на освобождение от нее. Вряд ли для него будет непреодолимым препятствием получение необходимых для симуляции знаний. В отношении других возможных внутренних критериев убеждений (представления, ценностные ориентации и т. п.) можно сказать примерно то же самое, что и в отношении такого критерия, как знания. Есть и нюансы. Для выявления этих критериев достаточно часто используются методы, базирующиеся на самоотчетах самих граждан (анкеты, тест-опросники), результаты которых по определению скорее субъективны, чем объективны. В целом же использование внутренних критериев для оценки убеждений, особенно если это использование не носит комплексного характера, по уровню своей эффективности не превышает внешних критериев, поскольку их трудно оценить вообще, но еще труднее сделать это объективно.

Не вызывает сомнений, что использование при оценке убеждений как внешних, так и внутренних критериев, повышает ее точность. Однако за это неизбежно придется расплачиваться временными ресурсами, привлечением квалифицированных специалистов, а значит, нести соответствующие финансовые издержки. На практике такие возможности существуют далеко не всегда. Обратимся к примерам. Само принятие решения об освобождении от военной службы меннонита-призывника российскому государству практически не стоило ничего — это решение принималось автоматически, на основании факта принадлежности к секте. Если бы практика освобождений от военной службы по убеждениям была расширена и на лиц свободного вероисповедания, то принятие решений по ним потребовало бы тщательного исследования каждого конкретного случая отказа, проведения экспертизы убеждений и судебного разбирательства как минимум в спорных случаях. Это привело бы не только к увеличению финансовых издержек, но и породило бы еще ряд трудноразрешимых вопросов. Так, в обяза-

тельном порядке встал бы вопрос о специалистах, уполномоченных проводить экспертизы убеждений. В отличие от меннонитов, которые проживали компактно в европейской части России, лица свободного вероисповедания могли проживать в любой точке ее огромной территории, в значительном отдалении от крупных городов с их научными кадрами, привлекаемыми для проведения экспертиз убеждений. Именно поэтому при Временном правительстве планировалось создавать комитеты по распределению лиц, по совести неприемлющих военной службы, не повсеместно, а только в нескольких крупных городах: Петрограде, Москве, Казани, Киеве, Тифлисе, Ташкенте, Иркутске. Но и до этих городов нужно было добраться, причем иногда не только самому отказнику, но и свидетелям. Теперь представим, насколько усложнилась бы практика принятия решений об освобождении по убеждениям от военной службы подобными комитетами или судами в случае, если бы им пришлось иметь дело не с единичными случаями, а со значительным количеством отказников. События в последующей российской истории подтвердили на практике эти опасения. В период Гражданской войны в России проверка искренности религиозных убеждений «отказников» возлагалась на Объединенный Совет религиозных общин и групп. Рассмотрение соответствующих запросов от народных судов и заявлений от отдельных граждан проходило как при личном участии «отказников», так и без их участия. При проведении экспертиз Объединенный Совет опирался главным образом на персональное знание членами Совета личности отказывающегося, его убеждений, образа жизни, а также на результаты индивидуальных собеседований с «отказниками», проводимыми членами Совета и его уполномоченными. Определенную информацию представители Объединенного Совета получали и из опросных листов, которые заполняли лица, добывающиеся освобождения от военной службы по религиозным убеждениям. К лету 1919 г. проблема приглашения граждан, отказывающихся от военной службы по религиозным убеждениям, на заседания Объединенного Совета, увеличение числа «отказников» поставили перед Советом вопрос о необходимости иметь своих представителей в местах размещения наиболее многочисленных сектантских общин и групп. 8 сентября 1919 г. решением Объединенного Совета были утверждены особые уполномоченные Совета и коллегии из них для оперативного решения вопросов, связанных с освобождением от воинской повинности по религиозным убеждениям на местах. Согласно по-

становлению Совета в Петроград и Петроградскую губернию было направлено четыре уполномоченных, в Новгород и Новгородскую губернию — два, по одному человеку — в Воронеж, Саратов, Симбирск, Казань, Пензу, Ижевск, Оренбург. Анализ сохранившихся протоколов Объединенного Совета показал, что за период с 10 февраля по 26 декабря 1919 г. было рассмотрено в общей сложности 1330 запросов и заявлений. Только в четырех случаях (0,3 % от всех рассмотренных случаев) религиозные убеждения граждан были признаны Советом как не противоречащие прохождению военной службы [162, л. 55]. Причем часть религиозного сектантства протестовала против проведения Объединенным Советом экспертиз религиозных убеждений. Аргументировалось это тем, что никому не дано знать происходящее в душе человека, и насколько он искренен. Не было единства и среди самих членов Объединенного Совета. По свидетельству В. Г. Черткова, всех его членов по их отношению к экспертизам можно было условно разделить на три группы. К первой группе относились те члены Совета, которые соглашались проводить экспертизу и давать заключения по ее результатам в каждом требуемом случае, вне зависимости от того, были ли они лично знакомы с гражданами, убеждения которых исследовались. Отнесенные к этой группе члены Объединенного Совета основывались на том, что залогом объективности проводимых ими экспертиз служит их собственная совесть. Ко второй группе можно отнести тех членов Объединенного Совета, которые отказывались рассматривать религиозные убеждения не знакомых им лично людей. Такие члены Совета соглашались давать заключения только об убеждениях лиц, искренность которых была им достоверно известна. К этой группе относил себя и председатель Объединенного Совета В. Г. Чертков. Третью группу составляли члены Совета, не считавшие возможным для себя вообще участвовать в проведении экспертиз. Они считали, что объективное исследование религиозных убеждений людей невозможно [109, л. 34—35]. В итоге 14 декабря 1920 г. Советом Народных Комиссаров было принято постановление (декрет) об изменениях и дополнениях декрета СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Этим декретом Объединенный Совет религиозных общин и групп лишался монопольного права на проведение экспертиз религиозных убеждений граждан, желающих получить освобождение от военной службы. Для проведения экспертиз предписывалось приглашать «сведущих и внуша-

ющих доверие представителей соответствующих религиозных вероучений и других лиц, обладающих соответствующими знаниями и опытом» [32, с. 209]. При этом открытым оставался вопрос — где искать таких экспертов, особенно если это надо делать вдали от крупных городов с их научными центрами?

Таким образом, существовавшую в Российской империи практику освобождения от военной службы по религиозным убеждениям вряд ли можно признать отвечающей требованиям социальной справедливости. Связано это с тем, что ряд проблем правового обеспечения существовавшей в Российской империи практики освобождения от военной службы по религиозным убеждениям не получил своего окончательного решения, немалая часть таких проблем, актуальных с точки зрения современности, вообще находилась за пределами внимания специалистов.

Названные внутренние причины обуславливали главным образом направление в государственной политике Российской империи относительно отказов от воинской повинности вследствие убеждений, обозначенное выше как запретительное. Второе направление этой политики, обозначенное как разрешительное, детерминировала другая группа причин, складывающихся внутри Российской империи.

Во-первых, предоставление меннонитам в Российской империи исключительного права на освобождение от воинской повинности изначально, а в последующем на замену военной службы службой альтернативной было продиктовано прежде всего экономическими интересами России. Признание за меннонитами права на пацифистские убеждения, обеспечение государством возможности следовать им было платой за экономическую эффективность меннонитов. Кроме того, правительством России в расчет бралась и политическая лояльность меннонитов. Эти расчеты оказались верными. Меннониты успешно хозяйствовали на выделенных им землях, соблюдали все взятые на себя обязательства, в том числе и по обеспечению обороноспособности России, не конфликтовали с государством. Исключением были трения с властями, когда вводилась всеобщая воинская повинность, и планировалось распространить ее и на меннонитов. Однако и в этом случае меннониты избрали щадящую тактику протеста — «проголосовали ногами», т. е. начали эмигрировать из страны.

Относительно предоставления меннонитам права не нести воинскую службу выделим еще два немаловажных обстоятельства.

Меннониты в России в исследуемый период были обособленной этнической группой, и это упрощало, в случае необходимости, объяснение предоставленных им льгот. Кроме того, правительство России после переселения туда меннонитов делало попытки дифференцировать льготы в вопросах прохождения ими воинской службы в зависимости от времени переселения. При этом отметим, что условия, на которых меннониты поселились в России, в частности практически безвозмездное освобождение от воинской повинности, правительство стремилось изменить, причем не в пользу меннонитов. Объяснить это можно ослаблением экономической заинтересованности в меннонитах. И еще одно значимое обстоятельство. Изученные документы по истории российских меннонитов не содержат сведений об их стремлении широко распространить свои пацифистские воззрения среди русского народа. Меннониты не стремились и к активному участию в политической жизни страны. Эти обстоятельства существенно отличали меннонитов от толстовцев, проводивших широкую пропаганду пацифизма, направленную на выработку соответствующего общественного мнения, а в конечном счете — на изменение государственной политики.

Во-вторых, демократические тенденции в развитии России и зарождение пацифистского движения способствовали более лояльному отношению государства к лицам, чьи убеждения входили в противоречие с прохождением военной службы. На государственной политике в отношении религиозного сектантства эти демократические тенденции особо ощутимо стали отражаться после первой русской революции. 17 октября 1905 г. был опубликован царский манифест «об усовершенствовании государственного порядка». Манифест провозгласил расширение гражданских свобод и создание Государственной думы. В результате провозглашения царем «религиозной свободы» религиозные секты (за исключением изуверских хлыстов и скопцов) были легализованы государством и вышли из подполья. Они стали создавать свои органы печати, издательства, строить молитвенные дома и т. п. Высшей точкой благоприятного влияния демократических тенденций в развитии России на положение лиц, чьи убеждения были несовместимы с военной службой, при царизме стало рассмотрение III Государственной думой в 1912 г. вопроса о необходимости введения альтернативной службы не только для меннонитов, но и для всех граждан, отказывающихся по своим религиозным убеждениям брать в руки оружие. Здесь уместно подчеркнуть, что российская

государственная политика в отношении меннонитов, независимо от причин ее обуславливающих, для некоторых представителей общественности являла собой пример успешного решения проблемы отбывания воинской повинности гражданами, имеющими пацифистские убеждения.

Начиная с конца XIX в. часть российского общества не оставалась равнодушной к борьбе сектантов, отстаивающих свои пацифистские убеждения. Подтверждением этому может служить протест против воинской повинности духоборов летом 1895 г. и все, что с ним связано. Этот случай не прошел незамеченным для общественности, привлек ее внимание, а жестокое подавление протеста духоборов властями получило негативную оценку. Л. Н. Толстой отзываясь об этом случае как «о нашумевшей истории с духоборами». Значимость этого случая для общественности подтверждает и тот факт, что В. И. Ленин подробно описал случай с духоборами в своем письме в сборник «Работник», издававшийся в Женеве Союзом русских социал-демократов. В. И. Ленин оценил случившееся как «страшный азиатский деспотизм, который совершенно немислим в цивилизованной стране» [144, л. 2—4]. Формированию положительного общественного мнения в отношении отказов от воинской повинности по убеждениям не могла не способствовать просветительская работа Л. Н. Толстого и его сподвижников, получившая широкий размах. Толстовство некоторыми зарубежными исследователями рассматривается как некая отправная точка возникновения пацифизма на всем европейском континенте [209, с. 10].

Начиная с конца XVIII в. европейские идеи «вечного мира» начинают обретать благодатную почву и в России. Переводятся на русский язык соответствующие труды западных мыслителей, доступными становятся их проекты сохранения «вечного мира». Появляются и свои разработки по этой проблеме. Первая в России научно-обоснованная юридическая концепция сохранения мира — идеи русского просветителя, первого директора императорского лицея В. Ф. Малиновского. В последующем эти идеи легли в основу международно-правового направления в российском пацифизме начала XX в. [57, с. 11—12]. В Российской империи начинает зарождаться пацифистское движение, базирующееся уже не на религиозных убеждениях, а на идеях миротворчества, аморальности и недопустимости любой войны, бесполезности гонки вооружений. Первыми такими пацифистами стали представители верхушки общества — государственные деятели, юристы, экономисты.

В XIX — начале XX вв. идеи пацифизма нашли свое отражение в книгах: профессора московского университета Л. А. Комаровского «Главные моменты идеи мира в истории» (1895); шеститомном труде банкира и железнодорожного магната из Русской Польши И. С. Блюха (Блох) «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях» (1898); М. А. Энгельгардта «Прогресс как эволюция жестокости» (1899), «Вечный мир и разоружение» (1899); пацифиста барона Таубе «Принципы мира и права в международных столкновениях средних веков» (1899), парламентария князя В. Н. Тенишева «Вечный мир и международный третейский суд» (1909) и др. К примеру, в переведенном на несколько языков и получившем международное признание труде И. С. Блюха «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях» доказывалась утопичность состояния «вооруженного мира», достигнутого путем гонки вооружений великих держав.

Первая русская революция 1905—1907 гг. дала толчок к возникновению пацифистских организаций в России — сначала на периферии империи (Польское, Витебское, Финляндское общества), а потом и в столицах. В них к 1914 г. состояло членами более тысячи человек. Самое влиятельное — московское Общество мира — имело отделения в Ревеле, Новочеркасске, Туле, Одессе, Харькове и Тифлисе. Российские пацифисты своей стратегической целью ставили замену режима войн и насилия между народами режимом правового порядка в международных отношениях [118, с. 3].

Либеральные пацифистские общества отличались от сектантов и толстовцев тем, что не пропагандировали отказа от воинской службы, считая такую меру преждевременной и нереалистичной. Они сознавали, что ни одно государство не откажется от права на самооборону и больше уповали на силу просвещения, которое рано или поздно убедит правительства и общественность в пагубности любой военной агрессии. Однако вступление России в Первую мировую войну быстро доказало тщетность всех этих усилий.

В-третьих, сектантство представляло собой крупное и характерное явление религиозно-этической и культурной жизни русского народа. Следовательно, Российское государство вынуждено было так или иначе считаться с фактом существования религиозных сект, с их потребностями, нуждами и интересами, в том числе и с потребностью замены для части сектантства военной службы другой гражданской обязанностью. Наряду с общественным мнением, которое не могло обойти своим вниманием проблему сектантства,

к этому власти подталкивали и интересы политической борьбы. Отталкивая от себя сектантов, самодержавие подталкивало их в объятия своих политических противников.

Значимость российского религиозного сектантства по достоинству оценили социал-демократы. Интерес к сектантству возник в ходе поисков союзников пролетариата. Сектанты привлекли большевиков не только своим социальным составом и численностью, но и ярко выраженными оппозиционными настроениями по отношению к царскому правительству, существующему общественному строю, духовенству. В статье «Задачи русских социал-демократов» (1897) В. И. Ленин характеризует религиозных сектантов как стоящие рядом с пролетариатом в демократической и политической борьбе оппозиционные элементы, враждебные абсолютизму и ведущие против него борьбу в тех или иных формах [95, с. 452]. Значимость роли сектантов в планах социал-демократии России подтверждает и тот факт, что вопрос о сектантах был включен в повестку дня II съезда РСДРП. В принятой на нем резолюции «О работе среди сектантов» съезд обратил внимание всех членов партии на работу среди сектантов в целях привлечения их к социал-демократии [116]. В соответствии с этим решением в Женеве издавался специальный журнал для сектантов под названием «Рассвет». Редактировал журнал В. Д. Бонч-Бруевич. Вплоть до 1917 г. партия большевиков во главе с В. И. Лениным выступала как последовательный и принципиальный обвинитель царизма за его преследования сектантов и добивалась свободы их вероисповеданий. Представители различных религиозных сект в царской России, в свою очередь, видели в лице социал-демократической партии союзника в борьбе за свою веру. Со стороны сектантов имели место случаи помощи РСДРП в распространении революционной литературы [75, с. 7]. В годы Первой мировой войны отношение к ней со стороны российских социал-демократов тесно смыкалось с отношением европейских социал-демократов. Осенью 1915 г. в Швейцарии состоялась конференция европейских социал-демократов с участием российских делегатов, в том числе В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Конференция призвала к немедленному миру и одновременной «войне классов» во всей Европе. Эти идеи разделяли довольно широкие круги пацифистов и сектантов-пацифистов, с социал-демократами их объединяло негативное отношение к войне и стремление к ее прекращению любой ценой. Летом 1917 г. секта «трезвенников» в Петрограде целенаправленно оказывала помощь большевикам, выступая на площадях против войны [13, с. 69].

В-четвертых, на определенных этапах развития России в проводимой ею государственной политике, особенно во внешней, становилось выгодным использовать пацифистские идеи упрочения мира, недопущения войны, приостановления роста вооружений и т. п. Если рассматривать пацифизм как борьбу за мир и противодействие войне, то такую политику можно определить как тактический или ситуативный государственный пацифизм. В 1899 г. в Гааге проходила 1-я мирная конференция, созванная по инициативе российского императора Николая II³⁷, где представителями 26 стран рассматривались вопросы мирного разрешения международных споров, законы и обычаи войны. Данная инициатива императора была продиктована значительным укреплением военной мощи потенциального противника России — Германии и неготовностью российского государства к равному противостоянию ей в случае войны. Конечно, в силу общей направленности политики Российской империи такой ситуативный пацифизм не мог стать государственной стратегией, ее целью, а использовался всего лишь как инструмент. Несмотря на это ситуативный государственный пацифизм не мог не оказывать влияния на мировоззрение российских подданных, способствовать появлению убеждений у части из них о невозможности решить мировые противоречия с помощью вооруженного насилия.

В-пятых, сомнительная польза для вооруженных сил от призыва тех, у кого пацифистские убеждения берут верх над патриотическими убеждениями, отсутствует устойчивая внутренняя мотивация с оружием в руках защищать свою страну. Обратимся еще раз к классификации сектантов-отказников. Из нее следует, что на часть таких отказников в реальном бою положиться нельзя — они не будут убивать врага, а будут лишь делать видимость, что воюют. К примеру, будут стрелять для этого мимо цели. Выявить таких бойцов не просто, тем более, что они до боя никак не проявляют себя как пацифисты: не протестуют против призыва на военную службу, против принятия присяги, не отказываются обучаться использованию оружия и его ношению, беспрекословно выполняют приказы своих командиров. Надо полагать, что все, кто имеет боевой опыт, предпочтут, чтобы таких солдат лучше вообще не было бы в боевых порядках. Хуже них могут быть только те, кто готов в

³⁷ В воспоминаниях русского политического деятеля, историка и публициста П. Н. Милюкова (1859—1943) говорится о том, что «...склонил Николая II организовать первую Гаагскую конференцию 1899 г.» упомянутый выше И. С. Блюх [107].

бою стрелять в спину своим командирам. Были и такие солдаты, причем еще задолго до Первой мировой войны. Обратимся к приведенной выше типологии солдат, предложенной Л. Н. Толстым. Солдаты, которых он обозначил как угнетенных, в бою ненавидят своего начальника также, а иногда еще сильнее, чем своего врага, и имеют возможность вредить ему. Как следствие этого — русские офицеры, убитые русскими пулями и раненные, сознательно отданные в плен неприятелю. Можно предположить, что и пацифисты, попав в положение таких угнетенных солдат, могли бы быть вынуждены решиться на схожие неблагоприятные поступки.

Рассматривая внутренние причины, детерминирующие российскую государственную политику в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений, особо выделим ту роль, которую сыграло движение толстовцев. С одной стороны, пацифистская деятельность Л. Н. Толстого и его сподвижников может рассматриваться как причина, способствующая проведению запретительной государственной политики в отношении освобождения от военной службы вследствие убеждений. Выше уже достаточно подробно анализировалась опасность толстовства для Российской империи. Наряду с этим движение толстовцев не могло не способствовать разрешительному вектору российской политики относительно отказов от воинской повинности вследствие убеждений. В качестве аргументов здесь достаточно еще раз упомянуть масштаб личности Л. Н. Толстого, его роль в становлении российского пацифистского движения, размах просветительской работы, проводимой толстовцами.

3.1.1.2. Внешняя обусловленность российской государственной политики в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений

Наряду с перечисленными выше внутренними причинами на государственную политику Российской империи относительно отказов от воинской повинности вследствие убеждений как запретительную, так и разрешительную оказывала влияние и другая группа причин, которые можно обозначить как внешние причины. К ним в первую очередь следует отнести причины, связанные с влиянием ведущих мировых держав того времени на российскую политику. Подтверждением значимости такого влияния могут служить преобразования Петра I в XVIII в., движение западников, выступавших за развитие России по западноевропейскому пути, ис-

пользование при проведении военной реформы в России во второй половине XIX в. в качестве образцов для подражания моделей организации и комплектования вооруженных сил Германии и Франции. Исходя из исследуемой проблемы, к внешним причинам, повлиявшим на государственную политику Российской империи относительно отказов от военной службы вследствие убеждений, в первую очередь следует отнести государственную политику ведущих мировых держав по отношению к пацифизму и лицам, имеющим пацифистские убеждения, а также используемую в этих державах систему комплектования вооруженных сил.

В более подробном рассмотрении нуждаются два взаимосвязанных направления в государственной политике других стран: отношение к пацифизму и лицам, имеющим пацифистские убеждения, а также система комплектования вооруженных сил.

Если говорить о пацифизме в самом широком его понимании, то идеи установления всеобщего, вечного мира и проекты реализации этих идей имели хождение в Европе, начиная с философов Средневековья, в частности с Фомы Аквинского, еще в XIII в. выдвинувшего проект вечного мира. Показательной является Декларация международного права, разработанная в период Великой французской революции, содержащая положения об отказе от войн, невмешательстве государств во внутренние дела друг друга. Религиозный пацифизм, включающий отрицание военной службы, зародился в Европе в XVI в. в среде протестантов и стал важнейшим принципом вероучений меннонитов, квакеров, а позднее и других протестантских церквей и течений (в США, например, это были Свидетели Иеговы). Переселение последователей этих церквей и течений способствовало распространению религиозного пацифизма по другим странам. П. Брок и Н. Юнг в своей работе «Пацифизм в двадцатом столетии» [209] называют пять источников пацифизма XX в., наиболее важных для его понимания:

- доктрина непротivления, развитая анабаптистами и меннонитами в эпоху Преобразования;
- мирное доказательство квакеров, относящееся к периоду Содружества наций в английской истории и внесшее существенный вклад в создание организованного Англо-американского мирного движения в XIX в.;
- добросовестное возражение Свидетелей Иеговы;
- подход к проблеме войны, развитый Обществами борьбы за мир (мирными обществами);

- социалистический антимилитаризм, появившийся вместе с организованным рабочим движением во второй половине XIX в.

Религиозный пацифизм анабаптистов и меннонитов достаточно подробно рассматривался во второй главе настоящего издания. С учетом этого, основываясь на исследованиях П. Брока и Н. Юнга [209], проанализируем сущность остальных источников пацифизма и государственную политику ряда ведущих европейских стран и Северной Америки в отношении носителей пацифистских убеждений.

Квакеры наряду с меннонитами входят в число самых известных и самых старых западных религиозных сект, отрицающих любые войны. Квакеры (англ. *quaker* — трястись, дрожать) — протестантская конфессия, возникшая в среде радикальных пуритан во время Английской революции в середине XVII в. Более точной датой возникновения квакерства обычно считают 1652 г., реже — 1648 г. Первоначально квакеры именовались «Христианское Общество Друзей Внутреннего Света», в последующем их официальным названием стало «Религиозное Общество Друзей». Основал общество странствующий проповедник, простой сапожник Джордж Фокс (1624—1691). В 1648 г. Д. Фокс впервые выступил с проповедью (отсюда происхождение одной из дат возникновения общества), а в 1652 г. объединились группы его последователей. Менее чем через десять лет, несмотря на гонения, численность квакеров по тем временам стала внушительной, поскольку превышала 50 тыс. человек. В XVIII в. квакеры сделали самой многочисленной в Англии религиозной сектой. Изначально последователями квакеров были беднейшие слои общества [72].

В самом начале движения квакеров в Англии их жестоко преследовали. Д. Фокса несколько раз избивали за его проповеди, затем он попал в тюрьму. Одного из его ближайших сподвижников, перед тем как посадить в тюрьму, публично пороли плетью, клеймили раскаленным железом, прокололи язык. Вслед за реставрацией Стюартов последовали гонения на все секты, в том числе и на квакеров. Когда в Англии во второй половине XVII в. началось преследование всех сектантов, квакеры подвергались особым гонениям. Большая часть осужденных и посаженных в тюрьмы в то время сектантов были квакерами. Многие из них так и умерли в заключении. Причиной особых преследований квакеров была их повышенная активность и упорство: квакеры выходили на митинги протеста, если арестовывали отцов, то их место занимали сыновья. За отказ платить церковную десятину (одна из главных причин, обуслови-

вающих появление движения) квакеров разоряли штрафами, арестовывали их имущество. Штрафовали квакеров и за их демонстративное неуважение к суду — за отказ снимать шляпу даже перед судьями. Наказывали квакеров и за их открытый протест против безнравственности общества, выразившийся в том, что квакеры устраивали в городах шествия обнаженных людей, прерывали пасторские проповеди.

Во многом из-за преследований с 1656 г. началась эмиграция квакеров в Америку. Д. Фокс сам посетил Америку и счел условия жизни там приемлемыми для своих последователей. Пропагандируя свое вероучение на американской земле (в этих целях квакеры-проповедники отправлялись и в другие отдаленные страны), квакеры сталкивались с разным отношением колонистов, как с положительным, так и с враждебным. Один из организаторов квакерских общин Уильям Пенн купил земли в Пенсильвании и создал там колонию, основанную на квакерских принципах. На начало XVIII в. в Америке квакеров было немного меньше, чем в Англии (40 тыс. человек), причем половина из них проживала в Пенсильвании. Если в Англии квакеры со временем стали преимущественно торговцами, оставив возделывание земли ради того, чтобы прекратить бесконечные стычки из-за церковной десятины, то в Америке квакеры предпочли фермерский труд. Со временем американские квакеры расширили границы своей деятельности и стали заниматься частным предпринимательством. В деловой жизни они были активны, неподкупны, бережливы, избегали роскоши и долгов.

В основе вероучения квакеров лежит убеждение в том, что внутренние качества верующего человека имеют большее значение, чем то или иное церковное учение. Основывается это убеждение на том, что Бог (Христос) вечно присутствует в сердце каждого человека и указывает ему путь к нравственному совершенствованию. Это присутствие связано с озарением «внутренним светом», «божественной искрой», «святым духом». Сам акт «озарения внутренним светом» рассматривается как высшее проявление веры. Этот свет («внутренний Христос», «внутренний голос») считается истинным, он просвещает всякого человека, приходящего в мир. Таким образом, Бог напрямую обращается к душе каждого человека, это обращение есть высшая инстанция для верующего человека. Следствием религиозных воззрений квакеров стало отрицание ими необходимости духовенства, внешней обрядности, провозглашение

равенства всех членов, следование принципу выборности руководства на демократических началах, решение всех важных частных и общественных дел избранными представителями. «Внутренний свет» проявляется в аскетическом образе жизни, духовной ответственности каждого верующего, его сопричастности к судьбам других людей. Простота в образе жизни квакеров была средством подавления самолюбия и гордости, богатство одних людей, по их мнению, других обязательно делало бедными.

Квакеры считали необходимым и возможным преобразование окружающего мира, в частности искоренение в нем зла и лжи. Механизм этих преобразований виделся таким: «внутренний свет» совершает в человеке гигантские моральные преобразования, а через них, в еще большей степени, чем через все конституции и законы, преобразуется и все общество. Квакеры истолковывали всякое ущемление свободы и прав личности как грех против Бога, отрицали всякое насилие над людьми со стороны государственной власти. С точки зрения квакеров если человек следует учению и примеру Иисуса Христа, то тогда в обществе нет места войнам и насилию. Победить врага можно только превратив его в единомышленника. Тем самым отрицалось применение в борьбе физической силы, насилия, предпочтение отдавалось убеждению. Отсюда отрицание квакерами войн, так как они не могут решить проблем, усилия по упрочению мира, отказ каким-либо образом способствовать войнам и подготовке к ним. Именно поэтому квакеры не принимали присягу, упорно отказывались от обязанностей военной службы, осуждали торговлю оружием и порохом, не участвовали в праздновании военных побед. В 1947 г. две квакерские организации — Американский комитет служения Друзей и британский Совет служения Друзей были награждены Нобелевской премией мира. Наряду с этим история знает исключения из пацифистских принципов квакеризма. Так, некоторые квакеры служили в американской революционной армии во время войны за независимость. Они не только взяли за оружие, но и образовали отдельную общину «свободных и воинственных друзей».

Квакеры отрицали рабство и с XVIII в. активно боролись с ним. Многие квакеры в американских колониях отпускали на волю своих рабов и агитировали за их всеобщее освобождение. В 1758 г., следуя своим канонам, филадельфийское ежегодное собрание квакеров исключило из своих рядов рабовладельцев. Члены общества помогали бывшим рабам, освободившимся после граждан-

ской войны. В ходе войны англичан с французами и индейцами (1754—1763) квакеры отказывались поддерживать военные экспедиции против индейцев, которых считали своими братьями. Квакеры внесли вклад в развитие системы обучения взрослых и улучшение условий труда рабочих, содействовали введению «сухого закона».

Квакеры отстаивали равноправие мужчин и женщин, строго соблюдали брачные обязательства, хотя браки и совершались путем простого обещания (в присутствии старшин) сожития и верности. Система воспитания детей основывалась на уважительном отношении к детям, поскольку в каждом ребенке родители видели взрослого человека. Вместе с тем нарушением квакерской этики считались смешанные браки (бракосочетание квакера с приверженцем другой религиозной веры). В XVIII—XIX вв. 50 тыс. человек были за это исключены из квакерских общин. Вообще квакеры для сохранения своей высокой репутации внимательно следили за поведением друг друга, позднее были введены посты старост и наблюдателей, следивших за дисциплиной. Борясь за соблюдение своих высоких этических стандартов, квакеры использовали публичные суровые выговоры друг другу за аморальное поведение. В случае необходимости квакеров за проступки исключали из общины. Квакеров даже упрекали в том, что они мало выражают любовь друг к другу, но сами квакеры придерживались такого мнения, что мир возможен только в результате обмена суждениями, причем прямыми и бескомпромиссными. Квакеры считали, что люди по своей природе злы и компенсировать это может только «внутренний свет» в их сердцах. Интересен своим своеобразием обряд погребения умерших у квакеров. Он происходит без всяких церемоний, родственники умершего даже не надевают траурных одежд. Памятники и эпитафии заменяют напечатанные биографии тех людей, добродетели которых заслужили общее признание. Эти биографии предназначены в назидание потомкам.

Свидетели Иеговы (иеговисты) — одно из поздних течений в протестантизме, основанное Чарльзом Тейзом Расселом (1852—1916) в 70-е гг. XIX в. в США. В 1870 г. он организовал в Питтсбурге (штат Пенсильвания) группу исследователей Библии. По мнению Ч. Т. Рассела, до него никто не был способен правильно понять содержание Библии, и ему Богом предопределено объяснить людям истинный смысл Святого писания. Для этого им был подготовлен многотомный фундаментальный труд «Изучения Писаний»,

знание которого он считал обязательным для своих последователей. В конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в. Ч. Т. Рассел вел активную пропагандистскую кампанию по распространению своих идей. В Пенсильвании и соседних штатах были созданы кружки последователей «пастора» Рассела. В 1879 г. Ч. Т. Рассел основал журнал «Сионская Сторожевая Башня и Вестник Присутствия Христа», а в 1881 г. — Общество Сторожевой Башни, непосредственный предшественник нынешних Свидетелей Иеговы.

Иеговисты отвергли основные христианские догматы. Единым Богом признавался Иегова, Иисус Христос рассматривался как исполнитель его воли. Иеговисты считали себя избранными Иеговой, его «свидетелями». Им, как праведникам, была уготована вечная жизнь на обновленной земле после битвы между Сатаной и Иеговой (Армагеддоне), в то время как все остальные должны были погибнуть. Особо избранные иеговисты числом 144 тыс. человек получали право проживать на небе. Заповедь «не убивай» понималась иеговистами буквально, во избежание убийств христианин не должен был брать оружия в руки. Отсюда следовали отказы иеговистов от призыва в армию. Ч. Т. Рассел приветствовал правительства, которые освобождали от воинской службы граждан, имеющих убеждения, несовместимые с ее прохождением. Если же от иеговистов все же потребуют отбывать воинскую повинность, то тогда, как считал Ч. Т. Рассел, необходимо объясниться с чиновниками и просить местом отбывания воинской повинности сделать медицинские учреждения. Служба в них не будет противоречить убеждениям иеговистов. В случае призыва на военную службу, предполагающую применение оружия, по мнению Ч. Т. Рассела, его последователи не должны чувствовать себя обязанными стрелять в себе подобных [209, с. 10]. Под запретом для иеговистов было и участие в политике, при этом Ч. Т. Рассел призывал своих последователей быть законопослушными, платить налоги.

Содержание религиозных верований иеговистов, их пророчества по мере смены лидеров общества подвергались модернизации. Отношение к ним было противоречивым, в том числе и вследствие самой личности Ч. Т. Рассела. Специалистами под сомнение ставилась его квалификация, а значит, и ценность приводимых им исследований. Не оправдались и пророчества, сделанные Ч. Т. Расселом. С именем Ч. Т. Рассела были связаны и другие скандалы. В 1893 г. на первом национальном конгрессе «Исследователей Библии» (как тогда назывались Свидетели Иеговы) в Чикаго его критиковали де-

легаты конгресса за теоретические воззрения и стиль руководства. Судя по авторитарному характеру реакции Ч. Т. Рассела на критику (ее носители были названы «агентами Сатаны» и немедленно изгнаны из общества), она не была беспочвенной. В связи с этим уместно отметить, что в советский период официальное отношение к иеговистам было в значительной степени более негативным, чем к меннонитам или квакерам. Иеговисты позиционировались в советской литературе как наиболее ярые противники СССР. В подтверждение этого приводились следующие факты. Руководство сектой иеговистов захватили наиболее реакционные представители американского капитала и «антисоветская пропаганда является основным содержанием деятельности секты» [121, с. 19]. Идеология иеговизма отличается крайне антиобщественным характером. Сатанинским объявляется все прогрессивное, в том числе и борьба за мир. Иеговисты выступают против светских государств, особенно социалистических [69, с. 100—101]. С учетом такого отношения к иеговизму нет ничего удивительного в том, что в СССР иеговизм был под запретом.

Несмотря на всю неоднозначность в оценках верований и деятельности иеговистов, выделим две составляющие, имеющие отношение к исследуемой проблеме и не оспариваемые особо в научной литературе. Во-первых, неизменность пацифистских воззрений иеговистов, во-вторых, их ширококомасштабная просветительская работа, в рамках которой пацифистская составляющая вероучения иеговистов не могла не находить своего отражения. Уже с 90-х гг. XIX в. иеговистами была начата активная работа за пределами Соединенных Штатов. Сам Ч. Т. Рассел как проповедник неоднократно ездил в Канаду и Европу, выступал с докладами в Панаме, на Ямайке и Кубе, совершил кругосветное проповедническое путешествие, а в 1891 г. побывал в России. Тогда же в Европу был послан Адольф Вебер, который проповедовал вероучение иеговистов в Швейцарии, Франции, Италии, Германии и Бельгии. В целях расширения проповеднической деятельности в 1909 г. «Исследователями Библии» образуется «Ассоциация народных проповедников Нью-Йорка», в 1911 г. в Лондоне было основано «Международное Общество Исследователей Библии». Исследователи Библии постоянно проводили пропагандистские кампании в средствах массовой информации. Проповеди Ч. Т. Рассела порой помещались на страницах 2 тыс. газет одновременно, читателями которых были 15 млн человек [127].

Общества борьбы за мир (мирные общества) имели своей универсальной целью содействие установлению всеобщего и постоянного мира. Идейной основой этих обществ выступал светский пацифизм. К основным предпосылкам возникновения этих обществ следует отнести прежде всего деятельность мыслителей эпохи Просвещения. Война осуждалась ими как негуманное и нерациональное действие, противоречащее идеалу человеческого братства и единства. Эти пацифистские воззрения базировались главным образом на соображениях гуманизма, а не на религиозных верованиях. Поэтому именно здесь лежат корни светского пацифизма. В эпоху Просвещения наиболее известные проекты установления всеобщего мира были предложены французским писателем и философом Жан Жаком Руссо (1712—1778), английским философом, правоведом и моралистом Джереми Бентамом (1748—1832) и немецким философом Иммануилом Кантом (1724—1804).

В качестве примеров обществ борьбы за мир прежде всего рассмотрим Лондонское Мирное Общество и Общество Непротивления Новой Англии. Лондонское Мирное Общество (изначально называлось Общество продвижения содействия Постоянному и Универсальному Миру) было основано в 1816 г. На его деятельность значительное влияние оказали антивоенные взгляды квакеров. Общество выступало против всех войн, хотя далеко не все члены этого Общества придерживались такой однозначной позиции. После длительных споров между сторонниками и противниками войн, направленных на защиту своего отечества, Общество заняло в этом вопросе позицию близкую к нейтральной. В нем получали членство все, кто хотел внести свой вклад в дело устранения войны. Достаточно интересной представляется одна из инициатив представителей Лондонского Мирного Общества. Суть ее состояла в том, чтобы добиваться установления мира через прямые контакты с представителями высшей государственной власти. Так, большие надежды в этом отношении возлагались на русского царя Александра I, который в глазах членов общества был религиозным человеком, стремящимся к миру. Однако в последующем российская внешняя политика претерпела изменения, и Александр I уже не очень-то соответствовал образу миролюбца. В целом представители Лондонского Мирного Общества убедились в неэффективности контактов с коронованными особами для установления мира [208, с. 25]. Если не считать Великобританию, то мирное движение в остальных европейских странах в течение многих десяти-

летий, вплоть до появления движения толстовцев в конце XIX в., было развито в меньшей степени, чем в США.

Общество Непротивления Новой Англии было основано в 1838 г. аболиционистом Уильямом Ллойдом Гарнизоном. Оно представляло собой радикальное крыло мирного движения в Соединенных Штатах. По взглядам Уильяма Ллойда Гарнизона³⁸ необходимо было отказаться не только от войн, но и от деятельности правительств как несовместимых с последовательным Христианством. Несколько членов общества пытались на практике применить ненасильственные методы сопротивления. Однако вскоре Общество Непротивления снизило свой интерес к проблемам пацифизма, поскольку самые активные его члены переключились на борьбу с рабством, а некоторые готовы были поддержать войну между Севером и Югом, считая ее справедливой.

В своей деятельности общества борьбы за мир исходили из того, что войн можно избежать с помощью арбитража, арбитражных соглашений, создания органов международной власти, кодификации международного права, одновременного и пропорционального разоружения и т. п. Эти направления были тесно взаимосвязаны между собой. В различные периоды истории приоритет мирными обществами мог быть отдан тому или иному направлению их деятельности.

Наряду с идеологической обусловленностью деятельности обществ борьбы за мир в этой деятельности можно выделить и материальную обусловленность. Так в середине XIX в. в странах Европы и Америки стала набирать популярность идея свободной торговли. Исходя из этой идеи, международные договоренности об устранении тарифных барьеров, мешающих торговле, рассматривались как существенный шаг к миру во всем мире. К примеру, во Франции на этой волне в число активных борцов за мир выдвигается ряд экономистов. В их числе Фредерик Бастиа, считавший войны досадной помехой на пути развития свободной международной торговли. Актуальность выдвинутых им идей помогла ему стать депутатом французского парламента. Его коллега Фредерик Пасси, ставший впоследствии одним из первых лауреатов Нобелевской премии мира, утверждал, что войны ведут к огромным финансовым потерям, гибели собственности и торговли, являются угрозой жизни и свободы человека. В 1867 г. Ф. Пасси организовал Международную и постоянную лигу мира. В 1881 г. он становится депу-

³⁸ Интересен факт знакомства с ним Л. Н. Толстого.

татом парламента. Если религиозные пацифисты стремились к тому, чтобы людям не позволяли братья за оружие их убеждения, то Пасси и его сторонники надеялись сделать войну невозможной с помощью международного права, а споры между государствами решать через независимый арбитраж. К концу XIX в. пацифизм набирает популярность в европейских странах, соответственно, в их парламентах растет и число депутатов-пацифистов [183].

Мирные общества в различных странах поддерживали контакты друг с другом посредством периодических конференций, а позднее — через наднациональные органы, предназначенные для координации усилий этих обществ. В деятельности мирных обществ встречались и разногласия в подходах к средствам достижения поставленной цели. Примером может служить отношение к допустимости военных санкций со стороны международных организаций для поддержания мира. Англо-американские общества выступали против таких санкций, в то время как европейские общества считали такие санкции допустимыми. Отличительной чертой мирных обществ была активная просветительская работа. В ходе нее было организовано издание и широкое распространение пацифистской литературы (книг, брошюр, рекламных листов), выступление с лекциями соответствующей тематики. В активной просветительской работе обществ борьбы за мир, в используемых ими средствах достижения поставленных целей можно увидеть большое сходство с возникшим позднее толстовским движением в России.

Общества борьбы за мир в исследуемый период, безусловно, сыграли положительную роль в предотвращении войн. Однако, по мнению П. Брока и Н. Юнга, в деятельности этих обществ до 1914 г. был допущен существенный просчет, ставший фактически главным препятствием на пути достижения поставленных целей. Суть его была в том, что члены этих обществ не сумели рассмотреть источник войн в эксплуатации рабочей силы. Они редко взаимодействовали с рабочим движением на стадии его становления, не испытывали симпатии к любым далеко идущим схемам социальной реконструкции общества. Такой подход особенно характерен для мирных обществ Великобритании и Соединенных Штатов. Данный просчет обуславливается качественным составом мирных обществ (главным образом это были представители среднего класса) [209, с. 13].

Социалистическое движение к началу XX в. выступало как политическое выражение устремлений рабочего класса, представлявшего собой значительную силу во многих европейских странах и

США. Развитие промышленности обусловило рост рабочего класса, который неизбежно консолидировался и стремился к улучшению своего положения: улучшению условий труда, росту заработной платы и т. п. Устремления рабочего класса находили поддержку у представителей других классов. Именно эти представители нередко становились лидерами рабочего класса. Пацифистские воззрения представителей социалистического движения имели ярко выраженную специфику. Если говорить в целом, то ими отрицались не все войны и, соответственно, подготовка к ним. Часть войн объявлялась справедливыми, носящими законный характер. К таким войнам относили: войны в защиту социализма, войны в рамках классовой борьбы (гражданские войны) и освободительные войны. Эти войны социалистическое движение рассматривало как прогрессивные, необходимые и подлежащие одобрению, а не осуждению. Если рассматривать частные примеры, то на одном полюсе находились марксистские партии, вообще отклоняющие пацифизм как антивоенное движение по причине его непризнания справедливых войн. На другом полюсе — британская Независимая лейбористская партия, в составе которой были общепризнанные пацифисты. Между этими полюсами находились представители социалистического движения, одобрявшие, к примеру, классовую вооруженную борьбу, поскольку они выражали сомнение в том, что капитализм сдастся без борьбы и победить его удастся ненасильственными средствами. Во Франции, где большинство представителей социалистического движения утверждало, что они не являются марксистами, один из лидеров движения Джин Джорес, опираясь на опыт Французской революции, убеждал соратников, что создание гражданской армии есть единственная жизнеспособная альтернатива профессиональной армии, находящейся во власти милитаристов [209, с. 13].

Пацифизм представителей социалистического движения основывался на том, что сам по себе социализм нацелен на человеческое братство. Проявлялся этот пацифизм в отрицании международных войн, которые разжигали капиталисты из-за своих экономических интересов, а страдали от таких войн в основном рабочие. Однако среди социалистов не было единого мнения относительно того, какими мерами можно предотвратить войну в случае угрозы ее возникновения. Из числа радикальных мер одними видными социалистами предлагалась всеобщая забастовка, другими — она отрицалась, поскольку могла пойти на пользу стране-агрессору.

История показала, что социалистическое движение оказалось не в силах воспрепятствовать ни началу Первой мировой войны,

ни уберечь рабочие классы воюющих стран от взаимной ненависти друг к другу. Основной заслугой социалистического движения, позволяющей отнести деятельность этого движения к пяти основным источникам пацифизма XX в., стало выявление связи между злом войны и недостатками экономической системы. Меннонитам, квакерам, членам различных обществ борьбы за мир XIX в. (исключение составляют американский квакер Д. Вулман и Л. Н. Толстой) увидеть эту связь не удалось [209, с. 15].

Рассмотренные источники пацифизма, процессы и результаты его становления не могли не отразиться на государственной политике многих стран. В рамках анализа этой политики представляется целесообразным выделить из общего ряда страны, которые в большей степени, чем другие являли собой либо положительный, либо отрицательный примеры отношения к пацифизму и его адептам. Положительный пример подавали Великобритания и США, отрицательный — Германия и Франция. Рассмотрим политику этих стран более подробно.

Западные исследователи называют Великобританию и США «акушеркой пацифизма двадцатого столетия» [209, с. 17]. Действительно общий уровень развития демократии в этих странах в исследуемый период во многом способствовал становлению мирового пацифизма. Отметим, что США и Канада в конце XIX — начале XX в. служили надежным убежищем для представителей ряда религиозных конфессий (меннониты, духоборы и др.), которых за их пацифистские убеждения преследовали в других странах. Исходя из этого общепризнанного факта, вполне можно согласиться с оценкой западных коллег. Наряду с высоким уровнем развития демократии лояльная государственная политика, проводимая Великобританией и США по отношению к пацифистам, обуславливалась во многом и тем обстоятельством, что эти две страны, начиная со второй половины XIX в. имели систему комплектования вооруженных сил, отличную от других ведущих мировых держав. Это комплектование осуществлялось на добровольной основе в Великобритании, начиная с 1860 г., а в США — после завершения Гражданской войны (1861—1865). В Великобритании возраст добровольцев составлял от 18 до 25 лет, срок их службы — 12 лет (от 3 до 8 лет на действительной службе, остальное время — в запасе), в США добровольцы были несколько старше — от 21 до 30 лет, а срок их службы был 3 года. Такое положение дел в Великобритании и США уже само по себе если не способствовало росту паци-

фистских убеждений среди граждан, то и не чинило таким убеждениям особых препятствий, по крайней мере в мирное время. Принцип добровольности, положенный в основу комплектования вооруженных сил Великобритании и США, в свою очередь, обусловлен не только уровнем развития демократии в этих странах, соответствующими традициями, но и их географическим положением. Островные государства в большей степени защищены от военного вторжения, чем государства, располагающиеся на материках. В результате островные государства для обеспечения своей обороны могут ограничиться меньшим людским ресурсом.

Сравнение положения пацифистов в Великобритании и США, государственной политики по отношению к ним приводит к выводу, что в целом в Великобритании позитивных моментов было больше, чем в США. В Великобритании у пацифистов была более весомая поддержка на законодательном уровне, антимилитаристское движение было более влиятельным в обществе, отношение ответственности к инакомыслящим было более толерантным. Разница в политике этих двух стран становится более заметной, если рассмотреть ее в период ведения Первой мировой войны. Эта война стала своеобразной проверкой на прочность убеждений и практического стремления к миру не только для самих пацифистов различных стран, но и проверкой стабильности политики правительств этих стран в отношении пацифизма и пацифистов. Война потребовала и от Великобритании, и от США перехода к призыву (как минимум к регистрации потенциальных призывников, что воспринималось ими как постоянная готовность к призыву) на военную службу не только добровольцев, но и всех здоровых мужчин. Такое положение дел привело к конфликтной ситуации, которая в мирное время особо не проявлялась — под угрозой обязательного призыва оказались граждане, чьи убеждения были несовместимы с несением военной службы. Причем в случае призыва им грозила уже не только военная служба в мирных условиях, но и реальное участие в боевых действиях, где действует суровый принцип войны: или убиваешь ты, или убивают тебя. Этот же принцип говорит и о том, что на войне даже те, кто проходит нестроевую службу, вынуждены не только носить, но и нередко применять оружие. Разрешалась эта конфликтная ситуация в Великобритании и США по-разному.

Если рассматривать количественное выражение конфликта, то оно не производит сильного впечатления. В Великобритании (исключая Ирландию, где правительство не рисковало ввести во-

инскую повинность из-за нарастающего воинственного национализма страны) было приблизительно 16 тыс. граждан по своим убеждениям, отвергающим воинскую повинность. В Соединенных Штатах, согласно данным Военного Отдела, численность таких граждан была менее 4 тыс. человек [209, с. 40]. Для лучшего понимания масштабов конфликта приведем такой факт. В Великобритании, например, в вооруженные силы в ходе Первой мировой войны было призвано в общей сложности 4,9 млн человек [146, с. 65]. Отказники условно делились на две категории: тех, кто был готов выполнять обязанности альтернативной службы (при этом многие исключали возможность прохождения нестроевой службы), и тех, кто требовал полного освобождения и не хотел нести никакой повинности взамен воинской. Причем в США среди отказников было больше граждан, относящихся к первой категории, а в Великобритании — ко второй. В Великобритании для решения вопросов, связанных с отказами от воинской повинности в годы Первой мировой войны, существовала система трибуналов, предназначенных для выявления искренности убеждений отказников и принятия решений относительно характера освобождения от военной службы. В США подобных органов не было предусмотрено. Кроме того, в отличие от Великобритании в США на законодательном уровне предусматривалось освобождение от воинской повинности только по религиозным убеждениям, и не было предусмотрено полное освобождение от воинской повинности для граждан, отвергающих по своим убеждениям любой вид альтернативной службы. В итоге для таких американских граждан оставался только один способ следовать своим убеждениям в своей стране — тюремное заключение.

Среди ведущих европейских стран самое негативное отношение к лицам, отказывающимся по убеждениям от военной службы, было в Германии и Франции. В обеих странах была введена всеобщая воинская повинность: в Германии — с 1814 г.³⁹, во Франции — с 1798 г. Основной причиной выбора такого принципа комплектования вооруженных сил, конечно же, не было стремление к социальной справедливости. Такой причиной выступала государственная политика, для реализации которой необходимо было накапливать обученные в военном отношении резервы. Система комплекто-

³⁹ Общеобязательная воинская повинность была окончательно установлена законом 1814 г. для службы не только в ландвере (резерве или запасе), но и в действующей армии. С тех пор всеобщая и личная повинность служила основанием комплектования прусской армии, а после возникновения Северо-Германского союза и Германской империи закон этот распространен и на прочие государства Германии.

вания на основе обязательной воинской повинности давала возможность охватить военным обучением и воспитанием наибольшее число мужского населения страны. К началу Первой мировой войны количество граждан, прошедших военное обучение, составляло: в России — 5650 тыс., во Франции — 5067 тыс., в Германии — 4900 тыс., в Австро-Венгрии — 3 млн, в Англии — 1203 тыс. [188, с. 98]. Это позволило мобилизовать многомиллионные армии, превышавшие численность армий мирного времени в 4—5 раз [58, с. 98]. При проведении мобилизации в начале Первой мировой войны Великобритания смогла довести численность армии только до 1 млн человек, в то время как Франция — до 3,781 млн, Германия — до 3,781 млн, Австро-Венгрия — до 2,3 млн [146, с. 97]. Приведенные данные позволяют ясно увидеть отставание Великобритании, во многом ставшее следствием используемой в этой стране системы комплектования вооруженных сил и подготовки резерва, прошедшего военное обучение.

В рассматриваемый период армия Германии являлась единым целым, несмотря на то, что страна представляла собой союз небольших немецких государств, возникший в 1871 г. Вооруженные силы Германии комплектовались на основе всеобщей воинской обязанности, которая в равной мере касалась всех подданных за исключением членов императорской фамилии. Военнообязанным был каждый подданный Германии в возрасте от 17 до 45 лет. Причем от 20 и до 39 лет, в зависимости от потребностей армии в людском ресурсе, он мог быть призван на действительную военную службу в любой момент. Военная обязанность подданных Германии начала XX в. была многоступенчатой. Первой ступенью этой обязанности была действительная военная служба продолжительностью 2—3 года. Вторая ступень — служба в резерве, длившаяся 7 лет минус срок нахождения на действительной службе. Во время службы в резерве проводились учебные сборы два раза в год продолжительностью 4 недели каждые сборы. Некоторые военнообязанные в связи с переизбытком призывных ресурсов попадали в резерв, минуя действительную службу. Третья ступень воинской повинности — служба в ландвере, т. е. в воинских частях, в которых в мирное время нет личного состава, а имеются только вооружение и другие материальные средства, предназначенные для ведения боевых действий. Личный состав к таким частям приписан и в случае необходимости подлежит мобилизации⁴⁰. Ландвер состоял из частей

⁴⁰ Таких «кадрированных» частей в свое время было много в СССР во внутренних военных округах.

двух типов: тех, что укомплектовываются в первую очередь и во вторую. В мирное время существенным различием между этими частями было то, что военнообязанные из частей ландвера первого типа были приписаны к ним в течении 3—5 лет (в зависимости от продолжительности действительной службы), а также прохождение ими учебных сборов два раза в год продолжительностью от 8 до 14 дней каждые сборы. Военнообязанные из частей ландвера второго типа числились в ландвере до достижения 39-летнего возраста, на сборы они уже не привлекались. Четвертая ступень — ландштурм, где немецкие военнообязанные состояли на воинском учете до 45 лет, после чего с него снимались [16].

Однако самой интересной составляющей системы комплектования немецких вооруженных сил начала XX в. было добровольное поступление на действительную военную службу. Таковой она являлась потому, что в отличие от других стран, в том числе и комплектующих свои вооруженные силы на добровольной основе, в Германии доброволец, поступаая на военную службу на 2—4 года, полностью содержал себя за свой счет, вплоть до покупки оружия и боеприпасов. При этом он еще должен был пройти по конкурсу: сдать экзамены, представить положительные характеристики, быть образованным и здоровым. Секрет такого желания служить состоял в том, что военная служба давала явные преимущества немцам. В соответствии с законодательством Германии только при условии ее прохождения они могли владеть землей, недвижимым имуществом, служить в государственных учреждениях, работать на государственных предприятиях, избирать и быть избранным в местные выборные органы власти [16].

С военной точки зрения подобный подход к комплектованию немецкой армии приносил неоспоримые преимущества. Он позволял иметь большой людской резерв, хорошо подготовленный в военном отношении во время действительной службы и регулярных учебных сборов. А самое главное — способствовал такому положению дел, при котором подавляющее большинство мужского населения считало военную службу необходимой для себя. Надо полагать, что и общественное мнение было однозначно на стороне тех, кто выбирал военную службу. Эффективность системы комплектования вооруженных сил Германии, их высокая боеспособность были убедительно доказаны в войнах XX в. Что касается освобождения от военной службы лиц, имеющих пацифистские убеждения, то в немецкую систему комплектования вооруженных сил такое освобож-

дение никак не вписывалось. Официально не предусматривались ни полное освобождение от военной службы без какой-либо замены ее другой гражданской обязанностью, как это было в случае с немецкими меннонитами на момент их переселения в Россию; ни замена военной службы сугубо гражданской, которую несли меннониты-переселенцы в России после введения всеобщей воинской повинности; ни конскрипция. Максимум, на что могли претендовать подданные Германии, имеющие пацифистские убеждения, это только на нестроевую службу, где вероятность использования оружия была значительно ниже. Результатом политики, проводимой в Германии в отношении лиц, по своим убеждениям неприемлющих военной службы, стало сокращение их численности на протяжении всего XIX в. Характерно это было и для меннонитов, отличающихся стойкостью своих пацифистских убеждений. Большинство молодых меннонитов стали признавать допустимым для себя несение военной службы, в том числе и с оружием в руках [209, с. 59].

Франция, имевшая на начало XX в. одну из мощнейших армий, стала первой страной, применивший еще с 1798 г. принцип всеобщей воинской повинности для комплектования вооруженных сил. По ходу истории система комплектования претерпевала определенные изменения. Так, в 1872 г. во Франции был принят новый закон о всеобщей воинской повинности, позволивший ей ускорить накопление обученных в военном отношении резервов. В отличие от Германии комплектование французских воинских частей было «экстерриториальным»: в одной части служили граждане из разных мест Франции, а расположение части не совпадало с местом проживания военнообязанных. Во Франции, как и в Германии, не существовало права граждан, имеющих пацифистские убеждения, на освобождение от военной службы. Не получали поддержки такие граждане и со стороны общественного мнения. Как следствие этого, французские меннониты — одни из наиболее последовательных пацифистов в этой стране (примером может служить их позиция во время наполеоновских войн) к середине XIX в. отказались от своих пацифистских принципов и признали для своих призывников военную службу допустимой. Немногочисленная часть меннонитов, оставшихся верными своим изначальным убеждениям, отрицающим военную службу, старались в случае призыва на военную службу попасть на нестроевые должности. Если не удавалось и это, то для них оставалась только надежда на то, что в случае ведения боевых действий им удастся избежать непосредствен-

ного участия в убийстве противника. Встречались и исключения из такого отношения меннонитов к военной службе. Так, один из лидеров меннонитов Пьер Кеннел демонстративно занял пацифистскую позицию, эмигрировал в Швейцарию, где мог получить гражданство, и таким образом избежал военной службы. Однако его действия не возымели поддержки со стороны меннонитской общины [209, с. 60—61].

Таким образом, анализ государственной политики ряда ведущих европейских стран и Северной Америки в отношении граждан, имеющих пацифистские убеждения и отказывающихся вследствие их от военной службы, во второй половине XIX — начале XX вв. показал, что эта политика в первую очередь обуславливалась не столько уровнем развития демократии, сколько системой комплектования вооруженных сил. Эта система, в свою очередь, выступала как производная от проводимой той или иной страной военной политики. В странах (Великобритания, США, Канада), где комплектование вооруженных сил осуществлялось на добровольной основе, государственная политика в отношении граждан, имеющих пацифистские убеждения, была более лояльной, чем в странах, где армии комплектовались принудительно, по принципу всеобщей воинской повинности (Германия, Франция, Италия и др.). К примеру, уровень развития демократии во Франции в сравнении с Германией был достаточно высок, а политика в отношении лиц, отказывающихся по убеждениям от военной службы, была практически одинаковой. Она носила запретительный характер, предполагала суровые наказания и преследования таких граждан. Вынужденный переход в Великобритании во время Первой мировой войны к комплектованию вооруженных сил на основе всеобщей воинской повинности сразу же ужесточил политику в отношении граждан, убеждения которых противоречили прохождению военной службы.

Рассматривая влияние ведущих мировых держав на российскую политику в отношении пацифизма и отказов его сторонников от военной службы в исследуемый период, прежде всего отметим его противоречивый характер. С одной стороны, российские власти не могли оставить без внимания опыт Великобритании и США. В рамках этого опыта правительства Великобритании и США в своей политике исходили из того, что часть граждан может иметь убеждения несовместимые с прохождением военной службы и по мере возможностей старались дать им возможность следовать своим убеждениям. Эмиграция в Северную Америку далеко не худ-

ших российских граждан (меннонитов и духоборов) не могла не способствовать изучению и учету в российской политике такого отношения к лицам, чьи убеждения противоречили несению военной службы. С другой стороны, перейдя к комплектованию вооруженных сил на основе всеобщей воинской повинности, базируясь при этом на моделях организации и комплектования вооруженных сил Германии и Франции, Российская империя не могла пренебречь опытом этих стран в решении проблемы отказов по убеждениям от воинской повинности. В итоге Россия, начиная с 70-х гг. XIX в., в своей политике по отношению к отказам подданных от военной службы вследствие их убеждений заняла некое промежуточное положение. Она разместилась между двумя полюсами: один полюс — Великобритания и США, являющие в то время пример лояльного отношения к отказам по убеждениям от военной службы; другой — Германия и Франция с их непримиримой политикой в отношении подобных отказов. Такому положению Россия во многом была обязана своей политике в отношении меннонитов, в частности институту альтернативной службы меннонитов. До начала Первой мировой войны российская политика в отношении меннонитов была неким прецедентом для последующего расширения практики освобождения подданных, имеющих пацифистские убеждения, от военной службы.

3.1.2. Сущность государственной политики в Российской империи в отношении лиц, отказывающихся вследствие убеждений от военной службы

3.1.2.1. Государственная политика в Российской империи по отношению к религиозному сектантству

Государственная политика Российской империи по отношению к религиозному сектантству не была однозначной. Руководители первых российских религиозных сект были казнены, а секта меннонитов всегда пользовалась в России льготами, в том числе и узаконенным правом на освобождение от военной службы. Отношение российского государства к религиозным сектам зависело не только от их происхождения, особенностей вероучений, но и от конкретного исторического периода, личностных особенностей царей, характера проводимых ими преобразований и т. п.

В. Д. Бонч-Бруевич в статье «Вопрос свободы совести в официальном освещении» [11, с. 221—230], опираясь на «официальную кни-

гу» Д. Ф. Халтулари⁴¹, приводит достаточно емкую характеристику российской государственной политики в отношении старообрядцев и сектантов в дооктябрьский период. Еще в царствование Алексея Михайловича (1645—1676) был издан закон, предписывающий казнить, жечь огнем без всякого милосердия вероотступников, боголживников и церковных мятежников. Начались преследования сектантов и старообрядцев, их нещадно били кнутом, ссылали в отдаленные места и предавали смертной казни. Петр I изначально рассматривал старообрядчество как религиозное разномыслие и относился к нему терпимо. Однако в последующем он поменял свои взгляды и стал видеть в этом государственную измену и открытый мятеж. Преследования были настолько жестоки, что Петр I приобрел у старообрядцев звание Антихриста. Екатерина II отменила ряд жестких мер в отношении старообрядцев и сектантов, но облегчение участи старообрядцев и сектантов носило выборочный характер: зависело от местностей, в которых они проживали, от ходатайств влиятельных вельмож, диктовалось политическими соображениями, а не веротерпимостью. При Павле I отношение к старообрядцам стало более терпимым, а к сектантам оставалось крайне враждебным и жестоким, поскольку они не признавали Богом поставленной власти на земле. В именном указе от 28 августа 1799 г. предписывалось всех изобличенных в духоборческой ереси отослать навечно в Екатеринбург для работы на рудниках. Более того, указ предписывал содержать сосланных сектантов скованными и направлять на самые тяжелые работы. Политика Александра I в отношении сектантов носила двойственный характер. С одной стороны, он, называя веру тех же духоборов «заблуждением», выступал против «насилия совести», с другой — требовал «...не допускать, однако же, никаких внешних оказательств отступления от церкви и строго воспрещать всякие в сем соблазны не в виде ереси, но как нарушение общего благочиния и порядка» [11, с. 227]. В результате того, что полностью исключить внешние проявления веры, в том числе и вербальные, невозможно, гонения на сектантов не прекратились, а с 20-х гг. XIX в. — усилились. За сектантами и старообрядцами устанавливался строгий надзор. Распространители ряда сектантских вероучений подлежали суду. Духоборы и

⁴¹ Книга действительного статского советника, начальника III отделения департамента общих дел Д. Ф. Халтулари «Обзор мероприятий министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год» издана в 1903 г. по распоряжению директора департамента общих дел гофмейстера Б. В. Штюрмера. В силу этого данный труд имеет статус официального. В общую продажу книга не поступала.

молокане высылались в Таврическую губернию, субботники — на Кавказ, скопцов отдавали на службу в войска, дислоцированные в Сибири и в Грузии, неспособных нести военную службу ссылали в Иркутскую губернию. В царствование императора Николая I православным духовенством была составлена своеобразная классификация сект. В качестве основания для классификации была выбрана степень их политического и религиозного вреда. Секты подразделялись на «вреднейшие», «вредные» и «менее вредные». В число самых вредных сект попали секты, не поддающиеся какому-либо влиянию со стороны представителей православной церкви. В соответствии с этой классификацией все инаковерующие были причислены к сектам того или иного класса. Подход православного духовенства к сектантству укрепил Николая I во мнении об аполитичности сектантства, что нашло свое отражение в проводимой им политике. В российском законодательстве появилась соответствующая статья уголовного уложения, предусматривающая суровое наказание. В результате почти 75 лет «...ссылали и судили тысячи русских людей, виноватых лишь в том, что они хотели жить согласно своей, а не чужой совести, согласно своим убеждениям» [11, с. 228]. Так, в эпоху Николая I сектантов и старообрядцев преследовали всеми возможными способами (особенно сектантов). В частности, их отдавали в солдаты, отбирали детей и рассылали их по монастырям или отдавали в кантонисты. При Александре II сектантам и старообрядцам были сделаны некоторые послабления, однако обозначенный выше подход православия помешал Александру II значительно расширить гражданские права сектантов.

Александр III, как известно, взял курс на свертывание реформ, отход от либерального направления во внутренней политике. Подобный курс, естественно, не способствовал прекращению гонений и преследований сектантов властными структурами. В период правления Николая II государственная политика, проводимая в отношении сектантства, носила противоречивый характер. После 1905 г. религиозные секты (за исключением изуверских — хлыстов и скопцов) были легализованы государством и вышли из подполья. Они стали создавать свои органы печати, издательства, строить молитвенные дома и т. п. В период реакции после революции 1905—1907 гг. религиозные секты вновь стали подвергаться жестоким преследованиям со стороны государства.

Кроме гонений со стороны структур государственной власти, диктуемых содержанием официальной политики, сектанты стра-

дали и от «инициативы на местах». Так, баптиста Семеренко Осипа Андреевича за принадлежность к секте пороли розгами, подвешивали к потолку вверх ногами и кололи иголками, прижигали папиросами, избивали до потери сознания. Один раз его завели в кузницу и там выжгли раскаленным железом до 25 ран на руках, затем зажали бороду в тиски и нанесли до 50 ран на спине. Издевались и над его женой. Участие в этом издевательствах принимали урядники и родной брат О. А. Семеренко — волостной старшина [135, с. 5].

Неоднозначность государственной политики Российской империи по отношению к религиозному сектантству в целом проецировалась и на политику в отношении отказов от воинской повинности вследствие убеждений, поскольку, как уже отмечалось, носителями подобных отказов чаще всего были представители сект. Исследование государственной политики Российской империи относительно отказов от воинской повинности вследствие убеждений позволяет выделить в ней, как отмечалось ранее, два направления: первое направление — запретительное и основное, второе — разрешительное и исключительное. Предпримем попытку анализа этих направлений российской политики.

3.1.2.2. Запретительное направление российской государственной политики в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений

Как подчеркивалось ранее, запретительное направление российской государственной политики в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений предполагало запрет, налагаемый государством на освобождение от военной службы лиц, имеющих убеждения несовместимые с ее прохождением. Это направление рассматривалось как основное, поскольку распространялось практически на все случаи отказов от несения воинской службы вследствие убеждений (исключение составляли только меннониты).

В исследованных источниках значительная часть примеров, иллюстрирующих запретительное направление российской политики в отношении отказов от военной службы, связана с духоборами. Во второй половине XVIII в. всех упорствовавших в своем заблуждении духоборов отправляли на службу в Вологодский полк, стоявший в Азове. Известно, что во время одной из русско-турецких войн несколько духоборов, служивших в Вологодском полку, бросили оружие, за что и были расстреляны [44, с. 125]. Одним из убе-

дительных примеров запретительного направления служит подход Николая I к религиозным сектантам и их отказам от военной службы. В начале своего правления (годы правления 1825—1855) он постановил, что те, кто не примет православия и будут отказываться служить в армии, подлежат немедленной ссылке в специально отведенные места. Первыми от этого решения в очередной раз пострадали духоборы. За выступления против государства и официальной церкви они и ранее не единожды выслались и ссылались на каторгу. В соответствии же с указом Николая I духоборов выслали в Грузию в Ахалкалацкий уезд Тифлисской губернии.

Освобождение от воинской повинности вследствие убеждений в Российской империи на законодательном уровне не предусматривалось. Исключение было сделано только для меннонитов. Анализ соответствующих статей (об изъятиях, отсрочках и льготах по отправлению воинской повинности, о призыве к отправлению воинской повинности и о приеме на службу) Уставов о воинской повинности, изданных в 1874, 1886, 1907, 1913, 1916 гг., подтверждает этот вывод. Здесь имеет смысл отметить следующий нюанс государственной политики. Как уже отмечалось, после 1905 г. отношение российского правительства к сектантам стало более лояльным. Однако в вопросе отбывания воинской повинности эта лояльность проявилась лишь в освобождении от призыва на действительную военную службу, начиная с 1906 г., настоятелей и наставников общих старообрядцев и сектантов, утвержденных в должностях надлежащею правительственной властью [187, с. 33]. Положение это действовало и в годы Первой мировой войны. До 1906 г. такая льгота распространялась лишь на священнослужителей всех христианских вероисповеданий и православных псаломщиков, окончивших курсы в духовных академиях и семинариях или в духовных училищах [185, с. 57]. Таким образом, в перечисленных выше случаях освобождение от воинской повинности обуславливалось занимаемой должностью, но не характером убеждений. Вообще в России после введения всеобщей воинской повинности в целом по стране количество ежегодно призываемых в армию не превышало 30 % от числа лиц призывного возраста (в том числе и потому, что количество подлежащих призыву в те годы намного превышало потребности армии). Наряду со служителями культа освобождение от воинской повинности получали врачи и преподаватели. Кроме того, от обязательной военной службы освобождались представители народов Средней Азии и Казахстана, Крайнего Севера и Сиби-

ри. Лицам, проходящим обучение в учебных заведениях, давалась отсрочка от службы в армии до достижения 28-летнего возраста. В этих случаях основаниями для освобождения от воинской повинности также являлись род занятий, национальность, а не наличие пацифистских убеждений [20, с. 78]. Максимум, на что могли рассчитывать граждане, отказывающиеся от военной службы вследствие своих убеждений, — это направление на нестроевую службу, где ношение и применение оружия не являлось обязательной составляющей службы, хотя и не исключалось совсем. Вместе с тем такое послабление для отказывающихся не было закреплено законодательно, а, значит, во многом зависело от субъективного фактора — поведения должностных лиц, причастных к призыву и к прохождению воинской службы. В источниках есть сведения о том, что в самом начале XX в. секретным циркуляром военного министра рекомендовалось назначать лиц, отказывающихся по убеждениям от военной службы на нестроевые должности. К этому же призывали и некоторые военные юристы [38, л. 3].

Проводимая в Российской империи политика запрета на освобождение от воинской повинности граждан, имеющих пацифистские убеждения, обуславливала применение государством к этим гражданам различных мер воздействия. Попытку молокан в середине 20-х гг. XIX в. уклониться от платежа податей и направления на военную службу рекрутов из их числа российское правительство подавило следующим образом: многих молокан наказали кнутом и сослали в Сибирь, а некоторых поместили в сумасшедшие дома, где они и погибли [110, л. 1].

Еще более изощренные меры принимались в отношении духоборов. На заседании Комитета министров 6 февраля генерал Ермолов предложил всех вновь появлявшихся духоборов селить на Кавказе за новой линией укреплений. По его мнению, это принесло бы двойную пользу: «...люди сии, находясь всегда впереди противу горских народов, по необходимости должны будут оружием защищать свое имущество и семейства, а во-вторых, тем, что другие, видя таковое употребление духоборов, будут воздерживаться от вступления в духоборческую секту» [44, с. 126]. В 1841—1845 гг. духоборы были выселены в недавно присоединенные к России, отдаленные районы Закавказья. Место ссылки было выбрано не случайно, а в соответствии с предложением генерала Ермолова в целях «воспитания» духоборов: проживая по соседству с воинственными горцами, они должны были постичь «лживость» своего

вероучения [91, с. 759]. Другими словами, российские власти сознательно поставили духоборов в такие условия, когда они должны были вопреки своему вероучению взяться за оружие для защиты себя и своих близких. Кроме того, российские власти получали возможность устранить негативное влияние духоборов на православных верующих и, используя трудолюбие духоборов, начать успешно осваивать новые земли.

Расчеты российских властей, по крайней мере частично, оправдались. Духоборам сразу же пришлось столкнуться с кочевавшими в тех местах татарами и делавшими постоянные набеги из-за кордона турецкими бандами. Они угоняли скот, уводили в плен людей. Духоборы пытались наладить со своими воинственными соседями мирные отношения, но это не всегда получалось. Так, во время одного из нападений турецкой банды на село Орловка старейшина духоборов вынес на улицу стол с хлебом-солью, показывая, что духоборы имеют мирные намерения и не хотят воевать. Однако турки не восприняли этот сигнал. Старейшине отрубили голову, а село разгромили. Духоборы вынуждены были частично отступить от своих пацифистских принципов, создать для самообороны так называемые отряды «казачков» и вооружить их. Оружие по льготным ценам духоборам поставили местные власти [44, с. 126—127].

На момент введения в России всеобщей воинской повинности духоборы не подлежали призыву, так как действие Устава о воинской повинности, высочайше утвержденного 1 января 1874 г., не распространялось на Закавказский край, Туркестанский край, Приморскую область, Амурскую область и т. д. Порядок призыва там определялся особыми положениями, сообразуясь с местными условиями [185, с. 6]. Однако Устав о воинской повинности 1886 г. распространялся уже и на Закавказье, в результате чего духоборов стали призывать на военную службу на общих основаниях.

Попытки духоборов открыто протестовать против отбывания ими воинской повинности жестоко подавлялись властями. 28 июня 1895 г. духоборы Алкахалакского уезда, последователи П. Веригина, в сопровождении женщин и детей отнесли на поле свое оружие и всю ночь жгли его [144, л. 2—4]. Утром на них за это напали казаки, посланные тифлисским губернатором. Казаки прижали духоборов к обрыву и стали избивать их нагайками и топтать лошадьми. Духоборы встали вокруг детей и женщин, прикрывая их от ударов своими телами. Избитых до крови казаками крайних духоборов втягивали внутрь толпы, а на их место под удары казаков

вставали другие духоборы. Избиение продолжалось до тех, пока не устали сами казаки и лошади под ними [11, с. 70—71]. После избиения казаки погнали духоборов к губернатору в Богдановку. На вопрос о том, будут ли духоборы служить, губернатор получил отрицательный ответ. За этот отказ духоборов избивали в течение 6 дней. Негласно начальство разрешило насиловать женщин и девушек духоборов. На 7-й день губернатор отправил 35 семей из 7 селений в ссылку. Затем последовали другие семьи. По распоряжению губернатора духоборов разбросали отдельными семьями по разным горским деревушкам Тифлисской губернии и Дагестанской области. Причем им не предоставили ни земли, ни жилищ, ни пищи. Властям на местах был отдан приказ не давать духоборам никакой работы. В результате эти духоборы фактически были обречены на голодную смерть. В Карсе солдаты-духоборы отказались от дальнейшей службы и сдали свое оружие. Военное начальство, желая их образумить, устроило им мнимую казнь. Поставили виселицу, надели на духоборов саваны и повели их на казнь. Однако духоборы не сдались и имитацию казни пришлось прекратить [144, л. 2—4].

В статье С. А. Иниковой «История пацифистского движения в секте духоборов (XVIII—XX вв.)» уточняются некоторые значимые детали расправы над духоборами в июне 1895 г. В частности, автор пишет, что идея сожжения оружия исходила от П. Веригина. Он, находясь в ссылке, через своего зятя и друга И. Конкина передал своим последователям наставление о том, что «быть духоборцем значит не быть солдатом и не быть убийцей не только человека, но и животного. У кого есть оружие на дому, все, что касается убийства — шашки, кинжалы, пистолеты, ружья — все снести в кучу в одно отдельное место и сжечь тайно...» [44, с. 132]. Среди духоборов Тифлисской губернии о предполагавшейся акции знали только главы семей, и все держалось в строгой тайне, так что подавляющее большинство духоборов, собравшихся на моление накануне дня Петра и Павла, дня именин П. Веригина, даже не представляли, что там должно произойти, а тем более, чем это может закончиться. В своих письмах П. Веригин неоднократно повторял, что духоборы в своем протесте против насилия должны пострадать во имя истины и идти до конца, даже если на этом пути их ждет смерть [44, с. 132]. Духоборы сжигали оружие не только в Тифлисской губернии, но и в Елизаветпольской губернии и Карсской области, где эта акция прошла без серьезных эксцессов с властями. В Тиф-

лисской губернии жители Горелого, решив что постники готовят нападение на Сиротский дом⁴², обратились к властям с просьбой защитить их. Власти в ответ на это обращение направили в этот район казаков и войска. Духоборы отказались снимать шапки перед прибывшим в Духоборию генерал-губернатором кн. Шервашидзе и бросили ему под ноги свои ополченческие свидетельства. Генерал-губернатор оставил в селах казаков и разрешил им навести порядок. Это наведение порядка вылилось в зверское избиение духоборов-постников, грабежи и насилие над женщинами. В начале июля 4 тыс. духоборов-постников было отправлено в ссылку в разные уезды Тифлисской губернии, где в результате непривычного климата и голода многие из них умерли. Наиболее активные участники духоборческого движения попали в тюрьмы, а затем были отправлены по этапу в Сибирь. Духоборов, отказавшихся служить, жестоко истязали в дисциплинарных батальонах. Министр внутренних дел сообщал обер-прокурору Синода в апреле 1896 г. о том, что духоборы в дисциплинарных батальонах упорно стоят на своем и все переносят терпеливо, «чем в конце концов, несомненно, ставят в крайне тяжелое положение батальонное начальство, ибо за истощением всех мер взыскания, приходится или совершенно отказаться от дальнейшего применения таковых, или же доводить наказания до степени нежелательной суровости» [44, с. 130]. Известен случай, когда отец посоветовал своему сыну солдату-духобору, отбывавшему наказание в дисциплинарном батальоне, если он не сможет вынести выпавшие на его долю страдания, отказаться от пищи и умереть, но не брать оружие. Российскому правительству пришлось заменить наказание в дисциплинарных батальонах для духоборов на 18-летнюю ссылку в Восточную Сибирь [44, с. 130—131].

Ответом на эти действия правительства стала эмиграция в 1898—1899 гг. нескольких тысяч духоборов за границу. Несмотря на это, а также на то, что действия властей в отношении духоборов получили широкую огласку и неоднозначно оценивались обществом, в дальнейшем репрессии в отношении духоборов продолжались и расценивались современниками как издевательство российских властей над духоборами. Причем такая оценка давалась не только самими духоборами или либеральными представителями общественности, а и отдельными представителями государственных структур. Военный юрист В. Кузьмин-Караваев в своей статье

⁴² Святое место духоборов, которое стало предметом имущественного спора между конкурирующими партиями (группами) духоборов в конце XX в.

«Уклонение от воинской повинности», опубликованной в журнале «Вестник Европы» в 1906 г. [91]⁴³, так описывает сложившееся положение дел. Лица, отказывавшиеся по своим убеждениям от военной службы, готовы были за это идти под суд и понести наказание. Но их за отказ от службы не судили и не наказывали. Их зачисляли (призывали) на военную службу, а потом систематически судили и наказывали за невыполнение того или иного приказа по службе. Так, за первый случай неповиновения их отправляли в дисциплинарные батальоны, а там бесчеловечно секли, нанося от 100 до 300 ударов, или содержали в карцере. Если карцер и розги не приводили к тому, что человек отказывался от своих пацифистских убеждений или по состоянию здоровья не мог продолжать военную службу, его переводили «досиживать срок» в тюрьму гражданского ведомства [91, с. 760].

В Российской империи репрессии применялись не только к последователям сектантских вероучений, отрицающих военную службу. Аналогичным репрессиям со стороны властей Российской империи подвергались и другие подданные, отказывающиеся от военной службы по причине своих убеждений. Показательным примером в этом плане является случай с молодым сельским школьным учителем из крестьян Евдокимом Никитичем Дрожжиным [91, с. 760—762]. Случай этот в начале 90-х гг. XIX в. стал известным широким слоям общественности (скорее всего не только российской, но и зарубежной, поскольку книга, где описывался этот случай, в России была запрещена и поэтому была издана за границей) и властям разного уровня. В силу всего этого данный случай заслуживает более детального рассмотрения и анализа.

Е. Н. Дрожжин по своим убеждениям был толстовцем. За несколько лет до отказа служить он стал приверженцем идеи христианского непротивления после тщательного изучения работ Л. Н. Толстого на эту тему. Когда наступило время его призыва на военную службу, он явился в военное присутствие и открыто за-

⁴³ В данной статье рассматривается проблема уклонения от воинской повинности. В статье отмечается, что российская судебная практика еще в конце 80-х гг. XIX в. показала, что изложенная конструкция преступного уклонения от военной службы и от исполнения воинской повинности оставляет огромный пробел. Пробел этот составляют случаи отказа от военной службы по причинам религиозным и политическим, с которыми приходится встречаться в России уже почти 20 лет, как с явлением далеко не единичным. Именно поэтому в статье уделяется самое пристальное внимание сложившейся судебной-юридической практике в отношении граждан, отказывающихся вследствие своих убеждений от военной службы.

явил о том, что он, в соответствии со своими убеждениями, отказывается от военной службы и принятия присяги. При этом он был готов понести наказание за свой двойной отказ, но не отступить от своих убеждений. Власти к его заявлению отнеслись безразлично и внесли его фамилию в списки лиц, зачисленных на действительную военную службу. Списки эти прочли «во всеуслышание», что означало в то время для Е. Н. Дрожжина официальное начало его военной службы (именно так это трактовалось и главным военным судом). Таким образом, налицо стремление российских властей юридически сделать из призывника, отказывающегося от прохождения военной службы, военнослужащего. Для лучшего понимания действий властей необходимо оговорить особенности правового регулирования ответственности отказника от военной службы в то время. Отказ от несения военной службы составлял преступное деяние как для лиц, подлежащих призыву, так и для лиц уже проходящих военную службу. Однако в зависимости от статуса отказника, такое деяние попадало под разную юрисдикцию и влекло за собой разную меру ответственности. Так, лица, подлежащие призыву, но еще не ставшие военнослужащими, попадали под общую уголовную ответственность, а для лиц, состоящих на действительной военной службе, отказ от выполнения ее обязанностей трактовался уже как воинское преступление и, соответственно, влек за собой более суровое наказание в соответствии с военно-уголовными законами.

Сразу после того, как Е. Н. Дрожжин официально стал солдатом, военное начальство предприняло попытки изменить его негативное отношение к военной службе. Для этого использовался метод «кнута и пряника»: Е. Н. Дрожжина наказывали, помещая в карцер; его пытались переубедить, привлекая к этому процессу православного священника. Когда все это не принесло желаемого результата, Е. Н. Дрожжина, несмотря ни на что, стали обучать наравне с другими новобранцами. Во время обучения он отказался выполнить приказ унтер-офицера взять в руки ружье и встать в строй. Этот же приказ Е. Н. Дрожжину отдавали и другие, более старшие начальники. Он по-прежнему отказывался его выполнять, просил делать с ним, что угодно, но только избавиться от военной службы, противоречащей его убеждениям. Через несколько дней Е. Н. Дрожжин был отдан под суд за умышленное неисполнение приказа, т. е. за неповиновение. На суде Е. Н. Дрожжин просил судить его за отказ от службы, но его судили за невыполнение приказа и приговорили к отдаче в дисциплинарный батальон. В дисциплинарном батальоне

ему вновь отдали приказ взять в руки ружье, а за отказ выполнить этот приказ его опять обвинили в неповиновении. За подобное правонарушение Е. Н. Дрожжин мог быть наказан розгами, но поскольку он по своим правам был освобожден от телесных наказаний, то ему увеличили срок пребывания в дисциплинарном батальоне на один год. Потом эта история неоднократно повторялась и в итоге Е. Н. Дрожжин за полтора года, которые он числился на военной службе, был приговорен в общей сложности к 14 годам пребывания в дисциплинарном батальоне. Е. Н. Дрожжин обращался с прошениями сослать его на поселение в Сибирь или хотя бы на каторгу. На одно из таких прошений Е. Н. Дрожжин получил положительный ответ: его готовы были сослать в Сибирь, но только после того, как он отбудет весь положенный ему по приговорам срок пребывания в дисциплинарном батальоне. Не выдержав всех этих мучений, он заболел, был признан негодным по состоянию здоровья к дальнейшей военной службе. Однако это не означало обретения им свободы, а означало только то, что больше его не будут судить за неповиновение и не будут увеличивать срок пребывания в дисциплинарном батальоне. Оставшийся срок наказания он должен будет вместо дисциплинарного батальона провести в тюрьме. Пробыв в тюрьме несколько недель, Е. Н. Дрожжин умер⁴⁴.

Приведенный выше пример с Е. Н. Дрожжиным свидетельствует и о том, что российские власти в своей политике по отношению к отказам от воинской службы по убеждениям не делали каких-либо исключений для последователей религиозно-философского учения Л. Н. Толстого. Более того, отдельные факты свидетельствуют о том, что некоторые представители власти относились к толстовцам с особой опаской и такой подход не лишен оснований. Достаточно сказать, что Л. Н. Толстой за свои проповеди был отлучен от

⁴⁴ В чем-то похожая судебно-юридическая практика в отношении юношей, отказывающихся по своим убеждениям от призыва на военную службу, сложилась и в СССР. Их могли судить и лишить свободы за отказы от военной службы не один раз. В своей статье «Наш атеизм и наш гуманизм» М. Г. Михайлов так описывает сложившуюся судебно-юридическую практику в отношении последователей Свидетелей Иеговы, отказывающихся от военной службы. За отказ от воинской службы по причине религиозных убеждений юноши приговаривались к трем годам лишения свободы. Когда по истечении этого срока они освобождались, их снова призывали на военную службу, поскольку они еще, как правило, пребывали в призывном возрасте. Если следовал повторный отказ, призывников опять судили и подвергали лишению свободы за убеждения. Теоретически, а может и практически, гражданин мог быть осужден и третий раз, если после второй «отсидки» по возрасту еще подлежал призыву, т. е. не достигал 26-летнего возраста [108, с. 73—74].

церкви, но его последователей это не отпугнуло, и в первые годы XX в. в России возникло организованное пацифистское движение.

Описанные выше и другие аналогичные примеры отказов граждан от воинской службы, применяемые к ним наказания, носящие в ряде случаев незаконный характер, очевидно, не прошли незамеченными для высших эшелонов российской власти. 5 августа 1896 г. было издано Высочайшее повеление, в соответствии с которым граждане, отказывающиеся вследствие своих убеждений от военной службы, подлежали высылке в Сибирь сроком на 18 лет. Как раз примерно такой срок и должен был в то время проводить подданный Российской империи на действительной военной службе и службе в запасе. 26 февраля 1905 г. повеление о ссылке в Сибирь было отменено (на этом основании 72 человека, высланных туда ранее, получили право покинуть Сибирь) [91, с. 762].

Дальнейшего правового регулирования проблема лиц, отказывающихся от военной службы по убеждениям, не получила. В приказе по военному ведомству № 522 от 20 августа 1906 г. было объявлено, что Государь Император, исходя из доклада объединенного собрания главных военного и военно-морского судов об установлении наказания за уклонение от выполнения воинской повинности, 18 августа 1906 г. соизволил постановить: «За упорный отказ с целью совершенного уклонения от исполнения воинской повинности, от несения строевой или нестроевой службы, виновный подвергается: лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантския отделения на время от четырех до шести лет, — или лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на время от четырех до шести лет» [91, с. 756]. В результате, несмотря на провозглашенную Николаем II «религиозную свободу», под действие этого закона сразу же попадали лица, в силу своих религиозных убеждений отказывающиеся от несения военной службы.

Вернемся к приводимому ранее примеру с А. И. Кудриным. Получив осенью 1905 г. повестку, он на сборном пункте отказался нести военную службу, мотивируя свой отказ заповедями, изложенными в учении Христа. Аналогичный отказ последовал от еще одного призывника — С. Шнякина. Несмотря на их отказы обоих направили служить, причем в разные полки. В полку А. И. Кудрина пытались переубедить, уговаривали служить в нестроевой роте. На эти уговоры А. И. Кудрин отвечал, что нестроевая служба помогает строевой службе, и вместе они совершают одно преступление —

убийства. В итоге в ноябре 1906 г. над А. И. Кудриным состоялся суд, приговоривший его к пяти годам лишения свободы. А. И. Кудрин провел в арестантских ротах 3 года и 9 месяцев, а затем был условно досрочно освобожден [140, с. 9—23].

В 1915 г. в г. Смоленске Н. А. Яхновский отказался брать в руки оружие, обучаться военному делу и даже возить хлеб на позиции, поскольку это, по его мнению, вело к продолжению боев. По решению батальонного командира Н. А. Яхновскому устроили инсценировку казни: кололи штыками, на концы которых были надеты резиновые наконечники [38, л. 13—14]. Приведенные примеры показывают и то, что карательные меры, принимаемые к отказникам представителями властных структур, носили как законный, так и незаконный характер. Незаконная составляющая имевших место в Российской империи репрессий в отношении лиц, отказывающихся от отбывания воинской повинности, естественно, нигде не фиксировалась, за исключением отдельных случаев, ставших в силу различных обстоятельств достоянием гласности. Вследствие этого сложно точно оценить подлинный масштаб и характер этих репрессий в целом.

По данным В. Г. Черткова в начале XX в. в Российской империи сложилась следующая юридическая практика наказания подданных, отказывающихся по своим убеждениям от воинской повинности. До Первой мировой войны российское правительство не считало нужным слишком строго карать отказников. Максимальным наказанием было шесть лет заключения в арестантских отделениях. Во время Первой мировой войны военные власти постепенно ужесточали наказание за открытое неподчинение вследствие религиозных убеждений законам о воинской повинности. В число этих наказаний входили: дисциплинарный батальон — до 3 лет, каторжные работы — сначала 4 года, затем — 8, 10, 12, 15, 20 лет. К началу 1917 г. отказникам стали назначать наказание в виде бессрочной каторги [38, л. 12].

Таким образом, к лицам, отказывающимся нести воинскую повинность по причине своих убеждений, государством применялись различные меры воздействия. В их числе: высылка вместе с семьями, лишение работы, земли, побои, телесные наказания, фиктивные казни и другие виды глумлений, насильственное отправление в армию, в том числе в действующую, направление в военно-карательные части, присуждение к различным срокам каторги — молодых до 20-летней, многодетных — до бессрочной, лишение духовной пищи путем отобрания Библии и Евангелия и т. п. [38, л. 13].

Далеко не все меры воздействия на «отказников» носили законный характер. Отчасти такое положение обуславливалось и имевшими место пробелами в законодательстве.

Анализируя запретительную политику, проводимую в Российской империи по отношению к лицам, отказывающимся проходить военную службу, еще раз подчеркнем ее неоднородность. Так, в период с начала XIX в. и до Первой мировой войны отмечается тенденция к некоторому смягчению этой политики. Вступление России в войну привело к ужесточению государственной политики по отношению к лицам, отказывающимся от воинской службы. Основная причина этого видится в том, что тяжелая и длительная война неизбежно вела к усилению негативного отношения к ней со стороны подавляющей части населения. Убедительным доказательством такого отношения служит стремительный рост числа дезертиров. В этой ситуации сектанты уже могли не опасаться обвинений в отсутствии патриотизма, как это было в начале войны. Число отказников от военной службы из числа религиозных сектантов увеличилось, а это, в свою очередь, потребовало от властей принятия соответствующих мер.

3.1.2.3. Разрешительное направление российской государственной политики в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений

Второе направление политики Российской империи относительно отказов от воинской повинности вследствие убеждений — разрешительное. Именно разрешительное направление в политике органов власти и управления России, несмотря на свою исключительность, представляет первоочередной интерес с учетом запросов современности. В силу этого данное направление политики Российской империи нуждается в более подробном рассмотрении.

Как уже отмечалось, российскими властями предпринимались определенные попытки решить проблему отказов вследствие убеждений от воинской повинности, встав на путь некоторых уступок. К таковым можно отнести неофициальное направление отказников на нестроевые должности, проявляющуюся в определенные периоды российской истории тенденцию к смягчению наказания за идейные отказы от несения военной службы. Интересными в этой связи представляются и следующие факты.

После появления указа Александра I об освобождении сектантов из ссылок и тюрем и поселения духоборов в Таврической губер-

нии, где они могли свободно отправлять свои обряды, духоборы в 1805 г. обратились к царю с прошением вместо рекрутов, которых они должны были поставлять, выплатить определенную сумму денег. Основанием для такой замены называлось значительное число стариков и увечных. Практика такой замены для тех, кто проживал в приграничной полосе шириною в 100 верст, была в то время узаконена. Первоначально в ответ на это прошение Александр I велел брать у духоборов малолетних детей для нужд флота. В 1813 г. три поселения духоборов все же получили право заплатить в казну по одной тысячи рублей вместо каждого рекрута, которого они должны были поставить. В 1834 г. было разрешено причислять к своим общинам живших рядом ногайцев, а затем нанимать их за деньги в рекруты. Однако в силу того, что обходилась такая замена очень дорого — 2600 руб., воспользоваться такой возможностью избежать военной службы смогли только единицы. В итоге большинство молодых духоборов, попадавших под рекрутскую повинность, напутствуемые наказом своих родителей не стрелять в людей, вынуждены были идти на военную службу и даже участвовали в Крымской войне. Некоторые из них дезертировали и скрывались в духоборческих селениях [44, с. 125—126].

Несмотря на приведенные выше примеры, разрешительное направление российской государственной политики в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений имеет смысл рассматривать главным образом применительно к меннонитам. Анализ российской государственной политики по отношению к меннонитам и их вероучению будет более глубоким и полным, если рассматривать эту политику в сравнении с аналогичной политикой, проводимой в других государствах, где проживали меннониты. Рассмотрим основные составляющие этой политики.

Государственная политика, проводимая в европейских странах относительно освобождения меннонитов от военной службы начала формироваться еще во второй половине XVI в. Тогда и в последующем эта политика не отличалась ни однородностью, ни стабильностью. Возможность освобождения не всегда предоставлялась властями, а если и предоставлялась, то условия освобождения постоянно менялись, подчас делая его невозможным для многих меннонитов. Данная тенденция обусловлена множеством факторов. К основным факторам можно отнести: обособленность меннонитов, неприятие властями и обществом их религиозной веры; многочисленные войны; систему комплектования вооруженных сил;

слабую централизацию государственной власти; авторитаризм правителей; отсутствие соответствующих правовых норм, как международных, так и государственных.

Первоначально освобождение меннонитов от службы с оружием в руках не носило правового характера, а выступало как компромисс, достигнутый на уровне личных отношений между меннонитами (их представителями) и правителями государств, территорий, где они проживали. Компромисс этот не всегда закреплялся документально, а существовал подчас в форме устной договоренности. Такое освобождение было не столько правом, сколько милостью, оказанной меннонитам тем или иным правителем. Соответственно, оно во многом зависело от субъективных факторов: от личностных особенностей правителей и от умения представителей меннонитов учитывать эти особенности и добиваться взаимопонимания с этими правителями. Даже в тех случаях, когда освобождение меннонитов от военной службы носило правовой характер и было закреплено в тех или иных источниках права, на местах получить такое освобождение не всегда удавалось. Так, в Голландии проблема отрицания меннонитами использования оружия в военных целях впервые перешла в практическую плоскость, начиная с 1568 г., во время войны против Испании уже после смерти С. Менно. В 1572 г. меннониты собрали деньги и передали их принцу Уильяму Оранжевому (William Orange), руководившему вооруженной борьбой против Испании. При этом делегаты от меннонитов сказали принцу, что собранные деньги — это дар, а не ссуда, и он может использовать их по своему усмотрению. Дар должен был сделать и сделал принца более лояльным по отношению к отказам меннонитов от применения оружия. В 1575 г. в Голландии был издан указ, освобождающий меннонитов, независимо от их принадлежности, от обязанности выступать с оружием в руках против вражеского нападения. При этом меннониты были обязаны принимать участие в строительстве оборонительных сооружений, в частности, рыть окопы. Данный указ можно рассматривать как первый законодательный акт, в котором зафиксировано право на отказ от военной службы по убеждениям. Однако уже в 1576 г. муниципалитет Мидделбурга под давлением патриотично настроенной общественности предложил меннонитам служить с оружием в руках и принимать присягу или потерять право на торговлю в городе. Принцу Уильяму пришлось неоднократно вмешиваться в сложившуюся ситуацию для того, чтобы местные власти

были более терпимы к отказам меннонитов от службы с оружием в руках [208, с. 101—103].

По приведенной выше схеме меннониты получали особые милости, в том числе и относительно военной службы, и от других европейских правителей. В 1642 г. польский король Владислав IV в обмен на денежное пожертвование королевскому казначейству от меннонитов, проживающих в дельте реки Висла, предоставил им льготы в вопросах военной службы. Аналогичным образом поступали и преемники польского короля. Король Пруссии Фридрих II характеризовался как просвещенный человек, отличающийся веротерпимостью и стремлением развивать все религии одинаково. Отказ меннонитов от использования оружия в военных целях воспринимался им как неотъемлемая часть их религиозной веры. После того как поселения меннонитов в дельте Вислы попали под управление Пруссии, в 1774 г. меннониты были освобождены от военной службы в обмен на ежегодный взнос в 5 тыс. талеров, предназначенный для содержания военной академии. В 1780 г. меннониты, проживающие в дельте реки Вислы, получили от прусского короля Фридриха II освобождение от военной службы «навсегда» за то, что они добросовестно выполняли свои обязательства и своевременно вносили деньги на содержание военной академии [207, с. 115—117]. Однако «навсегда» освободить меннонитов от службы с оружием в руках не получилось. С середины XIX в. в Германии начал активно дебатироваться вопрос о лишении меннонитов всех привилегий в отношении военной службы [207, с. 125—126].

Государственная политика освобождения меннонитов от военной службы значительно затруднялась в связи с переходом той или иной страны к комплектованию вооруженных сил путем введения всеобщей воинской обязанности, когда служить должен был каждый здоровый мужчина. В этом случае льгота, предоставляемая меннонитам, становилась очевидной и могла привести к возникновению (или обострению) ряда взаимосвязанных проблем. Во-первых, ситуация, когда большинство призывников были обязаны нести тяготы и лишения воинской службы, а меннониты совершенно законно этих тягот и лишений избегали, могла восприниматься большинством населения как социальная несправедливость. Абсолютизация меннонитами христианского принципа «не убивай» вряд ли могла быть признана в то время большинством европейских жителей как достаточно веское основание для освобождения от обязательной военной службы. В августе 1848 г. при обсуждении

в парламенте новой конституции Германии дискутировался и вопрос об освобождении меннонитов от военной службы. При этом подчеркивалось, что в более ранние времена меннониты в Пруссии от нее освобождались. Однако тогда не было всеобщей воинской повинности, поэтому предоставление меннонитам такого освобождения не нарушало права других лиц. После того как эта повинность будет введена, любое исключение надо рассматривать как ненормальное [207, с. 125—126]. Во-вторых, получая от государства льготы по освобождению от воинской повинности, меннониты нередко тем самым противопоставляли себя обществу и легко попадали под обвинение в отсутствии патриотизма. Ведение войн или их угроза, а также введение всеобщей воинской повинности еще больше усугубляли это обвинение. В 1711 г. Бернское городское правительство разрешило всем желающим меннонитам уезжать в Голландию. Главной причиной предоставления такого разрешения стало нежелание меннонитов клясться в преданности и брать в руки оружие в случае критического положения страны, что делало меннонитов «плохими гражданами» [207, с. 140]. В июне 1790 г. Французское Национальное собрание постановило, чтобы все здоровые мужчины регистрировались для несения караульной службы. Меннониты попросили об освобождении от регистрации и получили его. В 1792 г. Франция была вовлечена в войну и оказалась под угрозой вторжения. Тогда любой гражданин, не желающий защищать родину с оружием в руках, стал восприниматься патриотично настроенными французами как человек, не заслуживающий доверия. Отказ меннонитов давать гражданскую клятву привел к тому, что их стали подозревать во враждебности к новому демократическому порядку [207, с. 143]. В-третьих, освобождение меннонитов от всеобщей воинской повинности могло создать прецедент — послужить примером и оправданием отказов от военной службы другими группами населения. Так, например, во Франции в одном из сообщений, датированным 16 ноября 1792 г., отказ меннонитов служить с оружием в руках назывался опасным принципом, поскольку он мог распространиться и на других граждан [207, с. 144].

Освобождение меннонитов от военной службы не было полным и безвозмездным. Такое освобождение всегда предполагало замену службы с оружием в руках на другую обязанность. Причем возлагаемые на меннонитов альтернативные обязанности нередко включали косвенную поддержку меннонитами военных действий. Нестабильность государственной политики в отношении осво-

бождения меннонитов от военной службы наглядно проявлялась и в непостоянстве обязанностей, заменяющих эту службу.

Содержание обязанностей, составляющих альтернативу военной службе, зависело от многочисленных факторов. К таким факторам прежде всего следует отнести государственную политику, проводимую в отношении меннонитов (часто и политику, проводимую местными властями) в странах, где они проживали. Кроме того, немаловажное значение имели особенности того или иного исторического периода, в частности, находилась ли страна в условиях войны или нет, какой принцип был положен в основу комплектования вооруженных сил. Обязанности, возлагаемые на меннонитов взамен военной службы, зависели также и от стойкости меннонитов в соблюдении своих пацифистских принципов. Диапазон этих обязанностей был достаточно широк: добровольные денежные пожертвования, налоги, нахождение себе замены в виде добровольца с оплатой его услуг, выполнение в вооруженных силах различных обязанностей, не связанных с непосредственным применением оружия. Попытаемся, начиная с XVI в., обобщить и классифицировать альтернативные обязанности, возлагаемые в европейских государствах на меннонитов взамен военной службы.

Во-первых, в качестве обязанности, заменяющей несение военной службы, достаточно широко использовалась выплата денежных сумм. Это могло быть просто добровольное пожертвование или денежная сумма в виде налога. Требования властей относительно величины этой суммы менялись, менялись и принципы ее сбора. Заранее оговоренное количество денег могло вноситься ежегодно общиной меннонитов сразу за всех ее членов, подлежащих призыву на военную службу (коллективный налог). Практиковался и иной подход к сбору налога: за освобождение от военной службы. Установленную сумму платил сам призывник или его семья (индивидуальный налог).

Добровольные пожертвования денег имели место и во время войны Голландии с Англией (1665—1667), и с Францией (1672—1673). Причем эти пожертвования могли носить целевой характер. Так, одно из денежных пожертвований того времени было предназначено для строительства военных кораблей [207, с. 103]. Другой пример — ежегодный коллективный налог на меннонитов в размере 5 тыс. талеров, предназначенный на содержание военной академии в Пруссии. Приведем примеры сбора индивидуального налога с меннонитов взамен воинской повинности. В мае 1830 г.

прусский король Фридрих Уильям III в ответ на обращение меннонитов разрешил им платить 3 % подоходного налога в обмен на освобождение от воинской повинности [207, с. 121]. В середине XIX в. на юге Германии в Баварии с меннонита, подлежащего призыву на военную службу, взимался налог примерно в тысячу гульденов [207, с. 123—124].

Денежные средства, собранные с меннонитов, часто использовались на военные нужды, и это обстоятельство от меннонитов не скрывалось. Тем самым меннониты осознанно способствовали убийствам людей, пусть даже и врагов. Однако, невзирая на это, выплата денежных сумм была вполне приемлемой для меннонитов обязанностью, заменяющей военную службу. Подтверждением тому служит отсутствие принципиальных протестов против взимания такого налога. Недовольство у меннонитов в то время могла вызвать величина налога или его коллективный характер (против коллективного налога протестовали те семейства меннонитов, которые не имели сыновей), но не его предназначение. Скорее всего это обусловлено тем, что другие обязанности, выполняемые меннонитами взамен военной службы, в еще большей степени противоречили их вероучению.

Во-вторых, от меннонитов, подлежащих призыву на военную службу, власти нередко требовали подобрать себе замену для несения этой службы. Человека, который шел служить вместо меннонита, чаще всего необходимо было обеспечить всем необходимым для службы, а самое главное — оплатить ему его услугу. Эта оплата производилась меннонитом-призывником или его семьей. В одном из швейцарских кантонов во второй половине XVIII в. меннонит, отказывающийся от службы в милиции, или его семейство должны были одеть и вооружить милиционера, который будет проходить службу вместо меннонита-призывника. Большинство меннонитов были не в состоянии обеспечить себе такую замену из-за отсутствия материальных средств. Сообщество меннонитов в 1786 г. предложило свой вариант замены военной службы. Согласно ему призывник должен был ежегодно отрабатывать по одному месяцу. Власти отвергли это предложение [207, с. 141]. В середине XVIII в. во время войны в городе Данциг меннонитов обязали предоставлять вместо себя для несения военной службы не одного человека, а двух, снабдив их при этом необходимыми припасами [207, с. 116].

Надо полагать, что поиск замены был непростой обязанностью в сравнении с выплатой государству определенных денежных

сумм. Деньги за освобождение все равно надо было платить, пусть и не государству, а тому человеку, кто соглашался идти на службу. При этом такого человека еще надо было и найти, что не всегда было простой задачей, поскольку ведение боевых действий в то время было далеко не редкостью, сроки службы были довольно продолжительными. К примеру, в XVIII в. в Германии человек, заменяющий меннонита, должен был прослужить в милиции 6 лет [207, с. 114]. Таким образом, человеку, проходившему в то время военную службу, угрожала реальная опасность быть убитым или покалеченным. Вполне очевидно, что в таких условиях подобрать замену было нелегко, да еще и недешево. К тому же, выставляя вместо себя замену, меннониты подталкивали других людей к убийству, вводя тем самым их и себя в грех. Отметим и то, что обязанность в виде предоставления меннонитами вместо себя замены для несения воинской повинности имела смысл главным образом тогда, когда комплектование вооруженных сил не осуществлялось на основе всеобщей воинской повинности.

В-третьих, налагаемая на меннонитов обязанность, заменяющая военную службу, могла представлять собой альтернативную службу. В основном в рамках альтернативной службы меннониты выполняли работы, обеспечивающие ведение боевых действий, но не связанные с непосредственным использованием оружия, т. е. меннониты выступали как *нонкомбатанты*. Меннониты привлекались к строительству оборонительных сооружений, участвовали в тушении пожаров, исполняли обязанности санитаров, погонщиков, ремесленников. Так, в Голландии, начиная с XVI в., во время ведения войн меннониты рыли окопы, тушили пожары, помогали обеспечивать войска питанием и даже действовали как шпионы, поскольку, будучи торговцами, имели доступ во вражеский лагерь [207, с. 102—104].

В изученных источниках практически не встречается описание случаев реального направления европейских меннонитов на альтернативную службу, носящую исключительно гражданский характер, т. е. на службу, которая никак не была связана с ведением боевых действий, их обеспечением или подготовкой к ним. Однако в рассматриваемый период предложения направлять меннонитов именно на такую службу поступали. Так, в Швейцарии в 1737 г. было внесено предложение направлять меннонитов, отказывающихся служить в милиции, на работы в соляные шахты [207, с. 140].

Альтернативная служба в качестве лиц, входящих в качестве обслуживающего персонала в состав вооруженных сил, но не при-

нимающих непосредственного участия в ведении военных действий (например, медицинский персонал), устраивала меннонитов в меньшей степени, чем различные денежные выплаты взамен воинской повинности. Обеспечение боевых действий в качестве нонкомбатантов предполагало близость к местам их ведения, а значит, вполне реальной была возможность возникновения критических ситуаций, когда от нонкомбатанта требовалось применение оружия. Наряду с этим меннониты, надо полагать, понимали, что их личное участие в обеспечении боевых действий косвенно способствует вооруженному насилию.

В исследуемый период у меннонитов иногда был выбор относительно обязанностей, заменяющих военную службу. Иногда такого выбора не было, и власти настаивали, к примеру, на том, чтобы меннониты, подлежащие призыву, подбирали и снаряжали вместо себя на военную службу других людей. К обязанностям, которые меннониты должны были выполнять взамен воинской службы, иногда добавлялось поражение в правах меннонитов, отказывающихся служить. В мае 1830 г. король Фридрих Уильям III в ответ на обращение разрешил меннонитам-отказникам платить 3 % подоходного налога в обмен на освобождение от военной службы. Наряду с этим отказники подвергались некоторым ограничениям в правах. Те же меннониты, которые принимали военную службу, пользовались такими же правами, что и остальная часть населения.

В европейских странах в XVI—XIX вв. в основе государственной политики по предоставлению меннонитам привилегий, в том числе и освобождению от воинской повинности, лежали главным образом государственные экономические интересы. Труд меннонитов (чаще всего сельское хозяйство или торговля) был эффективным и способствовал укреплению экономического потенциала стран, где меннониты проживали. В большинстве случаев стремление властей найти компромисс с меннонитами, привлечь их для поселения на своих территориях основывалось не на веротерпимости и признании права следовать своим убеждениям, а на желании с помощью труда меннонитов укрепить экономический потенциал государства. Так, в дельте реки Вислы меннониты в XVII в. осушали болота, а на их месте успешно выращивали сельскохозяйственную продукцию. Меннониты успешно торговали, были хорошими моряками. За это польские власти мирились с отказами меннонитов от участия в вооруженной защите земель, на которых они проживали [207, с. 115]. Другие примеры готов-

ности меннонитов материально поддерживать государственную политику стран их пребывания, в том числе и военную, выше уже приводились.

Однако, как уже отмечалось, меннонитам не всегда удавалось находить компромиссные решения с властями стран, где они проживали, в том числе и по вопросам освобождения от воинской повинности. В 1774 г. прусский король Фридрих II издал указ о высылении меннонитов за пределы прусского государства [55, с. 6]. Ранее притеснения меннонитов в Пруссии выражались в запрете покупать землю, постоянной угрозой быть призванными на военную службу и т. п. Положением меннонитов в Пруссии воспользовалось русское правительство Екатерины II. К прусским меннонитам был отправлен уполномоченный Траппе с предложением о переселении в Россию [141, с. 8]. Приезжали в Россию и сами представители меннонитских общин Пруссии для переговоров об условиях переселения [55, с. 6]. Правительство России в случае переселения предложило меннонитам следующие правовые и экономические привилегии: 1) свободное отправление религиозных обрядов; 2) освобождение от отбывания воинской повинности; 3) наделение каждой меннонитской семьи землей в размере 65 десятин; 4) десятилетнее освобождение от всех податей; 5) выдача на каждое хозяйство беспроцентной десятилетней ссуды в 500 рублей и т. д. [141, с. 8]. При этом для переселенцев вводился денежный ценз. Для прусских меннонитов он составлял 350 талеров. С точки зрения освобождения от военной службы предложение российских властей, надо полагать, было крайне заманчивым, поскольку безвозмездное освобождение меннонитов от военной службы в рассматриваемый период в странах Европы практически не встречалось. Не менее заманчивыми были и другие обещанные привилегии. Если на территории Пруссии меннониты занимались осушением болот и только потом эти земли отходили в собственность меннонитов, то в России поселенцам не должны были даже предлагать непригодные к земледелию участки [59, с. 19]. Другими словами, Россия предложила меннонитам то, чего многим из них не доставало в других странах: свободу вероисповедания, освобождение от воинской повинности, возможность трудиться и все необходимое для труда, в том числе и значительные материальные льготы. Кроме того, с географической точки зрения для меннонитов Россия была все же ближе, нежели Северная Америка, что упрощало процесс переселения.

Отметим, что для Пруссии отъезд меннонитов из страны был нежелателен по экономическим соображениям. В самом начале XIX в. власти Пруссии всячески стремились воспрепятствовать эмиграции прусских меннонитов в Россию. В этих целях частично были восстановлены привилегии меннонитов относительно несения военной службы, отменены ограничения на покупку ими земли [207, с. 119].

Привлечение меннонитов в Россию и предоставление им льгот было продиктовано экономическими и политическими интересами России, но никак не стремлением предоставить меннонитам возможность следовать принципам своего вероучения. Опыт проживания меннонитов в других странах позволял надеяться на то, что меннониты успешно освоят и закрепят за Россией завоеванные ею земли, будут служить примером ведения культурного земледелия для местных крестьян. Кроме того, меннониты были лояльны к властям, а это было также важно для российского государства, пережившего восстания С. Разина и Е. Пугачева, тем более, что эти восстания как раз и были на территориях, отведенных под поселение меннонитов. Лояльность меннонитов должна была гарантироваться и предоставленными им льготами.

Политику царского правительства России относительно освобождения меннонитов от военной службы можно разделить на два периода. Первый период — с момента переселения меннонитов в Россию в 1789 г. и до начала военной реформы 1874 г., второй — от военной реформы 1874 г. и до Октябрьской революции. В качестве основания для такого деления может выступать военная политика российского государства и, в частности, система комплектования его вооруженных сил.

В рамках первого периода в России существовала регулярная армия и военно-морской флот, которые комплектовались на основе рекрутской повинности. Рекрутская повинность налагалась на податные сословия (крестьян, мещан и др.), которые выставляли от своих общин определенное число рекрутов. Вместо рекрутской повинности меннониты обязывались предоставлять на общем основании квартиры и подводы в случае прохождения через их селения войск, содержать в исправности дороги, мосты и паромы, оказывать помощь в доставке почты. Некоторые радикально настроенные меннониты, как отмечалось выше, сочли и такие обязательства недопустимой уступкой властям [207, с. 155]. Конечно, и в этих обязательствах можно было усмотреть косвенную поддержку войны, а следовательно, и убийств. Но относительно европейских

стран, где проживали меннониты до переселения в Россию, такое освобождение от военной службы в тот период можно признать полным и безвозмездным. Российское правительство не раз давало понять меннонитам, что высоко ценит их преданность русским во время ведения боевых действий. Некоторые из лидеров меннонитов в конце Крымской войны были награждены медалями [207, с. 155—156]. Советские авторы отмечают, что в честь подвига меннонитов в Крымской войне в Гальбштадте (Молочанский округ) был установлен памятник [141, с. 25]. Когда в конце Русско-турецкой войны (1877—1878) представители меннонитов ездили в Симферополь для того, чтобы поздравить царя с окончанием боевых действий, царь выразил им благодарность и свои сожаления в связи с тем, что многие меннониты уезжают из страны [44, с. 155]. Меннониты оказывали поддержку властям и в других вопросах. В 1848 г. во время революции в Европе представители меннонитских общин направили русскому царю послание, в котором заверяли его в своей готовности помочь правительству в борьбе с революционерами и безбожниками [55, с. 9]. Таким образом, в рамках первого периода освобождения российских меннонитов от военной службы, продолжавшегося около 85 лет, каких-либо существенных проблем, связанных с этим освобождением не возникало ни со стороны самих меннонитов, ни со стороны представителей власти, так как стороны полностью соблюдали взятые на себя обязательства.

В 60—70-е гг. XIX в. в числе проводимых в Российской империи реформ была изменена и система комплектования российских вооруженных сил. С 1 января 1874 г. была введена всесословная личная воинская повинность. С этого момента начался второй период истории освобождения меннонитов от военной службы в России. В соответствии с измененной системой комплектования призыву в армию и на флот подлежали все мужчины, достигшие 21 года. Призывались они на 15 лет, но действительная военная служба составляла только 6 лет (на флоте на 1 год больше), после этого военнослужащих отпускали домой. Оставшиеся 9 лет — служба в запасе, когда военнослужащий обязывался немедленно продолжить службу в случае необходимости. Количество лиц, подлежащих призыву, в те годы намного превышало потребности армии и поэтому все, кто не попадал под освобождение от службы, тянули жребий и таким образом определяли тех, кто будет проходить военную службу. Оставшиеся лица призывного возраста зачислялись в ополчение и подлежали призыву в военное время или при необходимости.

В ополчении они состояли до достижения ими 40-летнего возраста. Примерно в это же время ряд европейских стран, где проживали меннониты, также переходили к использованию принципа всеобщей воинской повинности при комплектовании вооруженных сил. Так, в Пруссии всеобщая воинская повинность была введена в 1868 г. [207, с. 156]. В 1874 г. в Швейцарии была обнародована новая федеральная конституция, предусматривающая введение всеобщей воинской обязанности [245, с. 142].

Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. повлекло за собой изменения в политике российского правительства в отношении освобождения меннонитов от военной службы. В перспективе это освобождение уже не должно было быть полным и безвозмездным. Льготы по освобождению от воинской повинности сохранялись в течение 20 лет со времени переселения только за меннонитами, «поселившимся новыми колониями по правилам 19-го ноября 1851 года в Империи, а равно меннонитам, водворившимся новыми колониями на владельческих землях на основании утвержденного Нами 18-го декабря 1861 года мнения Государственного Совета...» [185, с. 7]. Меннониты, проживающие в Российской империи, но не попадающие под перечисленные выше положения, освобождались от воинской повинности сроком на 6 лет [185, с. 7]. В дальнейшем меннониты подлежали призыву на военную службу, но могли быть назначены только на нестроевые должности при госпиталях или мастерских военно-сухопутного или морского ведомства и тому подобных заведениях, при этом они освобождались от ношения оружия. Это правило не распространялось на тех меннонитов, которые присоединялись к общине меннонитов или прибывали из-за границы для поселения в России уже после 1 января 1874 г. [185, с. 57].

В итоге по истечении определенного времени (максимум через 20 лет) воинская повинность однозначно распространялась и на меннонитов. Вопрос был только в характере службы, которую меннониты должны были нести в рамках этой повинности. Тем самым правительство России снимало с себя изначально взятые обязательства по освобождению меннонитов от воинской повинности. Вполне очевидно, что российская государственная политика в отношении освобождения меннонитов от воинской повинности становилась аналогичной политике европейских стран, в которых меннониты проживали до переселения в Россию. Отличие, если и было, то состояло только в том, что большинство меннонитов получило отсрочку от отбывания воинской повинности.

О готовящейся в России военной реформе и отмене льгот по освобождению от военной службы меннониты узнали еще до введения в действие Устава о воинской повинности (Высочайше утвержденного 1 января 1874 г.), узаконившего всеобщую воинскую повинность. 4 ноября 1870 г. правительство России объявило о готовящейся военной реформе и изменении системы комплектования вооруженных сил, ведущих к отмене привилегий меннонитам, связанных с их освобождением от воинской повинности. Двумя годами ранее в Пруссии была введена всеобщая воинская повинность со всеми вытекающими для прусских меннонитов последствиями. Тем не менее для российских меннонитов, питавших надежду на то, что военная реформа не затронет их интересы и прилагавших для этого определенные усилия, отмена льгот по освобождению от военной службы, скорее всего, была неожиданной [207, с. 156].

Узнав о намечающейся военной реформе и предполагаемых изменениях в российской политике, руководители общин меннонитов попытались разрешить возникшую проблему с воинской повинностью посредством переговоров с правительством России. В январе 1871 г. в столицу была послана делегация меннонитов из шести человек, которой было поручено внимательно изучить положения военной реформы и по возможности договориться с властями о сохранении за меннонитами права на освобождение от военной службы в прежнем виде. Однако вскоре стало ясно, что ситуация с призывом на военную службу для меннонитов изменится, и они могут быть лишены одного из фундаментальных прав, которое им было предоставлено властями при переселении в Россию. Некоторые из чиновников, с которыми встречались члены делегации, обнадежили меннонитов тем, что для них может быть введена альтернативная служба [44, с. 151]. Меннониты выразили готовность постоянно вносить денежные суммы взамен военной службы. История европейских меннонитов, как уже было отмечено, свидетельствует о том, что для меннонитов это была распространенная практика. Вариант такой замены для меннонитов был наиболее приемлемым, если не считать варианта полного и безвозмездного освобождения от воинской повинности, который практиковался в России в предшествующий период.

Предложение меннонитов не было принято российским правительством. В феврале 1871 г. правительство России объявило о том, что меннониты не будут освобождаться от службы в вооруженных силах, но при этом от них не будут требовать проходить эту служ-

бу с оружием в руках [207, с. 157]. Другими словами, меннонитам предлагалась нестроевая служба и в этом усматривается уступка меннонитам со стороны российского правительства. Можно предположить, что российское правительство, принимая решение по меннонитам, взяло за основу опыт Пруссии, где после введения всеобщей воинской повинности меннониты согласились нести военную службу на должностях, не связанных с применением оружия. Дальнейшее развитие событий, в частности, последующая эмиграция меннонитов в Северную Америку, показало, что российских меннонитов прусский опыт решения проблемы не устраивал. Таким образом, в рамках ведения переговоров на тот момент каждая из сторон уступила, но консенсуса достичь не удалось. Переговоры продолжались и в дальнейшем, но особых успехов они не имели. Вскоре последовал ряд письменных обращений меннонитов с просьбой сохранить обещанную правительством России привилегию меннонитам по освобождению их от военной службы. Обращения отражали точку зрения, в соответствии с которой меннониты рассматривали изменение в военном законодательстве как путь, ведущий к нарушению пацифистских принципов их вероучения, которые они изложили царю и его правительству при переселении в Россию [44, с. 152].

Интересными представляются точка зрения и практические действия одного из меннонитов, проживающих в то время в России, продиктованные неприятием лично им военной службы, в том числе и исключаяющей ношение и применение оружия. К. Янсен родился в Пруссии, в дальнейшем постоянно проживал в Бердянске, сохраняя при этом прусское гражданство. Какое-то время он действовал даже как прусский консул. Он всячески пропагандировал идеи массовой эмиграции меннонитов из России в случае призыва меннонитов на военную службу, даже если им предстояло выполнять обязанности санитаров. К. Янсен считал, что предлагаемая меннонитам служба, не связанная с использованием оружия, есть первый шаг к окончательному принятию военной службы без каких-либо ограничений. Он издавал в Германии (в России они не прошли бы цензуру) за свой счет листовки и брошюры, в которых разъяснял сущность пацифизма меннонитов и нарушений свободы их вероисповедания в случае принятия предполагаемых изменений в российских законах. В мае 1873 г. за свою деятельность К. Янсен был выслан из России [207, с. 158]. Однако эти действия российских властей не могли решить и не решили

проблемы российских меннонитов. Через несколько месяцев в Северную Америку отправилась делегация меннонитов для изучения возможности их поселения в США и Канаде. Там они были тепло встречены должностными лицами, знающими об успехах меннонитов в хозяйственной деятельности, получили от них необходимые заверения в том, что для меннонитов в этих странах будут созданы все необходимые условия [245, с. 158]. Другими словами, события развивались примерно так же, как и при переселении меннонитов в Россию 80 лет назад.

Отток меннонитов из России и их переселение в страны Северной Америки начались в 70-е гг. XIX в. Первые семьи меннонитов выехали уже весной 1873 г., еще до того как делегация из 12 человек, посланная для рассмотрения возможности поселения в Северной Америке, вернулась обратно. Годом позже за ними последовали многие другие семьи. Местные российские газеты сообщали, что начинается массовое перемещение и что все меннониты могут покинуть Россию через год или два [44, с. 152].

В качестве причин неприятия российскими меннонитами предложенной правительством модели отбывания ими воинской повинности, сходной с прусской, выделим следующие. Выполнение обязанностей предлагаемой правительством нестроевой службы, в том числе и санитарями, по своей сути для меннонитов было косвенным участием в убийствах, насилии. К примеру, многие раненные при ведении боевых действий, за которыми должны были ухаживать меннониты-санитары, поправлялись и шли воевать дальше, т. е. убивать. Конечно, это было одинаково очевидно как для прусских, так и для российских меннонитов. Но положение меннонитов в Пруссии и России было различным. В России в рассматриваемый период меннониты были более сплоченными и последовательными в отстаивании принципов своего вероучения. Этому способствовало их обособленное положение: меннонитские общины с их самоуправлением, своими традициями, обычаями, языком представляли собой «государство в государстве». Расслоение на имущих и малоимущих, богатых и бедных еще только начиналось. Чувство патриотизма, которое стали испытывать со временем меннониты в странах Европы, еще не было в такой же мере присуще российским меннонитам, так как от начала их переселения на российские земли прошло менее ста лет. Кроме того, как уже отмечалось, российское правительство в одностороннем порядке отступало от обязательств в отношении меннонитов, взятых на

момент их переселения. Получалось, что с точки зрения освобождения от воинской повинности ожидания меннонитов, возлагаемые на Россию, себя не оправдали, поскольку их положение в России переставало чем-либо отличаться от их положения в Пруссии. Таким образом, тенденция нестабильности государственной политики, проводимой в европейских странах относительно меннонитов, в том числе и в освобождении их от военной службы, стала проявляться и в России.

Массовая эмиграция российских меннонитов после отмены их освобождения от воинской повинности позволяет понять, насколько значимыми для меннонитов были положения их вероучения, запрещающие отбывание воинской повинности, ношение оружия, убийство людей даже на войне и в целях самозащиты. В работах авторов советского периода (А. Ф. Белимова, Н. И. Ильиных, А. Рейнмаруса, Г. Фризена и др.) делается попытка объяснить переезды меннонитов из страны в страну не столько твердостью их религиозной веры, сколько их экономическими интересами, в частности, возможностями получить землю для ее последующей обработки. Марксистско-ленинская идеология, методология научных исследований и атеизм как составляющая государственной политики того периода предопределяли именно такой подход к объяснению поведения меннонитов. Безусловно, отрицать экономическую составляющую в действиях меннонитов бесперспективно. Вся история меннонитов свидетельствует о том, что часто именно заработанные меннонитами материальные блага, эффективная хозяйственная деятельность позволяли им следовать принципам своего вероучения. Надо полагать, что меннониты отдавали себе отчет в этом и понимали, что поступающие им в то время приглашения поселиться в различных странах, да еще и на льготных условиях, продиктованы в первую очередь государственными экономическими интересами, а не стремлением обеспечить меннонитам свободу вероисповедания.

Не менее бесперспективно отрицать и значение для большинства меннонитов постулатов их вероучения, возможность следовать им, в том числе и отказываться от прохождения воинской службы. Эмиграция меннонитов из России доказательно подтверждает это. Пик этой эмиграции пришелся именно на время отмены для меннонитов льготы по освобождению от военной службы. Поток меннонитов-переселенцев из России стал сокращаться после того, как правительство пошло на уступки, предложило меннони-

там взамен военной, пусть и нестроевой службы, проходить альтернативную службу, носящую исключительно гражданский характер. Во время введения всеобщей воинской повинности российское правительство не принимало никаких решений, ведущих к ухудшению экономического положения меннонитов, скорее наоборот. Когда в 30-е гг. XIX в. меннониты в Хортицком округе из-за увеличения их численности стали нуждаться в земле, им отвели новый участок в 9492 десятины в Александровском уезде. В начале 50-х гг. XIX в. на базе пяти новых колоний, куда переселились молодые семьи меннонитов, был образован третий меннонитский округ, названный Мариупольским. Первоначально все земли, переданные меннонитам, как правило, находились в вечно-потомственном владении целой колонии, без права отчуждения посторонним. Распределялись они подворно или посемейно и не подлежали дроблению. Поэтому земельный участок переходил в единоличное пользование к одному из сыновей, признанному способным продолжать хозяйство, или к лицу из того же общества, купившему его с аукциона. Это привело, с одной стороны, к скоплению в одних руках обширных участков, с другой — к увеличению числа безземельных. Видя это, российское правительство в 1869 г. изменяет закон наследования: дробность наделов становится допустимой. Кроме того, правительство стало раздавать безземельным меннонитам запасные земли [105]. Таким образом, на момент массовой эмиграции меннонитов из России в 70-е гг. XIX в. особых экономических причин, способных спровоцировать эту эмиграцию, не было. Однако под угрозой нарушения оказался один из основных постулатов вероучения меннонитов — запрет на убийства и все, что с этим связано, в том числе и военная служба.

Российское правительство, как уже отмечалось, не было готово к такому развитию событий, массовый отъезд меннонитов из страны и экономические последствия этого правительство не устраивали. Попытки воспрепятствовать отъезду меннонитов с помощью прессы, высылки агитаторов вроде К. Янсена, бюрократической волокиты при оформлении паспортов и т. п. оказались бесполезными [44, с. 152—153]. Весной 1874 г. для изучения сложившейся ситуации с меннонитами и ее урегулирования был командирован граф Э. Тотлебен — генерал немецкого происхождения, герой Крымской войны, имевший контакты с меннонитами в ходе ее ведения. Он должен был убедить меннонитов остаться в России. В этих целях он был уполномочен предложить меннонитам вместо нестроевой

службы в вооруженных силах нести государственную службу мирного характера, т. е. альтернативную гражданскую службу в современном ее понимании. В результате переговоров было достигнуто неофициальное соглашение между правительством и меннонитами, в основе которого лежала предложенная меннонитам альтернативная (обязательная) служба мирного характера [207, с. 160].

Сами переговоры с меннонитами были сложными [44, с. 153—155]. 16 апреля 1874 г. Э. Тотлебен созвал представительную группу меннонитских лидеров и привел аргументы, которые должны были удержать меннонитов от эмиграции. В числе этих аргументов были следующие: преимущества российского подданства и трудности поселения за границей, в том числе и немалые затраты на переезд, обустройство в Северной Америке; внесение в принимаемый закон положений, которые позволят меннонитам служить, не входя в конфликт со своей совестью (служба в госпиталях, военных мастерских и т. п., не связанная с ношением оружия); отсрочка в шесть лет, которая официально предоставлялась меннонитам до того момента, когда воинская повинность будет распространяться и на них. Обосновывая невозможность сохранить прежние льготы меннонитов в отношении несения военной службы, Э. Тотлебен высказал мысль о том, что предоставление меннонитам исключительного права освобождения от воинской повинности может привести к враждебному отношению к меннонитам со стороны других групп населения, так как будет нарушаться принцип социальной справедливости. Таким образом, изначальная позиция Э. Тотлебена на переговорах с меннонитами (соответственно, и российских властей, которые он представлял) по вопросу их освобождения от воинской повинности может быть сведена к следующему — в перспективе меннониты должны отбывать данную повинность в статусе нонкомбатантов. Выступление Э. Тотлебена на переговорах было выслушано уважительно, но оно не смогло поколебать меннонитов в главном — любая форма военной службы идет вразрез с их совестью. Меннониты выдвинули встречные предложения, которые допускали замену для них воинской повинности денежным взносом (может быть, специальным налогом), размещение на территории их поселений воинских подразделений (такие поселения должны были определяться самими меннонитами). Э. Тотлебен отверг предложения меннонитов, но при этом пошел на компромисс и предложил меннонитам служить в Новороссии и прилегающих территориях рабочими в государственных лесах и ремонтных

мастерских; пожарными в лесных угодьях; в качестве персонала в гражданских больницах. При этом меннонитам будет разрешено трудиться вместе в отдельных подразделениях, так что они смогут совершать все необходимые культовые действия, и даже в случае войны их статус не поменяется. Таким образом, меннонитам была предложена альтернативная гражданская служба как в мирное, так и в военное время. Относительно этого предложения Э. Тотлебена мнения меннонитов разделились: кто-то по-прежнему настаивал на эмиграции, кто-то выражал готовность принять предложение. Докладывая царю, Э. Тотлебен указал, что большое число меннонитов откажутся от эмиграции и останутся в России, если им будет предоставлена возможность исполнять приемлемую для них альтернативную службу. В этих целях Э. Тотлебен рекомендовал внести соответствующие поправки в недавно принятое военное законодательство.

8 апреля 1875 г. к Уставу о воинской повинности, утвержденному 1 января 1874 г., принимаются поправки, отражающие характер соглашения с меннонитами. Данные поправки были зафиксированы в приложении к статье 157 Устава о воинской повинности 1874 г. и назывались «Правила отбывания обязательной службы меннонитами» [186, с. 128]. В Правилах местами прохождения меннонитами обязательной службы определялись: мастерские морского ведомства, пожарные команды и особые подвижные команды лесного ведомства (лесные команды ведомства Министерства Государственных Имуществ). Лесные команды предназначались для разведения лесов на юге России. Сроки обязательной службы меннонитов, включенных в состав этих команд, равнялись срокам военной службы (6 лет — на действительной службе и 9 лет — в запасе), призыв и увольнение проводились на основании правил военного ведомства. Однако к военному ведомству меннониты, проходившие обязательную службу, никакого отношения не имели. Так, их увольнение в запас проводилось по распоряжению Министра Государственных Имуществ. В отдельной статье «Правил отбывания обязательной службы меннонитами» оговаривается их предназначение в случае войны. В этой ситуации меннониты также могут быть назначены только в мастерские морского ведомства, пожарные команды и лесные команды. В соответствии с Правилами, отбывать обязательную службу на изложенных в Правилах основаниях могли не все меннониты, а только те из них, которые состояли в секте и поселились в России до 1 января 1874 г.

[186, с. 128]. Лица, принявшие учение меннонитов, или меннониты, переселившиеся в Россию после 1875 г., под действие этой поправки не попадали и права на альтернативную (обязательную) службу не имели.

Из трех возможных мест прохождения альтернативной службы меннонитами, определенных Правилами в 1875 г., приоритетным, по крайней мере в мирное время, были лесные команды. Ход последующих событий подтверждает это. Осенью 1879 г. к меннонитам был послан барон фон Унгерн Штернберг, чтобы объявить им, что единственной областью, где может выполняться альтернативная служба по призыву, станут лесные работы [44, с. 156]. В Уставе о воинской повинности 1907 г., составленном по официальному изданию Устава 1897 г., датируемом 1906 г., местом обязательной службы для меннонитов определяются только лесные команды [187, с. 72]. Привилегия меннонитов в виде замены воинской службы службой альтернативной была сохранена правительством России даже в годы Первой мировой войны. При этом изменились лишь места прохождения альтернативной службы. В число этих мест вновь вошли мастерские военного ведомства и пожарные команды [115, с. 8].

Предложения российского правительства по альтернативной службе, заменяющей меннонитам воинскую службу, далеко не всеми меннонитами были признаны приемлемыми. Часть меннонитов расценивала факт такой замены как ограничение своих прав. Даже предлагаемую им альтернативную гражданскую службу эти меннониты отрицали, приравнивая ее к государственной службе, также противоречащей их убеждениям. Вследствие этого значительная часть меннонитов предпочла эмигрировать в Америку. В 70-х гг. XIX в. из России уезжали целые села меннонитов. В общей сложности эмигрировала приблизительно 1/3 всех меннонитов, проживавших в России [40, л. 58]. Впоследствии число эмигрирующих спало. Однако эмиграция меннонитов мелкими группами не прекращалась вплоть до 1914 г. [141, с. 30]. О масштабах эмиграции можно судить и по данным из иностранных источников: 10 тыс. меннонитов, уехавших из России, переселились в США (в основном в штат Канзас), а 8 тыс. — в Канаду [207, с. 159].

Меннониты, оставшиеся в России и признавшие для себя допустимым компромисс, предложенный российским правительством, посчитали возникший кризис разрешенным. Об этом свидетельствует, к примеру, обращение меннонитов, проживающих в Хорти-

це, к Александру II 26 апреля 1874 г. В этом обращении говорилось о глубоком облегчении, которое испытали меннониты в связи с договоренностью о введении для них альтернативной (обязательной) службы взамен воинской службы, и приводились слова благодарности, адресованные царю. Интересной представляется точка зрения, высказанная по этому поводу меннонитом Йоханном Эппом (Johann Epp), проживавшим в поселении под г. Саратовым. Он, обосновывая свое желание остаться в России, говорил о том, что Россию ожидает хорошее будущее, в то время как западные народы, включая Америку, быстро приближаются к правлению Антихриста [207, с. 161].

14 июня 1879 г. состоялась конференция меннонитов, на которой были высказаны пожелания меннонитов относительно альтернативной гражданской службы [44, с. 155—156]. В числе существенных пожеланий выделим: недопустимость подчинения лиц, проходящих эту службу, военной юрисдикции; исключить привлечение полиции к решению вопросов организации альтернативной службы. В качестве мест, где могли иметь место отступления от пожеланий меннонитов, упоминались противопожарные отряды.

Дискуссии о допустимости для меннонитов тех или иных видов альтернативной службы разгорались и в начале XX в. Поводом для этих дискуссий стало оставление во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. молодыми меннонитами, в основном из деревень Хортицы, своей службы в лесных командах и службы в качестве добровольцев в госпиталях на Дальневосточном фронте. Такая замена мест прохождения альтернативной службы была добровольной, поскольку российские власти во время этой войны условий альтернативной службы меннонитов официально не меняли. При этом некоторые из меннонитских лидеров убеждали местные общины продемонстрировать свою поддержку царю, втянутому в борьбу, в которой, как писал редактор-меннонит, «мы все — русские». Разные подходы к выбору мест прохождения альтернативной службы меннонитами были продемонстрированы на конференции, состоявшейся в Карассане (Крым) в сентябре 1904 г. Один из старейшин меннонитов, Абрам Герц, выразил неодобрение добровольной службы меннонитов в медицинских отрядах на фронте. В качестве мест прохождения альтернативной службы им назывались лесные команды или госпитали, которые управлялись самими меннонитами. Генрих Унру, также старейшина, полагал, что службы меннонитов в лесах недостаточно для военного времени и что меннонитам

следует каким-то образом разделять страдания солдат на линии фронта. Некоторыми группами меннонитов высказывалась и еще более радикальная позиция. Они предлагали отменить традиционную форму альтернативной службы в лесных командах, а военную службу проходить в формах, исключающих ношение оружия. Более того, сторонники этой позиции считали, что меннониты вообще не имеют права просить об особых привилегиях в области государственной службы [44, с. 158—162].

3.2. Альтернативная служба российских меннонитов

Опыт альтернативной (обязательной) службы российских меннонитов в лесных командах заслуживает более детального рассмотрения. Этот опыт видится не только как апогей позитивной политики Российской империи в отношении отказов от обязательной военной службы вследствие убеждений в XIX — начале XX вв., не только как малоизвестный феномен, вызывающий исторический интерес, но и как составляющая отечественной истории, имеющая непреходящее значение для организации альтернативной гражданской службы в современных условиях.

В июне 1880 г. государственный советник Барк появился в местах поселениях меннонитов и довел до них прописанную в законодательстве форму альтернативной службе, которую меннониты должны были нести в рамках воинской повинности. Такой формой являлись лесные работы. В течение последующих нескольких лет должны были быть сооружены шесть лагерей (два — в Таврической губернии, два — в районе Екатеринослава и еще два — около Херсона), которые станут принимать меннонитов для прохождения альтернативной службы. Меннонитские общины должны были оплатить стоимость помещения, питания и одежды для них. Если общины не смогут оплатить стоимость строительства больших лагерей, тогда призывники будут разделены на меньшие отряды и распределены на работу в уже существующие лесные станции в отдаленных районах страны. Таким образом, власти хотели стимулировать строительство новых лагерей [44, с. 157].

Первая лесная команда в составе 123 меннонитов была создана в 1881 г. [207, с. 161], т. е. через шесть лет после узаконения всесословной личной воинской повинности. Именно на этот срок и был введен мораторий для меннонитов, подлежащих призыву на военную службу. Порядок прохождения обязательной (альтернативной) службы российскими меннонитами в лесных командах

определялся Уставами о воинской повинности, а также и Лесным Уставом. Устав о воинской повинности определял в основном порядок призыва и увольнения меннонитов со службы, ее сроки. В «Правилах об образуемых из меннонитов лесных командах Главного Управления Землеустройства и Земледелия», содержащихся в Приложении к ст. 23 Лесного Устава 1905 г., были подробно прописаны все вопросы организации обязательной службы и ее содержание [184].

Лесные команды, в которых меннониты проходили альтернативную службу, входили в ведомство Главного Управления Землеустройства и Земледелия. Меннониты, включенные в состав лесных команд, именовались обязанными рабочими. Главноуправляющий Землеустройством и Земледелием утверждал Правила, определяющие внутреннее устройство и систему управления лесными командами, порядок увольнения обязанных рабочих со службы или в отпуск, призыва их из запаса, перевода меннонитов из одной команды в другую, учета их во время нахождения в запасе. Эти правила согласовывались с Министром Внутренних Дел, поскольку учет обязанных рабочих во время нахождения их в запасе, а также исполнение распоряжений о призыве этих рабочих из запаса на службу, возлагался на чинов полиции. Главноуправляющий также утверждал форму одежды, которую носили обязанные рабочие-меннониты, назначал плату за земельные участки, отводимые лесным командам для хозяйственных целей.

Начальники Управлений Земледелия и Государственных Имуществ или Управляющие государственными Имуществами, в пределах ведения которых размещались лесные команды, издавали распоряжения об увольнении обязанных рабочих в запас. Распоряжения эти издавались на основании соответствующих правил военного ведомства. Причем Начальники Управлений имели право на досрочное увольнение меннонитов-обязанных рабочих в запас, но не ранее чем через четыре года действительной службы, считая с 1 января следующего за призывом года. Кроме того, Начальники Управления могли увольнять обязанных рабочих в отпуска (с сентября по март), переводить обязанных рабочих по их желанию из одной команды в другую (с октября по март), имели право отдавать под суд обязанных рабочих.

Лесные команды находились в полном подчинении у Лесничего, отвечающего за территорию, на которой они размещались. Лесничий заведовал не только самой командой обязанных рабочих,

но и всем ее хозяйством, в частности, постройками. При производстве казенных работ меннониты — обязанные рабочие подчинялись как Лесничему, так и назначенным для руководства работами другим лицам и избранным из состава команд надсмотрщикам.

Меннониты-новобранцы поступали в состав лесных команд к 1 марта следующего за призывом года. Команды предназначались для проведения лесных работ (уход за саженцами деревьев, их посадка, борьба с лесными вредителями, расчистка лесов) в Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях. Лесные команды размещались в казармах. Для сельскохозяйственных целей им выделялся участок из состава казенных земель (до 200 десятин). Меннониты, включенные в лесные команды, имели право на материальное вознаграждение за свой труд. За каждый отработанный день (его продолжительность устанавливалась такой же, как и при проведении строительных работ) обязанный рабочий получал плату в размере 20 копеек. Меннониты — обязанные рабочие имели право на получение бесплатной медицинской помощи. Для ее оказания к каждой лесной команде прикреплялся вольнонаемный фельдшер. В случае необходимости для оказания медицинской помощи могли приглашаться земские или другие врачи. Больные обязанные рабочие на время лечения могли помещаться в военно-врачебные учреждения на основаниях, определенных Сводом военных Постановлений. По причине болезни обязанные рабочие имели право ходатайствовать о досрочном увольнении со службы. Такое увольнение могло быть временным, т. е. увольнение в отпуск по болезни на срок не более одного года с последующим возвращением в свою команду для продолжения службы. Если же заболевание делало обязанного рабочего неспособным выполнять лесные или хозяйственные работы, то он увольнялся со службы и освобождался от службы в запасе. Для получения любого из этих видов освобождения необходимо было пройти медицинское освидетельствование. Его проводила комиссия в составе лечащего врача, представителей ведомства земледелия и государственных имуществ. По результатам каждого такого освидетельствования составлялся отдельный акт. Меннониты, включенные в состав лесных команд, могли ходатайствовать о своем переводе в другие команды, а также жаловаться на неправомерные действия лиц, руководивших лесными командами. Так, на действия Лесничего можно было подать жалобу в местное Управление Земледелия и Государственных Имуществ, а на само это управление можно было пожа-

ловаться Главномууправляющему Землеустройством и Земледелием. В свободное от основных (лесных) работ время обязанные рабочие могли заниматься хозяйственной деятельностью на отведенных для этого участках.

Обязанные рабочие подлежали ответственности за совершенные ими проступки и преступления во время прохождения службы в лесных командах. Лесной устав 1905 г. содержит систему дисциплинарных взысканий, налагаемых на обязанных рабочих за мало-значительные проступки. К таким взысканиям относились: замечание, выговор, арест (простой и сложный). При простом аресте виновные содержались каждый отдельно, в светлом карцере, получали обыкновенную пищу, но спали на голых нарах. При строгом аресте обязанные рабочие также содержались одиночно, спали на голых нарах, но горячую пищу получали только через два дня на третий, а ежедневно им выдавали лишь хлеб, соль и воду. При всех видах ареста запрещалось курение, употребление спиртных напитков, игры и песни, общение с посторонними лицами. По распоряжению местных лесничих обязанного рабочего могли арестовать на 7 суток простого ареста и на 5 суток строгого ареста. По распоряжению Управления Земледелия и Государственных Имуществ — до одного месяца простого ареста и до 20 суток строгого. Если обязанные рабочие совершали преступления и проступки, связанные с нарушением обязанностей службы, наказания за которые выходили за пределы дисциплинарных взысканий, то эти рабочие подлежали ответственности на основании Уложения о наказаниях и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. За такие преступные деяния, как: 1) оскорбление лица, у которого обязанный рабочий находился в подчинении, устно, письменно или в печати, или же неприличным действием; 2) нанесение такому лицу удара или поднятие на него руки или оружия с намерением нанести этот удар, а также всякое насильственное или в высшей степени дерзкое действие против этого лица; 3) неповиновение начальнику или умышленное неисполнение его приказаний; 4) предъявление свидетельства о мнимой болезни или умышленное причинение вреда своему здоровью или совершение других обманных действий, направленных на освобождение себя от обязанности нести службу; 5) побег или самовольная отлучка из команды или места службы, продолжительностью более шести дней; 6) неявка в срок на службу, без законных на то причин; 7) промотание или умышленная порча орудий производства или других казенных вещей обязан-

ные рабочие подвергались взысканиям, определенным в Воинском Уставе о Наказаниях. При применении этих взысканий в зависимости от обстоятельств дела они могли быть уменьшены или заменены наказаниями, определенными в Уложении о наказаниях. При этом объездчики, лесники и надсмотрщики приравнивались соответственно к фельдфебелям, унтер-офицерам и ефрейторам [184, с. 343—344].

Финансовое обеспечение лесных команд имело два источника: государственная казна и собственные средства меннонитов. Государственное казначейство покрывало следующие издержки: 1) оплату труда обязанных рабочих; 2) наем, отопление и освещение квартир для рабочих, до истечения одного года после постройки казарм, а также во время производства лесных работ в местах, удаленных от казарм; 3) лечение заболевших обязанных рабочих во врачебных заведениях военного ведомства, содержание фельдшеров при лесных командах, приглашение в случае необходимости врачей, покупку медикаментов; 4) устройство и ремонт мастерских по изготовлению и ремонту обязанными рабочими необходимых для выполнения лесных работ орудий и инструментов. Сверх этого финансирования российское государство предоставляло лесным командам ряд льгот, связанных с ведением ими хозяйства. Как уже отмечалось, каждой лесной команде для хозяйственных нужд отводился участок из состава казенных земель. При этом бесплатно отводилось по пять десятин под усадьбу и огород, а за особое вознаграждение для сельскохозяйственного использования могло быть выделено от ста до двухсот десятин. При этом Главноуправляющий Землеустройством и Земледелием мог своим решением снизить до 50 % плату за эту землю. Топливо от ведомства землеустройства и земледелия для отопления и приготовления пищи лесным командам отпускалось до 50 % дешевле [184, с. 345].

За счет собственных финансовых средств общин меннонитов осуществлялись: 1) постройка, ремонт, освещение и отопление казарм, где размещались лесные команды; 2) хозяйственное обзаведение, приобретение обмундирования и продовольствия для обязанных рабочих; 3) доставка меннонитов — обязанных рабочих от места их жительства до лесничества, где они проходили службу и обратно при увольнении в запас, а также перемещение обязанных рабочих, переводимых по их желанию из одной лесной команды в другую; 4) оплата земли, отводимой лесным командам для сельскохозяйственных нужд. В случаях, когда в период прохождения

службы в лесных командах обязанные рабочие полностью утрачивали способность трудиться в результате заболевания и не имели средств к существованию или родственников, желающих взять их на иждивение, община меннонитов, в которой они состояли до поступления на службу, должна было содержать их за свой счет [184, с. 345].

Выделим некоторые (важнейшие) особенности организации и содержания альтернативной гражданской службы меннонитов в дореволюционной России. Во-первых, наличие пацифистских убеждений, их искренность при направлении на обязательную службу не подлежали проверке. Основанием для освобождения от воинской повинности и направления в лесные команды была родовая принадлежность к меннонитам, поселившимся до определенного времени в России. Во-вторых, в отношении меннонитов, проходящих обязательную службу вне вооруженных сил, а под руководством гражданского ведомства и выполняющих сугубо мирную работу, были предусмотрены меры дисциплинарного воздействия, приближенные к тем, что использовались в военных структурах. Причем ряд проступков, за которые на обязанных рабочих могли налагаться дисциплинарные взыскания, не очень-то сочетался с основными постулатами вероисповедания меннонитов. В-третьих, альтернативная гражданская служба меннонитов по тяготам и лишениям была легче, чем воинская, сроки ее прохождения были равны срокам прохождения военной службы. В-четвертых, обязательная служба меннонитов в лесных командах являлась государственной повинностью, но расходы, связанные с ее несением несли и общины меннонитов.

Надо отметить, что отношение отдельных представителей властных структур к самой идее замены военной службы альтернативной службой и сложившейся практике направления меннонитов в лесные команды не было однозначным [91, с. 763]. Так, критике подвергалась равноценность военной и альтернативной служб. При этом высказывалось предположение, что уравнивать эти службы не представляется возможным прежде всего из-за реальных опасностей для жизни граждан, проходящих военную службу и участвующих в ведении боевых действий. Никакая альтернативная служба не может содержать в себе подобных опасностей. Кроме того, критиковалась организация лесных команд с использованием принципов военных структур. В частности, элементы воинской дисциплины, ответственность обязанных рабочих за совершенные правонарушения по военно-уголовным законам и т. п.

Рассматривая два направления в государственной политике Российской империи относительно отказов от воинской повинности вследствие убеждений, отмечая приоритетность первого из них, носящего запретительный характер, особо выделим наметившуюся перед Первой мировой войной тенденцию, которая состояла в расширении второго направления российской государственной политики, допускающего освобождение от воинской повинности граждан, имеющих пацифистские убеждения. Подтверждают эту тенденцию дебаты в Государственной думе. В январе 1912 г. в III Государственной думе рассматривался вопрос о положении сектантов, отказывающихся по своим убеждениям братья за оружие и принимать присягу. В выступлении А. И. Шингарева это положение было охарактеризовано как «чрезвычайно тяжелое». Кроме того, он высказался о том, что в лице духоборов, покинувших Россию, государство потеряло честных и трудолюбивых людей. Он положительно оценил опыт направления меннонитов в лесные команды и предложил поставить лиц, отказывающихся вследствие своих убеждений от воинской повинности, в равные условия с меннонитами. В марте этого же года Государственной думой продолжилось обсуждение вопроса об отказах сектантов от несения военной службы. В итоге было принято предложение Г. Боратынского, в котором выражалось пожелание правительству разработать вопрос о порядке отбывания воинской повинности гражданами, принадлежащими к «законом дозволенным христианским сектам, вероучения коих запрещают употреблять оружие для пролития крови» [38, л. 1—6]. Развитию тенденции на расширение российской государственной политики, допускающей освобождение от воинской повинности призывников, имеющих пацифистские убеждения, помешала начавшаяся Первая мировая война, которая привела к ухудшению положения сектантов, в том числе и в деле освобождения их от военной службы.

3.3. Политика Временного правительства России в отношении отказов от воинской повинности вследствие убеждений

При Временном правительстве идейный отказ от военной службы перестал квалифицироваться как преступление. Временное правительство в первые же дни своего существования объявило свободу веры и амнистию для всех граждан, совершивших при царизме религиозные «преступления». Приказом по Армии и Флоту в число амнистированных были включены граждане, осужденные

за отказ по религиозным и нравственным мотивам от участия в войне [38, л. 1—6]. Начался процесс возвращения сектантов-отказников из тюрем, дисциплинарных батальонов и мест ссылки. В самом начале этого процесса не все складывалось гладко. Нередко представители новых местных властей пытались направить амнистированных сектантов-отказников в распоряжение воинских начальников для последующего прохождения военной службы. Ответом на это стало заявление сектантов-отказников об отказе выходить из мест заключения. После решения Временного правительства не принуждать амнистированных сектантов-отказников к несению военной службы, некоторым из них местные власти выдали удостоверения о том, что они навсегда освобождены от призыва на военную службу. Несмотря на предпринятые Временным правительством меры по реабилитации граждан, отказывающихся от воинской повинности по религиозным убеждениям, негативное отношение к ним на местах, и особенно в прифронтовой полосе и на окраинах, имело место. Основывалось подобное отношение на характерном для того времени воинственном настроении некоторых слоев населения, доходящем до фанатизма, проявлялось — в арестах, физических истязаниях и издевательствах над отказниками [38, л. 12—13].

Виднейшими представителями религиозного сектантства того времени В. Г. Чертковым и К. Шохор-Троцким в апреле 1917 г. была подготовлена Докладная записка Временному правительству об отношении к отказывающимся по религиозным убеждениям от военной службы. В записке говорилось о том, что для государственной власти настала пора на государственном уровне юридически урегулировать положение граждан, которые во время предстоящих призывов на военную службу будут заявлять о своем несогласии участвовать в войне. Содержался призыв не бороться с совестью и убеждениями граждан, отказывающихся по религиозным мотивам от военной службы, не карать их в той или иной форме, а стараться использовать их в государственных целях с наименьшей долей принуждения такими, как они есть. Далее следовали конкретные предложения о том, как государственной власти относиться к гражданам, отказывающимся по религиозным мотивам от военной службы, не поступаясь при этом своими интересами и нанося наименьший ущерб отказникам [38, л. 1—6].

Во-первых, необходимо сразу же фиксировать соответствующим протоколом факт отказа от воинской повинности по религиозным

или нравственным убеждениям. Если отказ заявлен и запротоколирован во время призыва на военную службу, то отказник не подлежит немедленному приему на эту службу. В случае, когда гражданин уже проходит воинскую службу после составления протокола, фиксирующего его отказ по убеждениям от ее прохождения, военные власти не должны предавать военному суду этого гражданина или подвергать его дисциплинарным наказаниям.

Во-вторых, граждане, отказывающиеся от военной службы по религиозным или нравственным убеждениям, могут быть направлены на нестроевые должности, не требующие ношения оружия и не противоречащие их убеждениям только на добровольной основе. В первую очередь к числу таких должностей относятся должности санитаров в госпиталях, фельдшеров и их помощников, рабочих на интендантских складах и т. п.

В-третьих, граждане, которые заявляют о невозможности вследствие своих убеждений проходить военную службу, в том числе и на нестроевых должностях, должны направляться в специальные комитеты по распределению лиц, по совести неприемлющих военной службы (такие комитеты предлагалось создать). Комитеты должны были предложить отказникам с учетом их способностей общепользительный труд, не связанный с военным делом. К примеру, это могла быть работа в отрядах по борьбе с эпидемическими заболеваниями, по оказанию помощи голодающим, по прокладке железных дорог, в пожарных командах, народными учителями и т. п., т. е. работы, аналогичные тем, что выполняли меннониты взамен воинской повинности.

В-четвертых, граждане, заявившие, что по своим убеждениям они не только не могут проходить военную службу, но и не могут из-за этих же убеждений отбывать любую другую повинность, заменяющую эту службу, не подлежат никакой каре в соответствии с принципом религиозной свободы. Однако искренность убеждений этой категории отказников должна подтверждаться комитетом по распределению лиц, по совести неприемлющих военной службы. Кроме того, гражданин, получивший полное освобождение от воинской и заменяющих ее государственных повинностей, обязан переселиться за государственный счет на земельный участок, отведенный ему правительством. Участки для таких переселений должны быть там, где государственная власть слабо развита, поскольку она отрицается переселяемыми отказниками, и где условия жизни требуют проявлений труда и силы духа. Если же подлежащее та-

кому переселению лицо не способно к земледельческому труду, то ему по усмотрению комитета может быть предоставлено право работать в какой-либо общине или группе по специальности. Члены комитета должны по-братски убеждать граждан, требующих полного освобождения, переселяться в указанное место или работать в той или иной общине или группе.

В этой же докладной записке рассматривается опыт государственных отношений с идейными отказниками от военной службы в Великобритании. В этой стране, несмотря на введение всеобщей воинской повинности, гражданам, которые по своим убеждениям не могли ее отбывать, предоставлялось право выбрать нестроевую службу или другую работу взамен военной службы. Если гражданин вследствие своих убеждений отказывался и от таких вариантов замены военной службы, то специальный местный трибунал, состоящий из представителей общества, администрации и армии, должен установить искренность этих убеждений. Относительно перенесения опыта применения таких трибуналов авторы анализируемой докладной записки указывают на нежелательность такого подражания. Обосновывается это следующими обстоятельствами. В Англии решения этих трибуналов, по оценкам авторов записки, по большей части носят односторонний и несправедливый характер. Причина этого — антигерманские воинственные настроения, развитые до крайности. В России для создания аналогичных органов на местах не хватит компетентных специалистов, что неизбежно приведет к конфликтам и протестам. Поэтому предлагалось создавать комитеты по распределению лиц, по совести неприемлющих военной службы, не повсеместно, а только в нескольких крупных городах: Петрограде, Москве, Казани, Киеве, Тифлисе, Ташкенте, Иркутске. Комитет должен был состоять из пяти постоянных членов и трех запасных, назначаемых правительством по предварительному соглашению между министром юстиции и главным военным прокурором. Основная задача комитетов — решать вопрос об искренности убеждений, противоречащих прохождению военной службы у граждан, направленных в комитеты военными властями. Эти граждане должны были представить комитету сведения о себе, имели право на приглашение свидетелей. Комитеты должны были принимать решения, базируясь на собранных сведениях об отказниках, результатах проверки их документов, устанавливая принадлежность к той или иной религиозной секте. Если отказник относился к так называемому свободному вероисповеданию, то могли быть допрошены лица, знающие отказника [38, л. 5—7].

Временное правительство, несмотря на непродолжительность его деятельности, разрабатывало закон «О лицах, по совести неприемлющих военной службы». В разрабатываемый проект закона вошли и предложения, изложенные в докладной записке, подготовленной В. Г. Чертковым и К. Шохор-Троцким. Особое внимание в разрабатываемом проекте закона уделялось комитетам по распределению лиц, по совести неприемлющих военной службы. Данные комитеты должны были находиться в ведении Министерства вероисповеданий. В состав каждого комитета обязательно должен был входить специалист по русским религиозным течениям. Как члены комитета желательны были военный и гражданский юристы, врач, преимущественно из числа психиатров. Членов впервые образованных комитетов планировалось назначать распоряжением правительства из лиц, терпимых в религиозных вопросах и пользующихся общим доверием. Состав комитетов подлежал предварительному согласованию с представителями заинтересованных министерств и ведомств [38, л. 13—31].

Таким образом, до 1917 г. в политике Российской империи по освобождению граждан от воинской повинности, вследствие их религиозных убеждений, можно выделить два разнонаправленных вектора. В качестве первого выступает отрицание государством права граждан на такое освобождение, преследования тех, кто пытался следовать своим пацифистским убеждениям и отказывался нести обязательную военную службу. Такая политика в российском государстве осуществлялась в отношении всех пацифистов, исключение составляли только последователи секты меннонитов. Политика в отношении меннонитов, выражавшаяся в полном освобождении их от воинской повинности по причине убеждений, предоставлении им возможности нести альтернативную гражданскую службу вместо военной, после 1874 г. составляет второй вектор российской государственной политики в отношении отказов от обязательной военной службы вследствие убеждений. При этом прослеживалась тенденция к признанию права на освобождение от воинской повинности за другими сектантами, имеющими пацифистские убеждения. Данная тенденция в итоге привела к тому, что при Временном правительстве идейный отказ от военной службы перестал квалифицироваться как преступление и начался процесс законодательного закрепления права всех лиц, «по совести неприемлющих военной службы», на освобождение от необходимости ее несения.

Выводы по главе

1. Государственная политика, проводимая в Российской империи в отношении лиц, отказывающихся вследствие убеждений от военной службы, обуславливалась двумя группами возможных причин.

Первая группа представлена причинами, сложившимися внутри России. Часть причин этой группы способствовала запрету на освобождение от обязательной военной службы лиц, отказывающихся от ее прохождения вследствие убеждений. К таким причинам следует отнести: проводимую Россией военную политику; негативное отношение к военной службе значительной части подданных, подлежащих принудительному призыву на нее; неоднозначное, но чаще всего отрицательное, отношение властей Российской империи к религиозному сектантству в целом; опасения российских властей дальнейшего роста численности религиозного сектантства; не получившие своего окончательного решения проблемы социального и правового характера, связанные с освобождением от обязательной военной службы призывников вследствие их убеждений. Другая группа внутренних причин, напротив, вела к официальному разрешению освобождения от обязательной военной службы лиц, отказывающихся от ее прохождения вследствие убеждений. Таковыми причинами являются: предоставленное российским меннонитам исключительное право на освобождение от военной службы; демократические тенденции в развитии России и зарождение пацифистского движения; сектантство, представлявшее собой крупное и характерное явление религиозно-этической и культурной жизни русского народа; ситуативный государственный пацифизм, используемый в политике на определенных этапах развития России; сомнительная польза для вооруженных сил от призыва лиц, у которых пацифистские убеждения берут верх над патриотическими убеждениями. Особую роль в детерминации российской государственной политики в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений сыграла пацифистская деятельность Л. Н. Толстого и его сподвижников.

Вторую группу причин, обуславливающих политику властей Российской империи в отношении лиц, отказывающихся вследствие убеждений от военной службы, составляют причины, связанные с влиянием ведущих мировых держав того времени на российскую политику. К этой группе причин в первую очередь следует отнести государственную политику, проводимую властями ведущих мировых держав по отношению к пацифизму и лицам, имеющим пацифистские убеждения, а также используемую в этих державах систему комплектования вооруженных сил.

2. Анализ государственной политики Российской империи относительно отказов от воинской повинности вследствие убеждений позволяет выделить в ней два направления: во-первых, запретительное, выступавшее как основное; во-вторых, разрешительное, носящее исключительный характер.

Первое направление — запретительное, определяется так, поскольку его суть составлял запрет, налагаемый государством на освобождение от военной службы призывников, вследствие их убеждений. Проводимая в рамках направления государственная политика распространялась на подавляющее большинство случаев отказов от несения воинской службы вследствие убеждений граждан (исключение составляли только меннониты).

Второе направление российской государственной политики относительно отказов от воинской повинности вследствие убеждений призывников — разрешительное, позиционируется так, потому что разрешало официально освобождать от военной службы часть призывников. Подобное освобождение являлось исключением из общего правила не признавать пацифистские убеждения основанием для освобождения от воинской повинности или замены ее другой обязанностью. Государственная политика этого направления проводилась исключительно в отношении членов секты меннонитов.

3. В Российской империи для меннонитов был создан продуманный, передовой для своего времени, активно используемый на практике с 80-х гг. XIX в. институт альтернативной гражданской службы (обязательной службы). Эта служба стала апогеем позитивной политики Российской империи в отношении отказов от обязательной военной службы вследствие убеждений в XIX — начале XX вв. В дальнейшем некоторыми российскими политиками предлагалось всех лиц, отказывающихся вследствие своих убеждений от воинской повинности, поставить в равные условия с меннонитами и освобождать их от военной службы на тех же условиях, что и меннонитов. В связи с этим институт альтернативной гражданской службы российских меннонитов, практику ее прохождения ими можно рассматривать как прецедент, имеющий ключевое значение для последующего расширения практики освобождения от военной службы вследствие убеждений.

4. При Временном правительстве идейный отказ от военной службы перестал квалифицироваться как преступление. Временное правительство в первые же дни своего существования амнистировало граждан, осужденных за отказ по религиозным и нравственным мотивам от участия в войне, и приступило к разработке закона «О лицах, по совести неприемлющих военной службы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К основным итогам исследования отказов от военной службы вследствие убеждений в Российской империи и проводимой в их отношении государственной политики следует отнести следующие.

Во-первых, в Российской империи проблема отказов от обязательной военной службы носила актуальный характер. Сущность данной проблемы состояла в противоречии между необходимостью военной службы с точки зрения государственных интересов и нежеланием части призывников и военнослужащих нести эту службу вследствие ее специфических особенностей, в первую очередь из-за реальной угрозы для их здоровья и жизни, возникающей в процессе прохождения военной службы. Актуальность проблемы отказов от обязательной военной службы обуславливалась с одной стороны ее значимостью для российского государства, с другой — перманентной нерешенностью этой проблемы.

Во-вторых, в числе отказов от обязательной военной службы, имевших место в Российской империи, особое место занимали отказы от военной службы вследствие убеждений. Ключевой особенностью этих отказов являлся их преимущественно идейный характер, отсутствие корыстной составляющей в мотивации носителей этих отказов. Другими словами, в исследуемый период у отказников от военной службы по убеждениям в мотивационной сфере главенствовала духовная, а не материальная составляющая. В силу этой особенности многие лица, отказывающиеся от военной службы вследствие своих убеждений, в условиях Российской империи сознательно обрекали себя на гораздо более существенные тяготы и лишения, чем те, которые имели бы место, если бы эти лица согласились проходить военную службу.

Исторически сложилось так, что в Российской империи особое место среди убеждений, противоречащих несению военной службы, занимали христианские религиозные убеждения. Религиозная составляющая достаточно рельефно прослеживается в философских и политических убеждениях российских подданных, отрицающих вследствие этих убеждений военную службу. Ярким примером тому служит идеология толстовства. Таким образом, религиозная составляющая пацифистских убеждений, лежащих в основе отказов от военной службы в исследуемый период, выступает как еще одна особенность данных отказов. Отказы от несения военной службы по христианским религиозным убеждениям основываются на понимании учения Христа как учения, запрещающего убивать, брать

в руки оружие, допускать любое насилие, даже если все это призвано противостоять злу. Подобной точки зрения в России придерживались члены ряда религиозных сект, в первую очередь духоборы, молокане и меннониты. Наряду с этой точкой зрения на заповеди Христа существует и другая, менее радикальная точка зрения, допускающая, что при определенных обстоятельствах участие в войнах, а следовательно, и убийства, не противоречит христианскому учению. Такую точку зрения разделяет большинство сторонников православного вероучения.

Усилению пацифистских настроений части населения Российской империи, а значит, и увеличению числа отказов от военной службы вследствие убеждений в значительной мере способствовало распространение в конце XIX — начале XX вв. религиозно-философского учения Л. Н. Толстого, а также зарождение в это же время российского пацифистского движения. Пацифистские организации в России, представленные главным образом обществами мира, своей стратегической целью ставили замену режима войн и насилия между народами режимом правового порядка в международных отношениях.

Отказы от военной службы вследствие убеждений не были однородными. Классифицируя их, важно учитывать, что такие отказы в Российской империи могли носить абсолютный характер, т. е. носителями этих отказов отрицалась не только военная служба, но и любая альтернативная обязанность, заменяющая эту службу. Отсутствие полных и однозначных данных о численности российских религиозных сект, изменчивость их вероучений, латентный характер части отказов от военной службы затрудняют точную оценку численности лиц, отрицающих в той или иной форме воинскую повинность вследствие своих убеждений.

В-третьих, государственная политика, проводимая в Российской империи в отношении лиц, отказывающихся вследствие убеждений от военной службы, обуславливалась двумя группами причин — внутренними и внешними причинами. Причины, относящиеся к внутренним, в свою очередь, также могут быть поделены на две группы. Первая группа — причины, обуславливающие запрет на освобождение от обязательной военной службы лиц, отказывающихся от ее прохождения вследствие убеждений. К таким причинам относятся: проводимая Россией военная политика; негативное отношение к военной службе значительной части граждан, подлежащих принудительному призыву на нее; неоднозначное,

но чаще всего отрицательное, отношение властей Российской империи к религиозному сектантству в целом; опасения российских властей дальнейшего роста численности религиозного сектантства; не получившие своего окончательного решения проблемы социального и правового характера, связанные с освобождением от обязательной военной службы призывников вследствие их убеждений. Ко второй группе внутренних причин отнесем причины, детерминирующие официальное разрешение на освобождение от обязательной военной службы лиц, отказывающихся от ее прохождения вследствие убеждений. Таковыми причинами являются: предоставленное российским меннонитам исключительное право на освобождение от военной службы; демократические тенденции в развитии России и зарождение пацифистского движения; сектантство, представлявшее собой крупное и характерное явление религиозно-этической и культурной жизни русского народа; ситуативный государственный пацифизм, используемый в политике на определенных этапах развития России; сомнительная польза для вооруженных сил от призыва лиц, у которых пацифистские убеждения берут верх над патриотическими убеждениями. Особую роль в детерминации российской государственной политики в отношении отказов от военной службы вследствие убеждений сыграла пацифистская деятельность Л. Н. Толстого и его сподвижников.

Группу внешних причин, обуславливающих политику властей Российской империи в отношении лиц, отказывающихся вследствие убеждений от военной службы, составляют причины, связанные с влиянием ведущих мировых держав того времени на российскую политику. К этой группе причин в первую очередь следует отнести государственную политику, проводимую властями ведущих мировых держав по отношению к пацифизму и лицам, имеющим пацифистские убеждения, а также используемую в этих державах систему комплектования вооруженных сил.

Анализ государственной политики Российской империи относительно отказов от воинской повинности вследствие убеждений позволяет выделить в ней два направления. В качестве основания для деления используется содержательная сторона этих направлений. Первое направление — запретительное, так как его сущность составлял запрет, налагаемый государством на освобождение от военной службы призывников, вследствие их убеждений. Проводимая в рамках направления государственная политика распространялась на подавляющее большинство случаев отказов от несения

воинской службы вследствие убеждений граждан (исключение составляли только меннониты). Это обстоятельство позволяет позиционировать запретительное направление российской государственной политики как основное. Второе направление, проводимой в России политики относительно отказов от воинской повинности вследствие убеждений призывников, — разрешительное, является таковым потому, что разрешало официально освободить от военной службы часть призывников. Однако подобное освобождение являлось исключением из общего правила не признавать пацифистские убеждения основанием для освобождения от воинской повинности или замены ее другой обязанностью. Государственная политика этого направления проводилась исключительно в отношении членов секты меннонитов.

Несмотря на то, что разрешительное направление проводимой в России политики относительно отказов от воинской повинности вследствие убеждений призывников можно рассматривать как исключительное, касающееся только меннонитов и мотивированное преимущественно экономическими интересами, в рассматриваемый период и в последующие периоды российской истории оно имело огромное значение. Благодаря этому направлению в Российской империи для меннонитов был создан продуманный, передовой для своего времени, активно и успешно используемый с 80-х гг. XIX в. институт альтернативной гражданской службы (обязательной службы). Практика освобождения меннонитов от военной службы вследствие их религиозных убеждений и прохождения меннонитами альтернативной службы стала не только своеобразным апогеем позитивной российской государственной политики в отношении отказов от обязательной военной службы вследствие убеждений в XIX — начале XX вв., но и прецедентом, имеющим ключевое значение для последующего расширения подобной практики в России.

В-четвертых, расширение практики освобождения от военной службы лиц, имеющих противоречащие этой службе убеждения, в России было вполне реальной перспективой. Убедительным подтверждением этому служит сам факт рассмотрения в III Государственной думе в 1912 г. вопроса о положении сектантов, отказывающихся по своим убеждениям братья за оружие и принимать присягу, а также прозвучавшее там предложение — всех лиц, отказывающихся вследствие своих убеждений от воинской повинности, поставить в равные условия с меннонитами и освободить

их от военной службы на тех же условиях, что и меннонитов. Еще дальше пошло Временное правительство. При нем идейный отказ от военной службы перестал квалифицироваться как преступление. Временное правительство в первые же дни своего существования амнистировало граждан, осужденных за отказ по религиозным и нравственным мотивам от участия в войне, и приступило к разработке закона «О лицах, по совести неприемлющих военной службы».

К числу основных уроков, вытекающих из исследования характера отказов от военной службы вследствие убеждений подданных Российской империи; обусловленности, сущности и основных направлений государственной политики, проводимой в отношении этих отказов, относятся:

1. В современных условиях на постсоветском пространстве проблема отказов от обязательной военной службы относительно исследуемого в монографии исторического периода не утратила своей актуальности, поскольку сохраняется противоречие между государственной необходимостью данной службы и нежеланием части призывников и военнослужащих нести ее. Наиболее значимым следствием неразрешенности данной проблемы выступают неукомплектованность вооруженных сил личным составом и сокращение военно-обученного резерва.

2. В большинстве стран мира сохраняется тенденция к расширению и углублению процессов, направленных на соблюдение прав человека. В настоящее время одним из международных стандартов в области прав человека выступает право граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы. Однако узаконение допустимости отказов вследствие убеждений от обязательной военной службы, введение института альтернативной гражданской службы еще больше актуализирует проблему отказов от обязательной военной службы, ведет к сокращению военно-обученного резерва и с учетом сложившейся в настоящее время ситуации в большинстве стран, образовавшихся после распада СССР, в том числе и в Российской Федерации, и Республике Беларусь (отсутствие объективных возможностей в обозримом будущем полностью отказаться от принудительного призыва, падение престижа военной службы, демографическая ситуация, проблема установления подлинности убеждений призывников и т. д.), может негативно отразиться на укомплектованности личным составом вооруженных сил. Подтверждением этому служат отмеченная в исследовании

тенденция к увеличению числа подданных Российской империи, освобождаемых вследствие убеждений от военной службы, опыт Германии, где за последние 40 лет XX в. число граждан, отказавшихся от обязательной военной службы и выбравших альтернативную службу, увеличилось в 380 раз!

3. Неукомплектованность вооруженных сил личным составом неизбежно ставит любое государство перед выбором — изменить систему комплектования вооруженных сил или смириться со снижением обороноспособности страны. Вполне закономерно, что выбор падает на первый вариант развития событий (по крайней мере, до тех пор, пока власти не будут до конца убеждены в полной бесперспективности этого варианта). В рамках изменения системы комплектования вооруженных сил в большинстве стран СНГ переход к полностью контрактному набору без снижения обороноспособности, как уже отмечалось, вряд ли реален, по крайней мере в ближайшее время. Следовательно, для решения проблемы комплектования вооруженных сил власти будут вынуждены минимизировать возможные отказы (как законные, так и не законные) от несения обязательной военной службы. В этих целях наиболее эффективным направлением, с точки зрения конечного результата, видится изменение внутренней мотивации потенциальных призывников, их родных и близких через повышение в их представлении престижа военной службы. Однако данный путь не только потребует немалых материальных затрат, но и, что самое главное, даст эффект спустя годы упорной пропагандистской работы, в то время как проблема требует немедленного решения. Поэтому упор будет сделан (и уже делается) на административные меры, направленные на сокращение числа отказов от военной службы. Предположим, основываясь на приведенных выше примерах, в частности Германии, что значительная часть таких отказов будет представлена отказами от военной службы вследствие убеждений, дающими законное право на освобождение от нее и прохождение альтернативной гражданской службы. Тогда и административные меры будут неизбежно направлены на сокращение числа отказов от военной службы вследствие убеждений и свертывание института альтернативной гражданской службы. К числу подобных мер, к примеру, можно отнести создание неприемлемых условий прохождения альтернативной службы, значительно превышающих по тяготам и лишениям военную службу (как это практиковалось в СССР в 20—30-е гг. XX в.); всяческое замалчивание информации

о праве граждан, имеющих противоречащие военной службе убеждения, отказываться от нее и выбирать альтернативную службу; неоправданное ограничение сроков подачи заявлений призывниками о направлении их на альтернативную службу.

Практические рекомендации, вытекающие из проведенного исследования

1. Представляется необходимым дальнейшее расширение и углубление научных исследований по проблемам отказов граждан вследствие убеждений от военной службы, замены ее альтернативной гражданской службой. В рамках проведения данных исследований значимое место должно занять изучение соответствующего исторического опыта как отечественного, так и зарубежного. Анализ и всесторонний учет данного опыта, в первую очередь отечественного, наряду с исследованиями современных подходов позволит избежать ошибок и дискредитации идеи освобождения от военной службы по убеждениям.

2. Для обеспечения реального, а не декларируемого права граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы, эффективного функционирования института альтернативной гражданской службы, соблюдения социальной справедливости требуется неукоснительное соблюдение принципа паритета между альтернативной гражданской службой и службой военной по тяготам и лишениям, связанным с их прохождением.

Соблюдение принципа паритета позволит также минимизировать негативные последствия от нерешенности проблемы установления подлинности убеждений граждан, дающих право на освобождение от военной службы.

Соблюдение принципа паритета предполагает, что изменение условий прохождения военной службы по призыву одновременно повлечет за собой и соответствующие изменения в условиях прохождения альтернативной гражданской службы.

Соблюдение принципа паритета крайне затруднительно без постоянного взаимодействия властных структур и представителей широких слоев общественности, в частности, религиозных и пацифистских организаций.

3. Основываясь на геополитических, экономических, демографических и других особенностях государства, его военной доктрине, важно иметь максимально точное представление (как специалистам, так и представителям различных социальных групп)

о возможных потребностях в военно-обученных мобилизационных ресурсах. Это позволит не только определиться с приоритетностью способов комплектования вооруженных сил, но и с допустимой без ущерба для обороноспособности страны общей численностью граждан, отвергающих по своим убеждениям военную службу, выбравших альтернативную гражданскую службу и, соответственно, исключенных из военно-обученного резерва как не имеющие военной подготовки.

4. В случае возникновения проблемы неукomплектованности вооруженных сил личным составом, снижения необходимой для эффективной обороноспособности государства численности военно-обученного резерва наиболее эффективным способом решения данной проблемы считать не отказ от существующих международных стандартов в области прав человека или административное ограничение их практического применения, а изменение внутренней мотивации потенциальных призывников, их родных и близких. Основным средством для такого изменения является патриотическое воспитание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтернативная гражданская служба. Стандарты и подходы к реформированию: сб. ст. и документов / Центр правовой трансформации; сост.: М. Пашкевич [и др.]. — Минск: Монлитера, 2010. — 378 с.
2. Анцупов, А. Я. Конфликтология: учебник для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шепилов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТА-ДАНА, 2004. — 591 с.
3. Белимов, А. Ф. Кто такие меннониты? / А. Ф. Белимов. — Фрунзе: Кыргызстан, 1967. — 59 с.
4. Бердяев, Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. — М.: Мысль, 1990. — 208 с.
5. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Изд. Всесоюз. совета евангельских христиан-баптистов, 1957. — 1221 с.
6. Биография Менно // Википедия [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. — Дата доступа: 04.07.2010.
7. Блаженный, Августин. О граде Божием / Августин Блаженный: в 22 кн. — М., 1994. — Кн. 1—7, Т. 1. — 394 с.
8. Блиох, И. С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях: в 5 т. / И. С. Блиох. — СПб.: тип. И. А. Ефрона. — Т. 5 — 664 с.
9. Бобровский, П. Уклонение от воинской службы / П. Бобровский. — СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1886. — 78 с.
10. Бонч-Бруевич, В. Д. Волнения в войсках и военные тюрьмы / В. Д. Бонч-Бруевич. — 2-е изд. — М.: Коммунист, 1919. — 160 с.
11. Бонч-Бруевич, В. Д. Из мира сектантов. Сборник статей / В. Д. Бонч-Бруевич. — Государственное издательство, 1922. — 330 с.
12. Бонч-Бруевич, В. Д. Избранные атеистические произведения / В. Д. Бонч-Бруевич. — М.: Мысль, 1973. — 343 с.
13. Бонч-Бруевич, В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. (Воспоминания о Ленине) / В. Д. Бонч-Бруевич — М.: Федерация, 1930. — 412 с.
14. Вашкевич, И. Альтернативная служба: как она была в 20-е годы / И. Вашкевич // Красная звезда. — 1991. — 19 февр. — С. 4.
15. Великая Октябрьская социалистическая революция: энцикл. / под ред. П. А. Голуба [и др.]. — 3-е изд., доп. — М.: Сов. энцикл. 1987. — 639 с.
16. Веремеев, Ю. Военная служба в Германской империи в начале XX века. Ч. 1 / Ю. Веремеев // Анатомия армии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hist/nem-armia-1901.shtml>. — Дата доступа: 01.11.2010.
17. Веремеев, Ю. Военная служба в Германской империи в начале XX века. Ч. 2 / Ю. Веремеев // Анатомия армии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hist/nem-armia-1901-a.shtml>. — Дата доступа: 01.11.2010.
18. Веремеев, Ю. Военная служба в Германской империи в начале XX века. Ч. 3 / Ю. Веремеев // Анатомия армии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hist/nem-armia-1901-b.shtml>. — Дата доступа: 01.11.2010.
19. Военное право в России при Петре Великом. Артикул воинский, с объяснениями преобразований в военном устройстве и в военном хозяйстве по русским и иностранным источникам / П. О. Бобровский. — СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. — Ч. 2, Вып. 2. — 808 с.

20. Военные вопросы в курсе истории СССР / А. А. Каралюк [и др.]. — М.: Воениздат, 1986. — 207 с.
21. *Воловинский, В. В.* Защита Отечества и шестая заповедь / В. В. Воловинский. — Пермь, 1965. — 46 с.
22. *Воронцов, Г. В.* Массовый атеизм: становление и развитие / Г. В. Воронцов. — Л.: Лениздат, 1983. — 183 с.
23. *Воронцов, Г. В.* Ленинская программа атеистического воспитания в действии (1917—1937 гг.) / Г. В. Воронцов. — Л., 1973. — 176 с.
24. Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910—1930-е годы / сост. А. Б. Рогинский; прим. Д. И. Зубарева, А. Б. Рогинского. — М.: Книга, 1989. — 477 с.
25. Всеобщая декларация прав человека // Международные акты о правах человека: сб. документов. — М.: Изд. группа НОРМА — ИНФРА — М., 1999. — 784 с.
26. *Гаинцев, М.* Три месяца с сектантами / М. Гаинцев, Х. Кривохатский // Антирелигиозник. — 1928. — С. 60—69.
27. *Галактионов, М. Р.* Капиталистическая машина войны и религия / М. Р. Галактионов. — М.; Л., 1931. — 31 с.
28. *Галактионов, М. Р.* Классовый враг под сектантской личиной / М. Р. Галактионов. — М.; Л., 1930. — 46 с.
29. *Галактионов, М. Р.* Ленин о религии и борьбе с ней / М. Р. Галактионов. — М.: ГАИЗ, 1933. — 92 с.
30. *Галактионов, М. Р.* Оборона СССР и религия / М. Р. Галактионов. — М.: Моск. рабочий, 1930. — 108 с.
31. *Гацко, М. Ф.* Правовое обеспечение строительства Вооруженных Сил Российской Федерации / М. Ф. Гацко. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 342 с.
32. *Гидулянов, П. В.* Отделение церкви от государства в СССР: полн. сб. декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и др. Советских Социалистических Республик: У. С. С. Р., Б. С. С. Р., З. С. Ф. С. Р., Узбек. и Туркм. / П. В. Гидулянов; под ред. П. А. Красикова. — 3-е изд., перераб. и доп. узаконениями и распоряжениями по 15 мая 1926 г. — М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. — 712 с.
33. *Головин, Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне / Н. Н. Головин // Военно-исторический журнал. — 1993. — № 4. — С. 22—30.
34. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Фонд А353. — Оп. 5. — Д. 238.
35. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Фонд А353. — Оп. 6. — Д. 18.
36. Государственный музей истории религии (ГМИР). — Фонд 13. — Оп. 1. — Д. 60.
37. Государственный музей истории религии (ГМИР). — Фонд 2. — Оп. 23. — Д. 45.
38. Государственный музей истории религии (ГМИР). — Фонд 3. — Оп. 1. — Д. 5.
39. Государственный музей истории религии (ГМИР). — Фонд 3. — Оп. 1. — Д. 144.
40. Государственный музей истории религии (ГМИР). — Фонд 4. — Оп. 2. — Д. 103.
41. *Гусейнов, А. А.* Великие моралисты / А. А. Гусейнов. — М.: Республика, 1995. — 350 с.
42. *Гусейнов, А. А.* Философия. Мораль. Политика / А. А. Гусейнов. — М.: Академкнига, 2002. — 300 с.

43. Документ Копенгагенского Совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ // Международные акты о правах человека. Сборник документов. — М.: Изд. группа НОРМА — ИНФРА — М, 1999. — 784 с. — С. 653—664.
44. Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. — М.: ИВИ РАН, 1997; Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://krotov.info/library/05_d/ol/giy_0.htm — Дата доступа: 26.09.2010.
45. Долгих, Ф. И. / Коммунистическое воспитание и религия / Ф. И. Долгих, А. П. Курантов. — М.: Воениздат, 1964. — 149 с.
46. Долгих, Ф. И. Коммунистические идеалы и атеистическое воспитание воинов / Ф. И. Долгих, А. П. Курантов. — М.: Воениздат, 1976. — 214 с.
47. Долгих, Ф. И. Коммунистическое воспитание и преодоление религиозных пережитков / Ф. И. Долгих, А. П. Курантов. — М.: Воениздат, 1961. — 92 с.
48. Есть ли границы у свободы совести? // Красная звезда. — 1991. — 10 авг. — С. 5.
49. Зюзин, А. И. Деятельность Коммунистической партии по атеистическому воспитанию воинов Красной Армии в период борьбы за победу социализма в СССР (1918—1937 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.01. / А. И. Зюзин. — М., 1980. — 217 с.
50. Игнатов, А. Н. Меннониты / А. Н. Игнатов. — М.: Мысль, 1978. — 215 с.
51. Из армии США за два года дезертировали более восьми тысяч солдат [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2006/03/07/deserted>. — Дата доступа: 04.07.2010.
52. Из истории Церкви адвентистов Седьмого дня в России. — Калининград, 1993. — 324 с.
53. Ильин, И. А. Основное нравственное противоречие войны / И. А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 т. / И. А. Ильин. — М.: Русская книга, 1993. — Т. 5. — 1995. — 604 с.
54. Ильин, И. А. Почему мы верим в Россию: сочинения / И. А. Ильин. — М.: Эксмо, 2006. — 912 с.
55. Ильиных, Н. И. О современном меннонитстве / Н. И. Ильиных. — М.: Знание, 1968. — 33 с.
56. Ильиных, Н. И. Под маской святош (О реакционной деятельности секты меннонитов) / Н. И. Ильиных. — Оренбург, 1963. — 33 с.
57. Илюхина, Р. М. Российский пацифизм вчера и сегодня / Р. М. Илюхина. — М.: ИВИ, 1992. — 100 с.
58. История первой мировой войны 1914—1918 гг. / А. М. Агеев [и др.]; под ред. И. И. Ростунова — М.: Наука, 1975; Военная литература [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://militera.lib.ru/h/www1/index.html>. — Дата доступа: 01.11.2010.
59. История российских немцев в документах (1763—1992 гг.) / Междунар. ин-т гуманист. программ, РАУ-корпорация; сост.: В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева. — М., 1993. — 448 с.
60. Как это делалось в Российской империи // Новое время. — 1991. — № 10. — С. 33—34.
61. Калиничева, З. В. Социальная сущность баптизма 1917—1929 гг. / З. В. Калиничева. — Л., 1972. — 140 с.
62. Кандидов, Б. П. Вредительство, интервенция и церковь / Б. П. Кандидов. — М.: Безбожник, 1931. — 72 с.

63. *Кандидов, Б. П.* Голод 1921 г. и церковь / Б. П. Кандидов. — М.; Л., 1932. — 78 с.
64. *Кандидов, Б. П.* Религиозная контрреволюция 1918—1920 гг. и интервенция (очерки и материалы) / Б. П. Кандидов. — М.: Безбожник, 1930. — 148 с.
65. *Кандидов, Б. П.* Сектантство и мировая война / Б. П. Кандидов. — М.: Атеист, 1930. — 47 с.
66. *Кандидов, Б. П.* Церковный фронт в годы мировой войны / Б. П. Кандидов. — 2-е изд., доп. — М.: Атеист, 1929. — 159 с.
67. *Кандидов, Б. П.* Церковь и гражданская война на юге (материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны) / Б. П. Кандидов. — М.: Безбожник, 1931. — 295 с.
68. *Кандидов, Б. П.* Церковь и 1905 г.: очерки и материалы / Б. П. Кандидов. — М.: Атеист, 1930. — 198 с.
69. Карманный словарь атеиста / Ю. А. Бахныкин [и др.]; под ред. М. П. Новикова. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1985. — 271 с.
70. *Карпович, И. Т.* Обретение истины: рассказ бывшего баптистского проповедника, ставшего атеистом / И. Т. Карпович. — Минск: Беларусь, 1989. — 140 с.
71. *Каушанский, П. Л.* Идеология и деятельность христианских сект / П. Л. Каушанский — Кемерово, 1965. — 107 с.
72. Квакеры // Онлайн Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/KVAKERI.html. — Дата доступа: 01.11.2010.
73. *Керсновский, А. А.* Философия войны / А. А. Керсновский // Изд-е «Царского вестника». — Белград, 1939. — 94 с.
74. *Клибанов, А. И.* Классовое лицо современного сектантства / А. И. Клибанов. — Л.: Прибой, 1928. — 102 с.
75. *Клибанов, А. И.* История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. — 1917 г.) / А. И. Клибанов. — М.: Наука, 1965. — 348 с.
76. *Клибанов, А. И.* Проблемы изучения и критики религиозного сектантства / А. И. Клибанов. — М.: Знание, 1971. — 64 с.
77. *Клибанов, А. И.* Религиозное сектантство и современность (социологические и исторические очерки) / А. И. Клибанов. — М.: Наука, 1969. — 272 с.
78. *Комаровский, Л. А.* Гагская мирная конференция 1899 года / Л. А. Комаровский. — М.: Об-во взаимопомощи студентов юристов Моск. ун-та, 1905. — 64 с.
79. *Комаровский, Л. А.* О международном суде / Л. А. Комаровский; отв. ред. Л. Н. Шестаков. — М.: Зерцало, 2007. — 442 с.
80. *Комаровский, Л. А.* О политических причинах войны в современной Европе / Л. А. Комаровский. — М.: Унив. тип., 1888. — 27 с.
81. *Комаровский, Л. А.* По вопросу о международной организации Европы / Л. А. Комаровский. — М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. — 53 с.
82. *Комаровский, Л. А.* Успехи идеи мира / Л. А. Комаровский. — М.: Гросман и Кнебель (И. Кнебель), 1898. — 219 с.
83. Комплектование русской армии XVIII — начало XX века / Анатомия армии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://army.armor.kiev.ua/hist/k_rus_arm.shtml. — Дата доступа: 01.11.2010.

84. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Права человека: сб. междунар. документов. — Варшава, 2002. — 458 с.
85. Конституция Республики Беларусь. — Минск: Беларусь, 2000. — 95 с.
86. Красиков, П. А. Избранные атеистические произведения / П. А. Красиков. — М.: Мысль, 1970. — 270 с.
87. Красиков, П. А. На церковном фронте (1918—1923) / П. А. Красиков. — М., 1923. — 311 с.
88. Крестьянинов, В. Ф. Меннониты / В. Ф. Крестьянинов. — М.: Политиздат, 1967. — 239 с.
89. Критика религиозного сектантства: опыт изучения религ. сектантства в 20-х — начале 30-х гг.: сб. / сост. и авт. примеч. Г. С. Лялина. — М.: Мысль, 1974. — 263 с.
90. Крывелев, И. А. Ленин о религии / И. А. Крывелев. — М., 1960. — 239 с.
91. Кузьмин-Караваев, В. А. Уклонение от воинской повинности / В. А. Кузьмин-Караваев // Вестник Европы. — 1906. — № 10. — С. 756—770.
92. Куликов, М. Альтернативная служба: что это такое? / М. Куликов // Тыл Вооруженных Сил СССР. — 1991. — № 4. — С. 13—16.
93. Куроедов, В. А. Религия и церковь в советском обществе / В. А. Куроедов. — 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1984. — 256 с.
94. Левинсон, Л. С. Альтернатива призыву: тем, кто делает выбор / Л. С. Левинсон. — М.: За демократическую альтернативную гражданскую службу, 2006. — 224 с.
95. Ленин, В. И. Задачи русских социал-демократов / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — М., 1969. — Т. 2. — С. 433—470.
96. Ленин, В. И. Об атеизме, религии и церкви (сборник статей, писем и других материалов) / В. И. Ленин. — М.: Мысль, 1969. — 317 с.
97. Луначарский, А. В. Почему нельзя верить в бога? / А. В. Луначарский // Избранные атеистические произведения / А. А. Луначарский. — М.: Наука, 1965. — 443 с.
98. Малахова, И. А. Духовные христиане / И. А. Малахова. — М.: Политиздат, 1970. — 128 с.
99. Малахова, И. А. Современный баптизм: идеология и деятельность / И. А. Малахова. — М.: Знание, 1987. — 62 с.
100. Малиновский, В. Ф. Избранные общественно-политические сочинения / В. Ф. Малиновский. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. — 170 с.
101. Мамонтов, В. Отказник — птица вольная? (Об альтернативной службе) / В. Мамонтов // Сын Отечества. — 1992. — 31 июля. — С. 4—5.
102. Маранов, Р. В. Альтернативная служба в странах СНГ и Балтии / Р. В. Маранов. — Пермь: ООО «Книга», 2000. — 126 с.; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.prgc.ru/ags3/index.shtml>. — Дата доступа: 01.11.2010.
103. Международный пакт о гражданских и политических правах // Международные акты о правах человека: сб. документов. — М.: Изд. группа НОРМА — ИНФРА-М., 1999. — С. 53—68.
104. Мелешко, Е. Д. Христианская этика Л. Н. Толстого / Е. Д. Мелешко; Ин-т философии РАН. — М.: Наука, 2006. — 309 с.
105. Меннонитство // Википедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. — Дата доступа: 31.10.2010.

106. Меннониты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mb-soft.com/believe/trxt/mennonit.htm>. — Дата доступа: 31.10.2010.
107. *Милюков, П.* Воспоминания. Государственная деятельность (1907—1917) / П. Милюков // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/13_m/il/yukov_05.htm#11. — Дата доступа: 26.09.10.
108. На пути к свободе совести. — М.: Прогресс, 1989. — 496 с.
109. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР) РГБ — Фонд 435. — Карт. 18. — Ед. хр. 19.
110. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР) РГБ. — Фонд 435. — Карт. 66. — Ед. хр. 13.
111. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР) РГБ. — Фонд 435. — Карт. 18. — Ед. хр. 4.
112. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР) РГБ. — Фонд 435. — Карт. 65. — Ед. хр. 10.
113. Ненасилие: философия, этика, политика / А. А. Гусейнов [и др.]; отв. ред. А. А. Гусейнов; Рос. АН, Ин-т философии. — М.: Наука, 1993. — 186 с.
114. *Никольский, Н. М.* История русской церкви / Н. М. Никольский. — 3-е изд. — М.: Политиздат, 1983. — 448 с.
115. Новый закон о воинской повинности. — Одесса, 1916. — 32 с.
116. О работе среди сектантов: Резолюция II съезда РСДРП // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). — 9-е изд., доп. и испр. — М., 1983. — Т. 1. — С. 70.
117. Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям: Декрет СНК от 4 января 1919 г. // Декреты Советской власти: сб. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории Академии наук СССР. — М.: Госполитиздат, 1957 — Т. 4; М.: Политиздат, 1968. — Т. XII. — 731 с.
118. От редакции // Вестник мира. — 1912 (декабрь). — С. 3.
119. Отсрочки и освобождение по призывам в армию. — Петроград, 1916. — 280 с.
120. Павел Милюков. Воспоминания. — Т. 2. — С. 47 // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/13_m/il/yukov_05.htm#11. — Дата доступа: 26.09.2010.
121. *Павлов, А. В.* Война. Армия. Религия / А. В. Павлов. — М.: Воениздат, 1988. — 158 с.
122. Пацифизм в истории. Идеи и движения мира // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/16_p/paz/ifizm_01.htm. — Дата доступа: 26.09.2010.
123. *Паюсов, К. А.* Атеистическое воспитание советских воинов / К. А. Паюсов. — М.: Воениздат, 1963. — 87 с.
124. *Паюсов, К. А.* Война и религия (анализ религиозного сознания по вопросам войны и армии): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / К. А. Паюсов. — М., 1975. — 58 с.
125. *Паюсов, К. А.* Советский воинский долг и религия / К. А. Паюсов. — М.: Воениздат, 1964. — 130 с.
126. *Плаксин, Р. Ю.* Крах церковной контрреволюции. 1917—1923 гг. / Р. Ю. Плаксин. — М.: Наука, 1968. — 192 с.

127. Подлинная история Общества свидетелей Иеговы // Библиотека православного миссионера [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://missioner.kugaev.ru>. — Дата доступа: 01.11.2010.
128. Попов, С. Религия и оборона СССР / С. Попов. — Л.: Прибой, 1930. — 15 с.
129. Пوراкишвили, З. И. К вопросу об идеологической борьбе с религиозным сектантством (на примере исследования секты духоборов в Грузии): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06 / З. И. Поракишвили. — Тбилиси, 1967. — 207 с.
130. Преподобный Исидор, Пелусиот. Письма / Преподобный Исидор, Пелусиот. — М., 2000.
131. Прокофьев, В. И. Две морали (мораль религиозная и мораль коммунистическая) / В. И. Прокофьев. — М.: Воениздат, 1961. — 119 с.
132. Пронозин, А. Альтернативная служба / А. Пронозин // Новое время. — 1991. — № 10. — С. 32—35.
133. Протоиерей, о. Всеволод (Чаплин) Благословляет ли Церковь войну? Не стоит ставить знак равенства между христианством и пацифизмом / протоиерей о. Всеволод (Чаплин) // Российское объединение исследователей религии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rusoig.ru>. — Дата доступа: 04.07.2010.
134. Проханов И. С. В котле России, 1869—1933: автобиография Ивана Степановича Проханова с изложением основных фактов движения Евангельских христиан в России / И. С. Проханов. — М.: Протестант, 1993. — 255 с.
135. Путинцев, Ф. М. Политическая роль сектантства / Ф. М. Путинцев — М.: Безбожник, 1929. — 127 с.
136. Путинцев, Ф. М. Политическая роль и тактика сект / Ф. М. Путинцев. — М.: ГАИЗ, 1935. — 480 с.
137. Путинцев, Ф. М. Современное сектантство / Ф. М. Путинцев // Антирелигиозник, — 1928. — № 4. — С. 44—57.
138. Пчелинцев, А. В. Альтернативная служба / А. В. Пчелинцев // Агитатор армии и флота. — 1992. — № 1. — С. 12—13.
139. Пчелинцев, А. В. Свобода совести и воинский долг / А. В. Пчелинцев // Человек и закон. — 1990. — № 3. — С. 27—32.
140. Рассказ Андрея Ивановича Кудрина об его отказе от воинской повинности // Истинная свобода. — 1920. — № 3. — С. 9—23.
141. Рейнмарус, А. Меннониты (краткий очерк) / А. Рейнмарус, Г. Фризен. — М.: Безбожник, 1930. — 83 с.
142. Розенбаум, Ю. Альтернативная служба / Ю. Розенбаум // Аргументы и факты. — 1991. — № 28. — С. 2.
143. Российский вестник «Международной амнистии». — 1997. — № 7. — С. 32—33.
144. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Фонд 4. — Оп. 2. — Д. 3089.
145. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Фонд 17. — Оп. 65. — Д. 123.
146. Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил: стат. исслед. / Г. Ф. Кривошеев [и др.]; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. — М.: Олма-пресс, 2001. — 607 с.
147. Русское православие: веки истории / науч. ред. Клибанов А. И. — М.: Политиздат, 1989. — 719 с.

148. *Савицкий, М.* Об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям / М. Савицкий // Вестн. Верховного Суда и Прокуратуры Верховсуда СССР. — 1927. — № 1. — С. 8—11.
149. *Святитель, Афанасий Великий.* Творения: в 4 т. / Афанасий Великий Святитель. — М., 1994. — Т. 3. — 524 с.
150. *Святитель, Василий Великий.* Примите слово мое / Василий Великий Святитель. — М., 2006. — 498 с.
151. *Святитель, Филарет (Дроздов)* Избранные труды, письма, воспоминания / Филарет (Дроздов) Святитель. — М., 2003. — 992 с.
152. Святые отцы церкви о войне и воинском служении // Православие.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal>. — Дата доступа: 04.09.2009.
153. Священное Писание о войне и воинском служении // Православие.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal>. — Дата доступа: 04.09.2009.
154. Сектанты в трудностях: сб. очерков. — М.: Безбожник, 1930. — 77 с.
155. *Сидоров, Д. И.* Война и религия / Д. И. Сидоров. — М.: Воениздат, 1961. — 170 с.
156. *Сидоров, Д. И.* Защита Родины и религия / Д. И. Сидоров. — М.: Воениздат, 1963. — 115 с.
157. *Скорик, Е. Ф.* Концепции ненасилия Л. Н. Толстого: история и современность: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06 / Е. Ф. Скорик. — М., 1992. — 217 с.
158. *Ствольгин, К. В.* Дифференциация убеждений призывников, дающих право на альтернативную гражданскую службу: психологический аспект проблемы / К. В. Ствольгин // Наука і освіта. Науково-практичний журнал Пiденного наукового центру АПН України. — 2010. — № 2. — С. 50—56.
159. *Ствольгин, К. В.* Религиозные убеждения христиан относительно участия в войнах: теоретический аспект проблемы / К. В. Ствольгин // Наука і освіта. Науково-практичний журнал Пiденного наукового центру АПН України. — 2010. — № 4—5. — С. 38—44.
160. *Ствольгин, К. В.* Альтернативная служба: история и современность / К. В. Ствольгин. — Минск: МВВПОУ, 1991. — 28 с.
161. *Ствольгин, К. В.* Отказы от воинской службы: проблема мотивов призывников / К. В. Ствольгин // Наука і освіта. Науково-практичний журнал Пiденного наукового центру АПН України. — 2009. — № 4. — С. 39—43.
162. *Ствольгин, К. В.* Политика освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям в Советском государстве (1918—1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / К. В. Ствольгин. — Минск, 1997. — 120 л.
163. *Стручков, Г. Е.* Антирелигиозная работа в Красной Армии / Г. Е. Стручков. — М., 1934. — 46 с.
164. *Суглобов, Г. А.* Союз креста и меча (церковь и война) / Г. А. Суглобов. — М.: Воениздат, 1969. — 145 с.
165. *Тимофеев, М.* Альтернативная служба: какой ей быть? / М. Тимофеев // Человек и закон. — 1990. — № 9. — С. 47.
166. *Тимофеев, М.* По религиозным или иным соображениям (об альтернативной службе) / М. Тимофеев // Морской сб. — 1990. — № 10. — С. 6—8.

167. *Толстой, Л. Н.* [Письмо в шведские газеты о присуждении Нобелевской премии духоборам] / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 70. — С. 149—154.
168. *Толстой, Л. Н.* Не убий никого / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 37. — С. 39—54.
169. *Толстой, Л. Н.* Неизбежный переворот / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 38. — С. 297—305.
170. *Толстой, Л. Н.* О насилии: (о непротавлении злу злом): письмо к М. А. Энгельгардту 1882 г. / Л. Н. Толстой. — М.: Посредник, 1917. — 15 с.
171. *Толстой, Л. Н.* Офицерская памятка / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 34. — С. 284—290.
172. *Толстой, Л. Н.* Патриотизм или мир? / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 90. — С. 45—53.
173. *Толстой, Л. Н.* Письмо к фельдфебелю / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 90. — С. 54—59.
174. *Толстой, Л. Н.* Солдатская памятка / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 34. — С. 280—283.
175. Толстой Лев Николаевич: библиографическая справка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich. — Дата доступа: 31.10.2010.
176. *Толстой, Л. Н.* Крейцерава соната / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений: в 22 т. / Л. Н. Толстой. — М.: Худ. лит., 1982. — Т. 12. — 478 с.
177. *Толстой, Л. Н.* Проект о реформировании армии / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений: в 22 т. / Л. Н. Толстой; коммент. Л. Д. Опульской. — М.: Худ. лит., 1983. — Т. 16. — 447 с.
178. *Толстой, Л. Н.* В чем моя вера? // Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 23. — С. 548—555.
179. *Толстой, Л. Н.* Доклад, приготовленный для конгресса мира в Стокгольме / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 38. — С. 119—125.
180. *Толстой, Л. Н.* Закон ненасилия и закон любви // Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 38. — С. 119—125.
181. *Угринович, Д. М.* Психология религии / Д. М. Угринович — М.: Политиздат, 1986. — 352 с.
182. *Урсынович, С. К.* В вопросу об освобождении от воинской повинности по религиозным мотивам / С. Урсынович // Революция и церковь. — 1923. — № 1—3. — С. 13—16.
183. Устав воинствующего пацифизма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.religare.ru>. — Дата доступа: 01.11.2010.
184. Устав Лесной, 1905 г. // Устав о воинской повинности. — СПб., 1913. — Приложение к ст. 23.
185. Устав о воинской повинности. — СПб., 1874. — 79 с.
186. Устав о воинской повинности. — СПб., 1886. — 120 с.
187. Устав о воинской повинности. — СПб., 1907. — 210 с.
188. *Уткин, А. И.* I мировая война / А. И. Уткин. — М.: Алгоритм-Книга, 2001. — 592 с.

189. *Федорович, Н. В.* В. И. Ленин об отношении религии к вопросам войны и мира / Н. В. Федорович. — Л., 1970. — 40 с.
190. *Федорович, Н. В.* Религия и война (церковь на службе милитаризма и агрессии в прошлом и настоящем) / Н. В. Федорович. — Л., 1971. — 24 с.
191. *Филимонов, Э. Г.* Баптизм и гуманизм / Э. Г. Филимонов. — М.: Мысль, 1968. — 184 с.
192. *Храпов, И.* Среди сектантов-трудармейцев / И. Храпов // Безбожник. — 1928. — № 22. — С. 4—5.
193. *Черказьянова, И. В.* Религиозные общины меннонитов и баптистов в Западной Сибири [Электронный ресурс] / И. В. Черказьянова. — Режим доступа: <http://museum.omskelecom.ru>. — Дата доступа: 31.10.2010.
194. *Чудновцев, М. А.* Политическая роль церковников и сектантов в СССР / М. А. Чудновцев. — М.: Безбожник, 1930. — 112 с.
195. *Шейман, М. М.* Война и религия / М. М. Шейман. — М.: Безбожник, 1929. — 32 с.
196. *Шилов, А.* Альтернативная служба: история и современность / А. Шилов // Информ.-метод. сб. Центра военных соц., психол. и правовых исслед. Вооруженных сил. — 1992. — № 2. — С. 37—38.
197. *Элиашевич, И. Я.* Религия и война / И. Я. Элиашевич. — Л.: Прибой, 1930. — 80 с.
198. *Эльвин, И. Д.* Церковь и война (1914—1918 гг.) / И. Д. Эльвин. — М., 1934. — 124 с.
199. *Энгельгардт, М. А.* Вечный мир и разоружение / М. А. Энгельгардт. — СПб., 1899. — 235 с.
200. *Энгельгардт, М. А.* Прогресс как эволюция жестокости / М. А. Энгельгардт. — Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2006. — 605 с.
201. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат: в 52 т. — 7-е изд., перераб. — М. — Т. 37.
202. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат: в 52 т. — 7-е изд., перераб. — М. — Т. 3.
203. *Aitken, J.* Charles W. Colson: a life redeemed / J. Aitken. — London; N. Y.: Continuum, 2005. — 436 pp.
204. *Bamba, N.* Pacifism in Japan The Christian a. social. / N. Bamba. — Tradition Vancouver Univ. of Brit. Columbia press Cop., 1978. — 300 p.
205. Bibliography of Scholarly Publications by Peter de Beauvoir Brock from 1951—1999. — Toronto: University of Toronto Press Incorporated, 1999. — 25 p.
206. *Brenner, A. D.* Weimar German pacifist and professor / A. D. Brenner, E. J. Gumbel. — Boston, 2001. — 227 p.
207. *Brock, P.* Freedom from Violence^ Sectarian Pacifism from the Middle Ages to the Great War / P. Brock. — Toronto: University of Toronto Press, 1991. — 385 p.
208. *Brock, P.* Freedom from war: Nonsectarian Pacifism 1814—1914/ P. Brock. — Toronto: University of Toronto Press, 1991. — 436 p.
209. *Brock, P.* Pacifism in the twentieth century/ P. Brock, N. Young. — Toronto: Syracuse University Press, 1999. — 436 p.
210. *Cady, D. L.* From warism to pacifism a moral continuum / D. L. Cady. — Philadelphia: Temple univ. press Cop., 1989. — 159 p.

211. *Charles, J. D.* Between pacifism and Jihad: just war and Christian tradition / J. D. Charles. — InterVarsity Press, 2005. — 196 p.
212. *Childress, J. F.* Moral responsibility in conflicts: Essays on nonviolence, war, a conscience / J. F. Childress. — Baton Rouge; London: Louisiana state univ. press, Cop., 1982. — 224 p.
213. *Cooper, S. E.* Patriotic pacifism waging war on war in Europe, 1815—1914 / S. E. Cooper. — M.: ПГБ, 2005.
214. *Dickens, B.* Paths to pacifism / B. Dickens. — N. Y.: Exposition press Cop., 1972. — 31 p.
215. *Erikson, E. H.* Gandhi's truth: On the origins of militant nonviolence / E. H. Erikson. — London: Faber a. Faber, 1970. — 474 p.
216. *Gallie, W. B.* Philosophers of peace and war : Kant, Clausewitz, Marx, Engels a. Tolstoy / W. B. Gallie. — Cambridge: Cambridge univ. press, 1978. — 147 p.
217. *Galtung, J.* Nonviolence and Israel / Palestine / J. Galtung. — Honolulu: Univ. of Hawaii inst. for peace, Cop. 1989. — 79 pp.
218. *Green, M.* Tolstoy and Gandhi, men of peace: A biography / M. Green. — N. Y.: Basic books, Cop., 1983. — 319 p.
219. *Holt, S.* Terror in the name of God: The story of the sons of freedom Doukhobors / S. Holt. — Toronto; Montréal: McClelland a. Stewart, Cop., 1964. — 312 p.
220. *Howlett, C. F.* A history of the American peace movement : from colonial times to the present / C. F. Howlett, R. Lieberman. — Lewiston; N. Y. [etc.]: Edwin Mellen Press, cop., 2008. — 584 p.
221. Islam and nonviolence. — Honolulu Center for global nonviolence planning project. Matsunaga inst. for peace. Univ. of Hawai'i, 1993. — 162 p.
222. *Kumar, M.* Violence and nonviolence in international relations / M. Kumar. — Delhi: Thomson press (India), 1975. — 256 p.
223. *Kytle, C.* Gandhi, soldier of nonviolence: An introd. / C. Kytte, C. John (Md.). — Washington: Seven Locks press, Cop., 1982. — 203 p.
224. *Vasto del, L.* Warriors of peace: Writings on the technique of nonviolence / L. del Vasto; ed. by M. Random; transl. from the French by J. Sidgwick. — N. Y.: Knopf, 1974. — 226 p.
225. *Loewen, R.* Diaspora in the countryside: two Mennonite communities and mid-twentieth-century rural disjuncture / R. Loewen. — Toronto [etc.]: Univ. of Toronto press, cop., 2006. — 331 p.
226. *Martin, D. A.* Pacifism: an historical and sociological study / D. A. Martin. — London: Routledge & Kegan Paul, 1965. — 249 p.
227. *Paige, G. D.* To nonviolent political science : From seasons of violence / G. D. Paige. — Honolulu: Center for global nonviolence planning project; Matsunaga inst. for peace; Univ. of Hawai'i, 1993. — 179 p.
228. *Perris, G. H.* Leo Tolstoy, the Grand Mujik: a study in personal evolution / G. H. Perris; with a prefatory note by F. Volkhovsky, portrait and bibliography. — T. Fischer Unwin, 1898. — 236 p.
229. *Ramsey, P.* Speak up for just war or pacifism: A critique of the United methodist bishops' pastoral letter «In defense of creation» / P. Ramsey. — University Park; London: Pennsylvania state univ. press Cop., 1988. — 214 p.

230. *Redfearn, D.* Tolstoy: Principles for a new world order / D. Redfearn. — London: Shepherd-Walwyn, 1992. — 196 p.
231. *Remple, H. D.* From Bolshevik Russia to America: a mennonite family story / H. D. Remple. — Boston Pearson custom publ. cop., 2008. — 334 p.
232. *Scott, R. C.* Quakers in Russia / R. C. Scott. — London, 1964. — 302 p.
233. *Seeley, R. A.* The handbook of non-violence / R. A. Seeley. — Westport Hill Cop., 1986. — 344 p.
234. *Sonnleitner, M. W.* Gandhian nonviolence: Levels of Satyagraha / M. W. Sonnleitner. — New Delhi: Abhinav publ., 1985. — 92 p.
235. *Teichman, J.* Pacifism and the just war: a study in applied philosophy / J. Teichman. — N. Y.: Basil Blackwell Inc., — 1986. — 138 p.
236. *Vanderhaar, G. A.* Christians and nonviolence in the nuclear age: Scripture, the arms race, a. you / G. A. Vanderhaar; forew. by C. T. Dozier. — Mystic: Twenty-third publ, Cop., 1982. — 128 p.
237. *Williams, G.* The influence of Tolstoy on readers of his works / G. Williams. — Lewiston: Mellen press, Cop., 1990. — 448 p.

ВЕДОМОСТЬ

о нижних воинских чинах, осужденных Военно-окружными судами за отказы по своим убеждениям от употребления оружия против врагов Отечества и обязанности нести военную службу (со времени возникновения войны и по 1 апреля 1917 г.).

Баптисты и штундисты	—	114
Вероисповедание не указано	—	249
Духоборы	—	16
Малеванцы	—	27
Евангельские христиане	—	256
Молокане, духовные христиане	—	22
Адвентисты	—	70
Субботники	—	16
Духовные христиане	—	6
Иеговисты	—	7
Свободные христиане	—	8
Иудействующие	—	8
Толстовцы	—	18
Квакеры	—	6
Добролюбцы	—	13
Гернгутеры	—	1
ИТОГО:		837 человек

См. ГА РФ. — Фонд А353. — Оп. 5. — Д. 238. — Л. 316—317.

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТКА

Итак, не бойтесь их: ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано. Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне.

(Мф. X, 26, 27, 28)

Петр же и апостолы в ответ сказали: должно поноваться больше богу, нежели человекам.

(Деяния V, 29)

Ты солдат, тебя учили стрелять, колоть, маршировать, гимнастике, обучали словесности, водили на ученья и смотры; может быть, ты попал и на войну и воевал с турками или китайцами, исполняя всё, что тебе приказывали; тебе и в голову не приходило спросить себя: хорошо или дурно то, что ты делаешь?

Но вот получается приказ выступать твоей роте или эскадрону и взять боевые патроны. Ты едешь или идешь, не спрашивая, куда тебя ведут.

Полк подводит к деревне или фабрике, и ты видишь издалика, что на площади толпится народ, деревенский или фабричный, мужчины, женщины с детьми, старики, старухи. Губернатор, прокурор с полицейскими подходят к толпе и о чем-то толкуют. Толпа сначала молчит, потом начинают кричать всё громче и громче, и начальство отходит от народа. И ты догадываешься, что это крестьяне или фабричные бунтуют и тебя привели усмирять их. Начальство несколько раз отходит от толпы и подходит к ней, но крики все громче и громче, и начальство переговаривается между собой, и тебе дают приказ заряжать ружье боевыми патронами. Ты видишь перед собой людей — тех самых, из которых ты взят: мужчин в поддевках, полушубках, лаптях, и женщин с детьми в платках и кофтах, таких же женщин, как твоя жена или мать.

Первый выстрел приказывают пустить через головы толпы. Но толпа не расходится и еще громче кричит; и вот тебе приказывают стрелять по-настоящему, не через головы, а прямо в середину толпы. Тебе внушено, что ты не ответственен в том, что произойдет от твоего выстрела. Но ты знаешь, что тот человек, который, обливаясь кровью, упадет от твоего выстрела, убит тобою и никем другим, и знаешь, что ты мог не выстрелить, и тогда человек не был бы убит.

Что тебе делать?

Мало того, что ты опустишь ружье и откажешься сейчас стрелять в своих братьев. Но ведь завтра может быть то же самое, и потому хо-

чешь — не хочешь тебе надо одуматься и спросить себя, что такое то звание солдата, которое довело тебя до того, что ты должен стрелять в своих безоружных братьев?

В евангелии сказано, что не только не должно убивать своих братьев, но не должно делать того, что ведет к убийству: не должно гневаться на брата и не ненавидеть врагов, а любить их.

В законе Моисея прямо сказано: «не убий», без всяких оговорок о том, кого можно и кого нельзя убивать. В правилах же, которым тебя учили, сказано, что солдат должен исполнять всякое, какое бы то ни было, приказание начальника, кроме приказания против царя, и в объяснении 6-ой заповеди сказано, что хотя заповедью этой запрещается убивать, но тот, кто убивает неприятеля на войне, не грешит против этой заповеди. В солдатской же памятке, которая висит во всех казармах и которую ты много раз читал и слушал, сказано, как солдат должен убивать людей. «Трое наскочат, первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун... Сломался штык, бей прикладом; если приклад отказал, бей кулаками; попортились кулаки, вцепись зубами».

Тебе говорят, что ты должен убивать потому, что ты присягал и отвечать за твои дела будешь не ты, а начальство.

Но прежде, чем ты присягал, т. е. обязался людям исполнять их волю, ты уже без присяги обязан во всем исполнять волю бога, того, кто дал тебе жизнь, — бог же не велит убивать.

Так что тебе никак нельзя было и присягать в том, что ты будешь делать всё, что прикажут тебе люди. От этого и в евангелии (Мф. V, 34) прямо сказано «не клянись вовсе»... «Говорите: да, да, нет, нет, а что более этого, то от лукавого». И то же сказано в послании Якова V, 12: «Прежде же всего, братия, не клянитесь ни небом, ни землею» и т. д. Так что сама присяга есть грех. То же, что они говорят, что за твои дела будешь отвечать не ты, а начальство, — явная неправда. Разве может совесть твоя быть не в тебе, а в ефрейторе, фельдфебеле, ротном, в полковнике или в ком бы то ни было? Никто не может за тебя решать, что ты можешь и должен и чего не можешь и не должен делать. И человек всегда ответственен за то, что он делает. Разве не во много раз легче убийства грех прелюбодеяния, а возможно ли, чтобы человек сказал другому: прелюбодействуй, я беру на себя твой грех, потому что я твой начальник.

Адам, как рассказывается в библии, согрешил против бога и сказал, что ему велела съесть яблоко жена, а жена сказала, что ее соблазнил дьявол. Бог не оправдал ни Адама, ни Еву и сказал им, что за то, что Адам послушал голоса своей жены, он будет наказан, и также будет наказана жена за то, что послушалась змия. И не оправдал, а наказал их.

Разве не то же самое скажет бог и тебе, когда ты убьешь человека и скажешь, что тебе велел это сделать ротный?

Обман виден уже из того, что в самом правиле о том, что солдат должен исполнять все приказания начальства, прибавлены слова: «кроме таких, которые клонятся ко вреду царя».

Если солдат должен, прежде чем исполнять приказания начальника, решить, не против царя ли оно, то как же ему еще прежде, чем исполнять приказания начальника, не обсудить, не против ли высшего царя-бога то, чего требует от него начальник? А нет более противного воле бога дела, как убивать людей. И потому нельзя повиноваться людям, если они велют тебе убивать людей. Если же ты повинешься и убиваешь, то делаешь это только из своей выгоды, чтобы тебя не наказали. Так что, убивая по приказанию начальства, ты точно такой же убийца, как и тот разбойник, который убивает купца, чтоб ограбить его. Тот польстился на деньги, а ты на то, чтобы не быть наказанным начальством и получить награду. Человек всегда сам отвечает за свои поступки перед богом. И никакая сила не может, как того хотят начальники, сделать из живого человека мертвую вещь, которой может помыкать, как вздумается всякий человек с большими эполетами. Христос научил людей тому, что они все сыны божии, и поэтому христианин не может отдавать свою совесть во власть другого человека, каким бы он не назывался титулом: королем, царем, императором. То же, что взявшие над тобой власть люди требуют от тебя убийства братьев, показывает только то, что люди эти обманщики и что поэтому не надо повиноваться им. Постыдно положение блудницы, которая всегда готова отдать на осквернение свое тело тому, на кого укажет ей хозяин, но еще постыднее положение солдата, всегда готового на величайшее преступление — на убийство всякого человека, на которого только укажет начальник.

И потому, если ты действительно хочешь поступить по божьи, то тебе надо сделать одно: свергнуть с себя постыдное и безбожное звание солдата и быть готовым перенести все страдания, которые они будут налагать на тебя за это.

Так что настоящая памятка солдата христианина не та, в которой сказано, что бог — солдатский генерал и другие коштунства и что солдат должен, во всем повинуюсь начальникам, быть готовым убивать чужих или своих, даже безоружных, братьев, — а в том, чтобы помнить слова писания о том, что *надо повиноваться богу более, нежели людям*, и не бояться тех, кто может убить тело, но души не может убить.

В этом одном настоящая, не обманная солдатская памятка.

(Толстой, Л. Н. Солдатская памятка / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 34. — С. 280—283).

Листовка с текстом работы Л. Н. Толстого «Солдатская памятка»

ВОЙНА МНЕ ВСЮ ДУШУ ИЗЪЕЛА...

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТКА

Л. Н. Толстой

Итак, не бойтесь их: ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано. Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне.

(Мф. X, 26, 27, 28).

Петр же и апостолы в ответ сказали: должно повиноваться больше богу, нежели человекам.

(Деян. V, 29).

Всё, о чем предупреждал Лев Толстой сбылось. Его мольбы никто не услышал. Человечество отмахивалось от Толстого как от назойливой мухи. Его статьи обличающие войну и военщину были опубликованы смехотворным тиражом и неизвестны даже специалистам по творчеству Льва Толстого, не говоря уже о простом обывателе.

Толстой сделал все, чтобы не произошло ничего из того, что случилось после того как он опубликовал свои работы. В XX-м веке человечество уничтожило больше людей чем за всю свою историю. 100 000 000 человек, и эти жертвы продолжатся.

И. Парфенов

Ты солдат, тебя учили стрелять, колоть, маршировать, гимнастике, обучали словесности, водили на ученья и смотры; может быть, ты попал и на войну и воевал с турками или китайцами, исполняя всё, что тебе приказывали; тебе и в голову не приходило спросить себя: хорошо или дурно то, что ты делаешь?

Но вот получается приказ выступать твоей роте или эскадрону и взять боевые патроны. Ты едешь или идешь, не спрашивая, куда тебя введут.

Полк подводит к деревне или фабрике, и ты видишь издали, что на площади толпится народ, деревенский или фабричный, мужчины, женщины с детьми, старики, старухи. Губернатор, прокурор с поли-

цейскими подходят к толпе и о чем-то толкуют. Толпа сначала молчит, потом начинают кричать всё громче и громче, и начальство отходит от народа. И ты догадываешься, что это крестьяне или фабричные бунтуют и тебе привели усмирять их.

Начальство несколько раз отходит от толпы и подходит к ней, но крики всё громче и громче, и начальство переговаривается между собою, и тебе дают приказ заряжать ружье боевыми патронами. Ты видишь перед собой людей - тех самых, из которых ты взят: мужчин в поддевках, полушубках, лаптях, и женщин с детьми в платках и кофтах, таких же женщин, как твоя жена или мать.

Первый выстрел приказывают пустить

через головы толпы. Но толпа не расходится и еще громче кричит, и вот тебе приказывают стрелять по-настоящему, не через головы, а прямо в середину толпы.

Тебе внушено, что ты не ответственен в том, что произойдет от твоего выстрела. Но ты знаешь, что тот человек, который, обливаясь кровью, упадет от твоего выстрела, убит тобою и никем другим, и знаешь, что ты мог не выстрелить, и тогда человек не был бы убит. Что тебе делать?

Мало того, что ты опустил ружье и откажешься сейчас стрелять в своих братьев. Но ведь завтра может быть то же самое, и потому хочешь - не хочешь тебе надо одуматься и спросить себя, что такое то звание солдата, которое довелось

Точно как—будто не было ни Волтера, ни Монтена, ни Паскаля, ни Свифта, ни Канта, ни Спинозы, ни сотен других писателей, с большой силой обличавших бессмысленность, ненужность войны и изображавших ее жестокость, безразличность, дикость и глупость, точно как будто не было Христа и его проповеди о братстве людей и любви к Богу и людям.

Л. Н. Толстой

Понятно, что язычник грек, римлянин, даже средневековый христианин, не знавший Евангелия и слепо веровавший во все предписания церкви, мог воевать и, воевая, гордиться своим военным званием; но как может верующий христианин или даже неверующий, но весь невольно проникнутый христианскими идеалами братства людей и любви, которым возмущены произведения философов, моралистов, художников нашего времени, как может такой человек взять ружье или стать к пушке и целиться в толпы ближних, желая убить их как можно больше?

Л. Н. Толстой

Уменьшатся, а потом и уничтожатся войска только тогда, когда общественное мнение будет клеймить позором людей, продающих из-за страха или выгоды свою свободу и становившихся в ряды убийц, называемых войском; а людей — теперь неизвестных и даже осуждаемых, — которые, несмотря на все гонения и страдания, переносимые ими за это, отказываются, отдав свою свободу в руки других людей, стать оплать орудиями убийства, — будет выставлять там, что они есть: передовыми борцами и благодетелями человечества.

Только тогда сначала уменьшатся, а потом совсем уничтожатся войска, и наступит новая эра в жизни человечества. И время это близко.

Л. Н. Толстой

Пропать, к которой мы идем, уже становится видна нам, и самые прослые, не философствующие, неученые люди не могут не видеть того, что, все больше и больше вооружая друг друга, мы, как паучки в банке, ни к чему иному не можем прийти, как только к уничтожению друг друга.

Л. Н. Толстой

тебя до того, что ты должен стрелять в своих безоружных братьев? В евангелии сказано, что не только не должно убивать своих братьев, но не должно делать того, что ведет к убийству: не должно гневаться на брата и не ненавидеть врагов, а любить их.

В законе Моисея прямо сказано: «не убий», без всяких оговорок о том, кого можно и кого нельзя убивать. В правилах же, которым тебя учили, сказано, что солдат должен исполнять всякое, какое бы то ни было, приказание начальника, кроме приказаний против царя, и в объяснении 6-ой заповеди сказано, что хотя заповедью этой запрещается убивать, но тот, кто убивает неприятеля на войне, не грешит против этой заповеди. В солдатской же памяти, которая висит во всех казармах и которую ты много раз читал и слушал, сказано, как солдат должен убивать людей. «Трое насכות, первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун... Сломали штык, бей прикладом; если приклад отказал, бей кулаками; попортились кулаки, вцепись зубами».

Тебе говорят, что ты должен убивать потому, что ты присягал и отвечать за твои дела будешь не ты, а начальство.

Но прежде, чем ты присягал, т.е. обязался людям исполнять их волю, ты уже был присяги обязан во всем исполнять волю бога, того, что дал тебе жизнь, - бог же не велит убивать.

Так что тебе никак нельзя было и присягать в том, что ты будешь делать всё, что прикажет тебе люди. От этого и в евангелии (Мф. V, 34) прямо сказано «не кланитесь во все»... «Говорите: да, да, нет, нет, а что более этого, то от лукавого». И то же сказано в послании Якова V, 12: «Прежде же всего, братия, не клянитесь ни небом, ни землею» и т.д. Так что сама присяга есть грех. То же, что они говорят, что за твои дела будешь отвечать не ты, а начальство, - явная неправда. Разве может совесть твоя быть не в тебе, а в ефрейторе, фельдфебеле, ротном, - полковнике или в ком бы то ни было? Никто не может за тебя решать, что ты можешь и должен и чего не можешь и не должен делать. И человек всегда ответственен за то, что он делает. Разве не во много раз легче убийства грех прелюбодеяния, а возможно ли, чтобы человек сказал другому: прелюбодействуй, я беру на себя твой грех, потому что я твой начальник.

Адам, как рассказывается в библии, согрешил против бога и сказал, что ему велела съесть яблоко жена, а жена сказала, что ее соблазнил дьявол. Бог не оправдал ни Адама, ни Еву и сказал им, что за то, что Адам послушал голоса своей жены, он будет наказан, и также будет наказана жена за то, что послушалась змия. И не оправдал, а наказал их. Разве не то же самое скажет бог и тебе, когда ты убьешь человека и скажешь, что тебе велел это сделать ротный?

Обман виден уже из того, что в самом правиле о том, что солдат должен исполнять все приказания начальства, прибав-

лены слова: «кроме таких, которые клонятся ко вреду царя». Если солдат должен, прежде чем исполнять приказания начальника, решить, не против царя ли оно, то как же ему еще прежде, чем исполнять приказания начальника, не обсудить, не прозая ли высшего царя-бога то, чего требует от него начальник? А нет более противного воле бога дела, как убивать людей. И потому нельзя повиноваться людям, если они велят тебе убивать людей. Если же ты повинешься и убиваешь, то делаешь это только из своей выгоды, чтобы тебя не наказали. Так что, убивая по приказанию начальника, ты точно такой же убийца, как и тот разбойник, который убивает купца, чтоб ограбить его. Тот польстился на деньги, а ты на то, чтобы не был наказанным начальством и получить награду. Человек всегда сам отвечает за свои поступки перед богом. И никакая сила не может, как это хотят начальники, сделать из живого человека мертвую вещь, которой может помыкать, как вздумается, всякий человек с большими эполетами. Христос научил люди тому, что они все сыны божий, и потому христиане не могут отдать свою совесть во власть другого человека, каким бы он ни назывался титулом: королем, царем, императором. То же, что взыщете над тобою власть люди требуют от тебя убивая братьев, показывает только то, что люди эти обманчики, и поэтому не надо повиноваться им. Постыдно положение блудницы, которая всегда готова отдать на освернение свое тело тому, на кого укажет ей хозяин, но еще постыднее положение солдата, всегда готового на величайшее преступление — на убийство всякого человека, на которого только укажет начальник.

И потому, если ты действительно хочешь поступить по-божи, то тебе надо сделать одно: свергнуть с себя постыдное и безбожное звание солдата и быть готовым перенести все страдания, которые от тебя будут надруганы на тебя за это.

Так что настоящая памятка солдата-христианина не та, в которой сказано, что бог - солдатский генерал и другие кошуштва и что солдат должен, во всем повиноваться начальникам, быть готовым убивать чужих или своих, даже безоружных, братьев, - а в том, чтобы помнить слова бискупа о том, что **надо повиноваться богу более, нежели людям**, и не бояться тех, кто может убить тело, но души не может убить.

В этом одном настоящая, не обманная солдатская памятка.

Близки осырают людям, переставших быть гражданами и делающихся солдатами. Их привильные выдают их из общности, их главное чувство есть преданность начальнику, они в лагерь принимаются как десептизм, к тому, чтобы достигать своих целей насильем и ирравно, правыми и счастливыми ближними; их главное удовольствие — бурные приключения, опасность. Мирные труды им противны.

Л. Н. Толстой

ОФИЦЕРСКАЯ ПАМЯТКА

А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской. Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн.

(Мф. XVIII, 6, 7)

Во всех солдатских помещениях висит прибитая к стене так называемая «Солдатская памятка», составленная генералом Драгомировым. Памятка эта есть набор мнимо солдатских народных (совершенно чуждых всякому солдату) глупо-ухарских слов, перемешанных с кощунственными цитатами из евангелия. Евангельские изречения приведены в подтверждение того, что солдаты должны убивать, зубами грызть своих врагов: «сломился штык, бей кулаками, отказались кулаки, вцепись зубами». В заключение же «Памятки» сказано, что бог есть генерал солдат: «Бог ваш генерал».

Ничто очевиднее этой «Памятки» не доказывает ту ужасную степень невежества, рабской покорности и озверения, до которых дошли в наше время русские люди. С тех пор, как появилось это ужаснейшее кощунство и было вывешено во всех казармах, а это уж очень давно, ни один начальник, ни священник, которых, казалось, прямо касается извращение смысла евангельских текстов, не выразил осуждения этому отвратительному произведению, и оно продолжает печататься в миллионах экземпляров и читаться миллионами солдат, принимающих это ужасное сочинение за руководство их деятельности.

Памятка эта давно возмущала меня, и теперь, боясь, что я не успею до смерти сделать это, я написал обращение к солдатам, в котором стараюсь напомнить им о том, что они, как люди и христиане, имеют совсем другие обязанности перед богом, чем те, которые выставляются в этой памятке. Такое напоминание, я думаю, нужно не одним солдатам, но еще более офицерству (под офицерством я разумею все военное начальство от прапорщика до генерала), которое поступает в военную службу или остается в ней не по принуждению, как солдаты, а по собственной охоте. Напоминание это, мне кажется, особенно нужно в наше время.

Ведь хорошо было лет 100 или 50 тому назад, когда война считалась неизбежным условием жизни народов, когда люди того народа, с которым велась война, считались варварами, неверными или злодеями и когда и в голову не приходило военным, чтобы они были вы-

нуждены для подавления и усмирения своего народа, — хорошо было тогда, надев пестрый, обшитый галунами мундирчик, ходить, гремя саблей и позванивая шпорами, или гарцовать перед полком, воображая себя героем, если еще и не пожертвовавшим, то все-таки готовым жертвовать жизнью для защиты своего отечества. Но теперь, когда частые международные сношения — торговые, общественные, научные, художественные — так сблизили народы между собой, что всякая война между европейскими народами представляется чем-то в роде семейного раздора, нарушающего самые священные связи людей, когда сотни обществ мира и тысячи статей, не только специальных, но и общих газет, не переставая, на все лады разъясняют безумие милитаризма и возможность и даже необходимость уничтожить войну; теперь, когда — и это самое главное — все чаще и чаще приходится военным выступать не против внешних врагов для защиты от нападающих завоевателей или для увеличения славы и могущества своего отечества, а против безоружных фабричных или крестьян, — гарцование на лошадке в украшенном галунами мундирчике и щегольское выступание перед ротами уже становится не пустым, но простительным тщеславием, как это было прежде, а чем-то совсем другим.

В старину, хотя бы при Николае I, никому и в голову не приходило, что войска нужны преимущественно для того, чтобы стрелять по безоружным жителям. Теперь же в столицах и фабричных местах постоянно расположены войска с целью быть готовыми разогнать собирающихся рабочих, и редкий месяц проходит без того, чтобы войска не выводили из казарм с боевыми патронами и не ставили в скрытом месте с тем, чтобы они всякую минуту были готовы стрелять по народу.

Употребление войск против народа сделалось не только обычным явлением, но войска уже вперед формируются так, чтобы быть готовыми для этого своего употребления. Правительство не скрывает того, что распределение рекрутов по частям делается умышленно такое, чтобы солдаты никогда не были взяты из тех мест, где они стоят. Делается это с той целью, чтобы солдатам не пришлось стрелять в своих родных.

Германский император прямо, при всяком наборе рекрутов, говорил и говорит (речь 23 мая 1901 г.), что присягнувшие ему солдаты принадлежат ему и телом и душой, что у них только один враг — это его враг, и что враг этот социалисты (т. е. рабочие), которых солдаты должны, если он велит им, застрелить (niederschliessen), хотя бы это были их родные братья или даже родители.

Кроме того в прежние времена, если войска и употреблялись против людей из народа, то те, против кого они употреблялись, были, или по крайней мере считались, злодеями, готовыми убивать и разорять

мирных жителей, и поэтому для общего блага полагалось нужным уничтожить их. Теперь же все знают, что те, против кого высылаются войска, большей частью смирные, трудолюбивые люди, желающие только беспрепятственно пользоваться плодами своих трудов. Так что главное и постоянное употребление войск в наше время состоит уже не в воображаемой защите от неверных и вообще внешних врагов и не от злодеев бунтовщиков, врагов внутренних, а в том, чтобы убивать своих безоружных братьев, которые вовсе не злодеи, а смирные, трудолюбивые люди, желающие только, чтобы у них не отнимали то, что они зарабатывают. Так что военная служба в наше время, когда главное назначение ее в том, чтобы угрозой убийства и убийством удерживать поработанных людей в тех несправедливых условиях, в которых они находятся, — уже не только не благородное, но прямо подлое дело.

И потому офицерам, служащим теперь, необходимо подумать о том, кому они служат, и спросить себя, хорошо или дурно то, что они делают?

Знаю я, что есть много офицеров, в особенности из высших чинов, которые разными рассуждениями на тему о православии, самодержавии, целостности государства, неизбежности всегдашней войны, необходимости порядка, несостоятельности социалистических бредней и т. п. стараются доказать самим себе, что деятельность их разумна, полезна и не имеет в себе ничего безнравственного. Но они в глубине души сами не верят в то, что говорят, и чем они умнее и чем старше делают-ся, тем меньше верят в это.

Помню, как радостно поразил меня мой приятель и сослуживец, очень честолобивый человек, всю жизнь свою посвятивший военной службе и достигший высших чинов и отличий (генерал-адъютанта и генерала артиллерии), когда он сказал мне, что сжег свои записки о войнах, в которых участвовал, потому что изменил свой взгляд на военное дело и всякую войну считал теперь дурным делом, которое надо не поощрять, занимаясь им, а, напротив, всячески дискредитировать. Многие офицеры думают так же, хотя и не говорят этого, пока служат. В сущности же, всякому мыслящему офицеру и нельзя думать иначе. Ведь стоит только подумать о том, что, начиная с младших чинов, и до самых старших, до корпусного командира, составляет занятие всех офицеров? От начала и до конца их службы — я говорю про фронтовых офицеров — деятельность их, за исключением редких и коротких периодов, когда они идут на войну и заняты убийством, — состоит в достижении двух целей: в обучении солдат умению наилучшим образом убивать людей и приучении их к такому послушанию, при котором они механически, без рассуждений делали бы всё то, что им прикажет начальник. Встарину говорили: «двух запори, одного выучи» и так и делали. Если теперь процент забитых меньше, то принцип остается

тот же. Нельзя довести людей до того не животного, но машинного состояния, в котором они делали бы самое противное природе человека и исповедуемой ими вере дело, именно убийство по приказанию всякого начальника, без того, чтобы, не были произведены над этими людьми, кроме хитрых обманов, еще и самые жестокие насилия. Так это и делается.

Недавно во французской прессе наделало шуму изобличение журналистом тех ужасных мучений, которым подвергаются солдаты в дисциплинарных батальонах, на острове Olegon в шести часах езды от Парижа. Наказываемым связывали руки с ногами на спине и так бросали на землю, надевали на пальцы закинутых за спину рук винты, закручивая их до того, что каждое движение производило ужаснейшую боль, подвешивали ногами кверху и т. п.

Когда мы видим обученных зверей, которые исполняют противное их природе: собаки ходят на передних лапах, слоны вертят бочки, тигры играют с львами и т. п., — мы знаем, что все это достигнуто мучениями голода, арапника и раскаленного железа. То же самое мы знаем, когда видим людей, которые в мундирах с ружьями замирают в неподвижности или делают в раз одно и то же движение: бегают, прыгают, стреляют, кричат и т. п., вообще производят те красивые смотры и маневры, которыми так любят и хвастаются друг перед другом императоры и короли. Нельзя вытравить из человека все человеческое и довести его до состояния машины, не мучая его и не мучая не просто, а самым утонченным жестоким образом, вместе мучая и обманывая.

И это все делаете вы — офицеры. В этом, кроме редких случаев, когда вы идете на настоящую войну, состоит вся ваша служба, от высших чинов до низших.

К вам приходит из семьи переселенный на другой конец света юноша, которому внушено, что обманная, запрещенная евангелием, присяга, которую он принял, бесповоротно связывает его вроде того, как положенный на пол петух с проведенной от носа чертой думает, что он связан этой чертой. Он приходит к вам с полной покорностью и надеждой, что вы, старшие, более умные и ученые, чем он, люди, научите его всему хорошему. Вы же, вместо того, чтобы освободить его от тех суеверий, которые он принес с собою, прививаете ему еще новые, самые бессмысленные, грубые и вредные суеверия о святости знамени, о почти божеском значении царя, об обязательности безотговорочного во всем подчинения начальству. И когда вы с помощью выработанных в вашем деле приемов одурения людей доводите его до положения ниже животного, такого, в котором он готов убивать всех, кого велют, даже своих безоружных братьев, — вы с гордостью показываете его начальству и получаете за это благодарности и награды. Самому быть

убийцей ужасно, но хитрыми и жестокими приемами довести до этого своих, доверившихся вам, братьев — есть самое страшное преступление. И его-то вы совершаете, и в этом состоит вся ваша служба. Неудивительно поэтому, что среди вас, больше чем во всякой другой среде, процветает всё то, что может заглушить совесть: курение, карты, пьянство, разврат, и чаще всего бывают самоубийства.

«Соблазны должны войти в мир, но горе тем, через кого они входят».

Вы говорите часто, что служите потому, что если вы бы не служили, то нарушился бы существующий порядок и произошли бы смуты и всякого рода бедствия.

Но, во-первых, неправда то, что вы озабочены поддержанием существующего порядка: вы озабочены только своими выгодами.

Во-вторых, если бы даже воздержание ваше от военной службы и нарушало существующий порядок, то это никак бы не доказывало, что вам надо продолжать делать дурное дело, а только то, что порядок, разрушающийся от вашего воздержания, — должен быть уничтожен.

Если бы существовали самые полезные учреждения: больницы, школы, богадельни, содержимые на доходы с домов терпимости, то вся польза, приносимая этими благотворительными учреждениями, никак не могла бы удержать в ее положении женщину, желающую освободиться от своего постыдного ремесла.

«Я не виновата, — скажет женщина, — что вы устроили свои благодетельные учреждения на разврате. Я не хочу более быть развратной, а до ваших учреждений мне дела нет». То же должен сказать и всякий военный, если ему будут говорить о необходимости поддерживать существующий порядок, основанный на его готовности к убийству. «Устройте общий порядок так, чтобы для него не нужно было убийства, — должен сказать военный, — и я не буду нарушать его. Я только не хочу и не могу быть убийцей».

Говорят еще многие из вас: «Я был воспитан так, я связан своим положением и не могу выйти из него». Но и это неправда. Вы всегда можете выйти из вашего положения. Если же вы не выходите из него, то только потому, что предпочитаете жить и действовать против своей совести, чем лишиться некоторых мирских выгод, которые вам дает ваша бесчестная служба. Только забудьте, что вы офицер, а вспомните, что вы человек, и выход из вашего положения сейчас же откроется вам. Выход этот, самый лучший и честный, состоит в том, чтобы, собрав часть, которой вы командуете, выйти перед нею и попросить у солдат прощения за всё то зло, которое вы им сделали, обманывая их, и перестать быть военным. Поступок этот кажется очень смелым и требующим большого мужества, а между тем для такого поступка

гораздо меньше мужества, чем для того, чтобы идти на штурм или вызвать на дуэль за оскорбление мундира, — то, что вы, как военный, всегда готовы сделать и делаете.

Но и не будучи в состоянии поступить так, вы всегда можете, если поняли преступность военной службы, уйти из нее и предпочесть ей всякую другую, хотя и менее выгодную, деятельность.

Если же вы не можете и этого сделать, то решение для вас вопроса о том, будете ли вы продолжать служить или нет, отложится до того времени, — а это для всякого скоро наступит, — когда вы будете стоять лицом к лицу с безоружной толпой крестьян или фабричных и вам приказано будет стрелять в них. И тогда, если в вас еще осталось что-либо человеческое, вы должны будете отказаться повиноваться и вследствие этого уже оставить службу.

Я знаю, что много еще есть офицеров от высших до низших чинов, которые так невежественны или загипнотизированы, что не видят необходимости ни в том, ни в другом, ни в третьем выходе и спокойно продолжают служить и при теперешних условиях, готовы стрелять по своим братьям и даже гордятся этим; но, к счастью, общественное мнение всё более и более отвращением и презрением казнит таких людей, и число их становится всё меньше и меньше.

Так что в наше время, когда братоубийственное назначение войска стало очевидным, нельзя уже офицерам не только продолжать старинные предания военного самодовольного молодечества, но нельзя уже без сознания своего человеческого унижения и стыда продолжать преступное дело обучения убийству простых, доверяющих им людей и самим готовиться к участию в убийстве безоружных жителей.

Вот это должен понимать и помнить всякий мыслящий и совестливый офицер нашего времени.

1901. 7 декабря. Гаспра.

(Толстой, Л. Н. Офицерская памятка / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 34. — С. 284—290).

Листовка с текстом работы Л. Н. Толстого «Офицерская памятка»

ОФИЦЕРСКАЯ ПАМЯТКА

Л.Н. Толстой

А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской. Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.

(Мф. XVIII, 6, 7).

Во всех солдатских помещениях висит привитая к стене так называемая «Солдатская памятка», составленная генералом Драгомировым. Памятка эта есть набор мнимо солдатских народных (совершенно чуждых всякому солдату) плуто-уларских слов, перемешанных с кощунственными цитатами из Библии. Еврейские изречения приведены в подтверждение того, что солдаты должны убивать, зубами грызть своих врагов: «сломились штык, бей кулаками, отказались кулаки, шепсели зубами». В заключение же «Памятки» сказано, что бог есть генерал солдат: «Бог ваш генерал!»

Ничто очевиднее этой «Памятки» не доказывает ту ужасную степень невежества, рабской покорности и озверения, до которых дошли в наше время русские люди. С тех пор, как появилось это ужаснейшее кощунство и было введено во всех казармах, а это уж очень давно, ни один начальник, ни священник, которых, казалось, прежде касается извращение смысла евангельских текстов, не выразил осуждения этого отвратительному произведению, и оно продолжает печататься в миллионах экземпляров и читаться миллионными солдатами, принимая участие в ужасном осуждении за руководство их действительности.

Памятка эта давно возмущала меня, и теперь, боюсь, что я не успею до смерти сделать это, я написал обращение к солдатам, в котором стараясь напомнить им о том, что они, как люди и христиане, имеют совсем другие обязанности перед богом, чем те, которые выставляются в этой памятке. Такое напоминание, я думаю, нужно не одним солдатам, но еще более офицерам (под офицерство я разумею всё военное начальство от прилоршного до генерала), которое поступает в военную службу или остается в ней не по принуждению, как солдаты, а по собственной охоте. Напоминание это, мне кажется, особенно нужно в наше время.

Ведь хорошо было лет 100 или 50 тому назад, когда война считалась неизбежным условием жизни народов, когда люди того народа, с которым велась война, считались варварами, неверными или злодеями и когда и в голову не приходило военным, чтобы они были нужны для подавления и усмирения своего народа, — хорошо было тогда надев пестрый, обшитый

галунами, мундирчик, ходить, гремя саблєю и позванивая шпорами, или гарцевать перед полком, воображая себя героем, если еще и не пожертвовавшим, то все-таки готовым жертвовать жизнью для защиты своего отечества. Но теперь, когда частые международные сношения — торговые, общественные, научные, художественные — так сблизили народы между собой, что всякая война между европейскими народами представляется чем-то в роде семейного раздора, нарушающего самую священную связь людей, когда сотни обществ мира и тысячи статей, не только специальных, но и общих газет, не переставая, на все лады разъясняют безумие милитаризма и возможность и даже необходимость уничтожить войну; теперь, когда — и это самое главное — всё чаще и чаще приходится военным выступать не против внешних врагов для защиты от нападающих завоевателей или для увеличения славы и могущества своего отечества, а против безоружных фабричных или крестьян, — гарцевание на лошаде в украшенном галунами мундирчике и щегольское выступление перед ротами уже становится не пустым, но преступлением тщеславием, как это было прежде, а чем-то совсем другим.

В старину, хотя бы при Николае I, никому и в голову не приходило, что войска нужны промышленно для того, чтобы стрелять по безоружным жителям. Теперь же в столицах и фабричных местах постоянно расположены войска с целью быть готовыми разогнать собирающихся рабочих, и редкий месяц проходит без того, чтобы войска не вывозили из казарм с боевыми патронами и не ставили в секретном месте с тем, чтобы они всякую минуту были готовы стрелять по народу.

Употребление войск против народа сделалось не только обычным явлением, но войска уже вперед формируются так, чтобы быть готовыми для этого своего употребления. Правительство не скрывает того, что распределение рекрутов по частям делается умышленно такое, чтобы солдаты никогда не были взяты из тех мест, где они стоят. Делается это с тою

целью, чтобы солдатам не пришлось стрелять в своих родных.

Германский император прямо, при всяком наборе рекрутов, говорит и говорит (речь 23 мая 1901 г.), что присягнувшим ему солдатам принадлежало ему и телом и душой, что у них только один враг — это его враг, и что враг этот социальности (т. е. рабочие), которых солдаты должны, если они велит им, застрелить (niederschliessen), хотя бы это были их родные братья или даже родители.

Кроме того в прошлые времена, если войска и употреблялись против людей из народа, то те, против кого они употреблялись, были, или по крайней мере считались, злодеями, готовыми убивать и разорять мирных жителей, и поэтому для общего блага полагалось нужным уничтожить их. Теперь же все знает, что те, против кого выслаются войска, большей частью смирные, трудолюбивые люди, желающие только беспрепятственно пользоваться плодами своих трудов. Так что главное и постоянное употребление войск в наше время состоит уже не в воображаемой защите от неверных и вообще внешних врагов и не от злодеев бунтовщиков, врагов внутренних, а в том, чтобы убивать своих безоружных братьев, которые вовсе не злодеи, а смирные, трудолюбивые люди, желающие только, чтобы у них не отнимали то, что они зарабатывают. Так что военная служба в наше время, когда главное назначение ее в том, чтобы угрожать убийствам и убийством удирать порабощенных людей в тех несправедливых условиях, в которых они находятся, — уже не только не благородное, но прямо падкое дело.

И потому офицерам, служащим теперь, необходимо подумать о том, кому они служат и спросить себя, хорошо или дурно то, что они делают?

Знаю я, что есть много офицеров, в особенности из высших чинев, которые разными рассуждениями на тему о правосавии, самодержавии, целостности государства, неизбежности всеобщей армии, необходимости порядка, несостоятельности социалистических брадений и т. п. стараются доказать самим себе, что деятельность их разумна, полезна и не имеет в себе ничего безнравственного. Но они в глубине души сами не верят в то, что говорят, и чем они умнее и чем старше делаются, тем меньше верят в это.

Помню, как радостно поразило меня мой приятель и сослуживец, очень честный и добрый человек, всю жизнь свою

С. С. О. Ж.

посвятившей военной службе и достигший высших чинов и отличий (генерал-адъютанта и генерала артиллерии), когда он сказал мне, что жмет свои запястья о войска, в которых участвовал, потому что изменил свой взгляд на военное дело и всякую войну считает теперь дурным делом, которое надо не поощрять, занимаясь им, а, напротив, всячески дискредитировать. Многие офицеры думают так же, хотя не говорят этого, пока службы. В сущности же, всему мыслящему офицеру и нельзя думать иначе. Ведь стоит только подумать о том, что, начиная с младших чинов и до самых старших, до корпусного штабс-капитана, составляет занятие всех офицеров? От начала и до конца их службы - я говорю про фронтовых офицеров - деятельность их, за исключением редких и коротких периодов, когда они идут на войну и заняты обучением, - состоит в достижении двух целей: в обучении солдат именно наилучшим образом убивать людей и приучении их к такому поведению, при котором они механически, без раздумий делали бы всё то, что им приказат начальники. В старину говорили: «дуки запови, одного выучи» и так и делали. Если теперь процент займать меньше, то принцип остается тот же. Нельзя довести людей до того не животного, но машинного состояния, в котором они делали бы самое противное природе человека и исповедуемой ими вере дело, именно убийство, по приказанию всякого начальника, без того, чтобы не были проведены над этими людьми, кроме хитрых обманов, еще и самые жестокие насилия. Так это и делается.

Недавно во французской прессе наделало шуму изображение журналистом тех ужасных мучений, которым подвергаются солдаты в дисциплинарных батальонах, на острове Олерон, в шести часах езды от Парижа. Называемые связывали руки с ногами на спине и так бросали на землю, надавливая на большие пальцы зажатых в стиснух рук винты, заворачивая их до того, что каждое движение производило ужаснейшую боль, подвешивали ногами вверх и т. п.

Когда мы видим обученных зверей, которые исполняют противное их природе: собаки ходят на передних лапах, слоны вертят бочки, тигры играют с львами и т. п., - мы знаем, что всё это достигнуто мучениями голода, арканом и раскаленным железом. То же самое мы знаем, когда видим людей, которые в мушкетрах с ружьями замирают в неподвижности или делают в раз одно и то же движение: бегают, прыгают, ступают, кричат и т. п., вообще производят те самые гротески и маневры, которыми так любят и хавают до жидкого перед дулом императоры и короли. Нельзя вытравить из человека всё человеческое и довести его до состояния машины, не мучая его и мучая не просто, а самым утонченным, жестоким образом, самым мучая и обманывая.

И это всё делаете вы - офицеры. В этом, кроме больших случаев, когда вы идете на настоящую войну, состоит вся ваша служба, до высших чинов до низших.

К вам приходит из семьи переселенный на другой

Ведь совершенно очевидно, что если мы будем продолжать жить так же, как теперь, руководясь как в частной жизни, так и в жизни отдельных государств одним желанием блага себе и своему государству, и будем, как теперь, обеспечивать это благо насильем, то, неизбежно увеличивая средства насилия друг против друга и государства против государства, мы, во - первых, будем все больше и больше разоряться, переносим большую часть своей производительности на вооружение; во - вторых, убивая в войнах друг против друга физических лучших людей, будем все более и более вырождаться и нравственно падать и разрушаться.

Л. Н. Толстой

конец света юноша, которому внушено, что та обманная, запрещенная евангелием, присяга, которую он принял, бесповоротно связывает его в роде того, как положенный на пол лету с поведенной от неса чертой думает, что он связан этой чертой. Он приходит к вам с полной покорностью и надеждой, что вы, старшие, более умные и ученье, чем он, люди, научите его всему хорошему. Вы же, вместо того, чтобы освободить его от тех суеверий, которые он принес с собою, прививаете ему еще новые, самые бессмысленные, грубые и вредные суеверия о святости знамени, о почти божеском значении шара, об обязанности безотговорочного во всем подчинения начальству. И когда вы с помощью выработанных в вашем деле приемов одурения людей доводите его до положения ниже животного, такого, в котором он готов убивать всех, кого велит, даже своих безоружных братьев, - вы с гордостью показываете его начальству и получаете за это благодарности и награды. Самому быти убийцей ужасно, но хитрыми и жестокими приемами доводите до этого своих, доверившихся вам, братьев - ещите самое страшное преступление. И его-то вы совершаете, и в этом состоит вся ваша служба.

Неудивительно поэтому, что среди вас, большие вы во всякой другой среде, процветает то, что может заглушить совесть: курение, карты, пьянство, разврат, и чаще всего бывает самоубийство.

«Соблазны должны быть в мир, но горе тем, через кого они входят».

Вы говорите часто, что служите потому, что если вы бы не служили, то нарушились бы существующий порядок и произошли бы смуты и всякого рода бедствия.

Но, во-первых, неправда то, что вы озлоблены поддержанием существующего порядка: вы озлоблены только своими выгодами. Во-вторых, если бы даже воздержание ваше от военной службы и нарушало существующий порядок, то это никак бы не доказывало, что вам надо продолжать делать дурное дело, а только то, что порядок, разрушающийся от вашего воздержания, - должен быть уничтожен.

Если бы существовали самые полезные учреждения: больницы, школы, богадельни, содержимые на доходы с домов терпимости, то вся польза, приносимая этими благотворительными учреждениями, никак не могла бы удержать в ее положении женщину, желающую освободиться от своего постыдного ремесла.

«Я не виновата», - скажет женщина, - что вы устроили свои благотворительные учреждения на разврате. Я не хочу более быть развратной, а до ваших учреждений мне дела нет». То же должен сказать и всякий военный, если ему будут говорить о необходимости поддерживать существующий

Ц. С. О. Ж.

порядок, основанный на его готовности к убийству. «Устройте общий порядок так, чтобы для него не нужно было убийства», - должен сказать военный, - и не буду нарушать его. Я только не хочу и не могу быть убийцей».

Говорит еще многие из вас: «Я был воспитан так, я связан своим положением и не могу выйти из него. Но это неправда. Вы всегда можете выйти из вашего положения. Если же вы не выходите из него, то только потому, что предпочитаете жить и действовать против своей совести, чем лишиться некоторых мирских выгод, которые вам дает ваша бесчестная служба. Только забудьте, что вы офицер, а вспомните, что вы человек, и выйдите из вашего положения сейчас же отсюда с вами. Выход этот, самый лучший и честный, состоит в том, чтобы собрать часть, которой вы командуете, чтобы перед нею и попрощать у солдат прощания за всё то зло, которое вы им сделали, обманывая их, и перестать быть военным. Поступок этот кажется очень смелым и требующим большого мужества, а между тем для такого поступка нужно гораздо меньше мужества, чем для того, чтобы идти на штурм или вызвать на дуэль за оскорбление мундира - то, что вы, как военный, всегда готовы сделать и делаете».

Но и не будучи в состоянии поступить так, вы также можете, если почли преступною военную службу, уйти из нею и предложить ей всякую другую, которую вы видите выгодную, деятельность.

Если же вы не можете и этого сделать, то решение для вас вопроса о том, будете ли вы продолжать служить или нет, отложится до того времени, - а это для всякого скоро наступит, - когда вы будете стоять лицом к лицу с безоружной толпой крестьян или фабричных и вам приказано будет стрелять в них. И тогда, если в вас еще осталось что-либо человеческое, вы должны будете отказаться повиноваться и вследствие этого уже оставить службу.

Я знаю, что много еще есть офицеров от высших до низших чинов, которые так неосведомлены или заигноризированы, что не видят необходимости и в том, ни в другом, ни в третьем выходе и спокойно продолжают служить и при переходных условиях, готовы стрелять по своим братьям и даже гордиться этим, но, к счастью, общественное мнение все более и более отвращения и презрения квинит таких людей, и число их становится всё меньше и меньше.

Так что в наше время, когда братоубийственное назначение войска стало очевидным, нельзя уже офицером не только продолжать старинные предания военного самодовольного молодчества, но нельзя уже без сознания своего преступного унижения и стыда продолжать целое дело обучения убийству простых, доверчивых им людей и самим готовиться к участию в убийстве безоружных жителей.

Вот это должен понимать и помнить всякий мыслящий и совестливый офицер нашего времени.

1901, 7 Октября, Гаспра.

ПИСЬМО К ФЕЛЬДФЕБЕЛЮ

Вы удивляетесь на то, что солдат учат тому, что людей можно убивать в известных случаях и на войне, тогда как в том писании, которое признается священным теми, которые так учат, — нет ничего подобного на такое разрешение, а есть обратное: запрещение не только всякого убийства людей, но и всякого оскорбления других людей, запрещение делать другим то, чего себе не хочешь. Вы спрашиваете: не обман ли это, и если это обман, то в угоду кого он сделан?

Да, это обман, сделанный в угоду тех, которые привыкли жить потом и кровью других людей и которые для этой цели извратили и извращают учение Христа, данное людям для их блага, теперь же, в своем извращенном положении, сделавшееся главным источником всех бедствий людей.

Произошло это таким образом.

Правительству и всем тем лицам высших сословий, примыкающих к правительству и живущим чужими трудами, нужно иметь средство для властвования над рабочим народом; средство для этого есть войско. Защита от внешних врагов — только отговорка. Немецкое правительство пугает свой народ русскими и французами, французское — пугает свой народ немцами, русское правительство пугает свой — французами и немцами, и так все правительства; а ни немцы, ни русские, ни французы не только не желают воевать с соседями и другими народами, а, живя с ними в мире, пуще всего на свете боятся войны. Правительства же и высшие праздные классы для того, чтобы иметь отговорку в своем властвовании над рабочим народом, поступают, как цыган, который нахлещет за углом лошадь и потом делает вид, что не может удержать ее. Они раздражают свой народ и другое правительство, а потом делают вид, что для блага или для защиты своего народа не могут не объявить войны, которая опять-таки выгодна бывает только для генералов, офицеров, чиновников, купцов и вообще богатых классов. В сущности же война только неизбежное последствие существования войск; войска же нужны правительствам только для властвования над своим рабочим народом.

Дело это преступное, но хуже всего в нем то, что правительства для того, чтобы иметь разумное основание своей власти над народом, должны делать вид, что они исповедуют самое высшее, известное людям религиозное учение, т. е. христианское, и в этом учении воспитывают своих подданных. Учение это, по существу своему, противно не только убийству, но и всякому насилию, и потому правительствам для того, чтобы властвовать над народом и считаться христианскими,

нужно было извратить христианство и скрыть истинный смысл его от народа и тем лишить людей того блага, которое принес им Христос.

Извращение это христианства сделано давно, еще при причисленном за это к лику святых злодее царе Константине. Все последующие же правительства, особенно наше, стараются всеми силами удержать это извращение и не дать народу увидеть истинный смысл христианства, потому что, увидав истинный смысл христианства, народ понял бы, что правительства с своими податями, солдатами, острогами, виселицами и обманщиками-жрецами суть не только не столпы христианства, какими они себя выставляют, а величайшие враги его.

Вследствие этого извращения и происходят те обманы, которые поразили вас, и все те страшные бедствия, от которых страдает народ.

Народ задавлен, ограблен, нищ, невежествен, вымирает. Отчего? Оттого, что земля в руках богачей, народ закабален на фабриках, заводах, в заработках, потому что с него дерут подати и сбивают цену с его работы и набивают цену на то, что ему нужно. Как избавиться от этого? Отнять землю у богачей? Но если сделать это, — то придут солдаты, перебьют бунтовщиков и посадят в тюрьмы. Отнять фабрики, заводы? Будет то же. Выдержать стачку? Но это никогда не удастся. Богачи дольше выдержат, чем рабочие, войска будут всегда на стороне капиталистов. Народ никогда не выкрутится из той нужды, в которой его держат, до тех пор, пока войска будут во власти правящих классов.

Но кто же такие те войска, которые держат народ в этом порабощении? Кто те солдаты, которые будут стрелять по крестьянам, завладевшим землей, и по стачечникам, если они не расходятся, и по контрабандистам, привозящим товары без подати, — которые будут сажать в остроги и держать там тех, которые откажутся платить? Солдаты — это те самые крестьяне, у которых отобрана земля, те самые стачечники, которые хотят повысить свой заработок, те плательщики податей, которые хотят избавиться от этих платежей.

Зачем же стреляют эти люди по своим братьям? А затем, что им внушено, что для них обязательна та присяга, которую их заставляли принимать при поступлении на службу, и что убивать нельзя людей вообще, но можно по приказанию начальства, т. е. над ними производится тот же самый обман, который поразили вас. Но тут является вопрос: каким образом могут здравомыслящие люди, часто грамотные и даже образованные, верить такой очевидной лжи? Как бы мало ни был образован человек, он все-таки не может не знать, что Христос, во имя которого его учат убийству, не только не разрешал убийства, но учил кротости, смирению, прощению обид, любви к врагам; не может не видеть того, что поэтому он не может, на основании христианского учения, обещаться вперед убивать всех тех, кого ему велят.

Вопрос в том, как могут здравомыслящие люди верить, как верили и теперь верят все, теперь служащие в военной службе, такому очевидному обману? Ответ на этот вопрос в том, что обманываются люди не одним этим обманом, а с детства готовятся к этому целым рядом обманов, целой системой обманов, которая называется православною верою и которая есть не что иное, как самое грубое идолопоклонство. По этой вере люди обучаются тому, что бог тройной, что, кроме этого тройного бога, есть еще царица небесная, и, кроме этой царицы, еще иконы разные, тела которых не сгнили, и, кроме угодников, еще иконы богов и царицы небесной, которым надо ставить свечи и молиться руками, и что самое важное и святое на свете — эта та мурцовка, которую из вина и булки делает поп по воскресеньям за перегородкой, — что после того, как поп над этим пошепчет, то вино будет не вино и булка — не булка, а кровь и тело одного из тройных богов и т. п. Всё это так глупо, бессмысленно, что нет никакой возможности понять, что всё это значит, да и те, которые преподают эту веру, не велят понимать, а велят только верить; и приученные к этому с детства люди [верят] во всякую бессмыслицу, которую им скажут. Когда же люди так одурачены, что верят в то, что бог висит в углу или сидит в кусочке мурцовки, которую им поп дает на ложечке, что целовать доску или мощи и ставить к ним свечи бывает полезно и для этой жизни и для будущей, — тогда их зовут на службу и там уж обманывают, как хотят, уверяя их, что по закону Христа можно убивать, и заставляя их прежде всего клясться на Евангелии (в котором запрещено клясться), что они будут делать то самое, что запрещено в этом Евангелии, и потом обучая их тому, что убивать людей по приказанию начальства не грех, а грех не повиноваться начальству и т. п.

Так что обман солдат в том, что им внушается то, что можно без греха убивать людей по приказанию начальства, не стоит отдельно, а связан с целой системой обманов, без которых этот обман был бы недействителен.

Только человек, который совсем одурен той ложной, называемой православною верой, которая выдается ему за христианскую, может поверить тому, что для христианина нет греха в том, чтобы поступать в военную службу, обещая слепо повиноваться всякому человеку, который будет считаться выше чином, и, по воле другого человека, обучаться убийству и совершать это самое страшное запрещенное всеми законами, преступление.

Человек, свободный от обмана так называемой православной ложной христианской веры, никогда не поверит этому.

Оттого и происходит то, что так называемые сектанты, т. е. христиане, отвергающие учение православия и признающие учение Христа,

как оно изложено в Евангелиях и в особенности в нагорной проповеди, никогда не попадают на этот обман, и всегда отказывались и отказываются от солдатства, признавая его не совместимым с христианством и предпочитая нести всякого рода истязания, как это и теперь делают сотни и тысячи людей в России (духоборы, молокане), в Австрии (назарены), в Швеции, Швейцарии и Германии (евангелики). Правительство знает эхо и потому ни за чем не следит с таким страхом и вниманием, как за тем, чтобы общий церковный обман, без которого невозможно его власть, совершался бы с самого детства над всеми детьми и непрестанно поддерживался бы так, чтобы один человек не миновал его. Правительство всё допускает: и пьянство, и разврат (и не только допускает, но поощряет пьянство и разврат: это помогает одурению), но всеми силами противится тому, чтобы люди, освободившиеся от обмана, освобождали и других.

Русское правительство особенно жестоко и коварно совершает этот обман. Оно предписывает всем своим подданным, в противном случае угрожая за это наказанием, крестить в младенческом возрасте своих детей в лживую, так называемую православную веру. Когда же дети окрещены, т. е. считаются православными, тогда под страхом уголовного наказания им запрещается обсуждать ту веру, в которую они, помимо своей воли, были окрещены, и за такое обсуждение этой веры так же, как за отступление от нее и переход в другую, они подвергаются наказаниям. Так что про русских людей нельзя сказать, что они верят в православную веру, — они не знают, верят ли они, или не верят, потому что обращены все в эту веру тогда, когда они были младенцами; держатся же этой насильно навязанной им веры страхом наказания. Все русские люди пойманы в православие коварным обманом и жестоким насилием удерживаются в нем.

Пользуясь той властью, которую оно имеет, правительство распространяет и поддерживает обман, обман же поддерживает его власть.

И потому единственное средство избавления людей от всех его бедствий состоит в освобождении их от ложной веры, внушаемой им правительством, и усвоении того истинного христианского учения, которое скрыто этим ложным учением. Истинное христианское учение это — очень просто, ясно и всем доступно, как и сказал это Христос. Но просто оно и доступно только тогда, когда человек свободен от той лжи, в которой мы все воспитаны и которую нам выдают за божескую истину.

Нельзя влить ничего нужного в сосуд, который полон ненужным. Надо прежде вылить из него ненужное. Так и в усвоении истинного христианского учения. Надо прежде понять, что все рассказы о том, как бог будто бы 6000 лет тому назад сотворил мир, и как Адам согрешил,

и как пал род человеческий, и сын бога и бог, родившись от девы, пришел в мир и искупил его, и все басни Библии и Евангелия, и все жития святых и рассказы о чудесах, иконах и мощах — суть не что иное, как грубое смешение суеверий еврейского народа с обманами духовенства. Только человеку, совершенно освободившемуся от этих обманов, может быть доступно и понятно простое и ясное учение Христа, которое не требует никаких толкований и которое нельзя не понять.

Учение это ничего не говорит ни о начале, ни о конце мира, ни о боге и об его замыслах, вообще о том, чего мы знать не можем, да нам и не нужно знать, а говорит только о том, что нужно делать человеку для того, чтобы спастись, т. е. прожить наилучшим образом ту жизнь от рождения до смерти, в которую он пришел в этот мир. Для этого нужно поступать с другими так, как мы хотим, чтобы поступали с нами. В этом весь закон и пророки, как сказал Христос. Для того же, чтобы нам поступать так, нам не нужно ни икон, ни мощей, ни церковных служб, ни попов, ни священных историй, ни катехизисов, ни правил, а, напротив, нужна совершенная свобода от всего этого; потому что поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобою, может только человек, свободный, от тех басен, которые жрецы выдают ему за единую истину, и не связанный с другими людьми обещаниями поступать так, как они велят ему. Только тогда будет человек в состоянии исполнять волю не свою и не других людей, а волю бога.

Воля же бога состоит не в том, чтобы мы воевали и угнетали слабых, а в том, чтобы признавали всех людей братьями и служили друг другу.

Вот те мысли, которые во мне вызвало ваше письмо. Очень рад буду, если они будут содействовать уяснению занимающих вас вопросов.

(Толстой, Л. Н. Письмо к фельдфебелю / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1928—1958. — Т. 90. — С. 54—59).

Листовка с текстом работы Л. Н. Толстого «Письмо фельдфебелю»

ПИСЬМО К ФЕЛЬДФЕБЕЛЮ

Л. Н. Толстой, том 90

Вы удивляетесь на то, что солдат учит тому, что людей можно убивать в известных случаях и на войне, тогда как в том Писании, которое признается священным теми, которые так учат - нет ничего подобного на такое разрешение, а есть обратное: запрещение не только всякого убийства людей, но и всякого оскорбления других людей, запрещение делать другим то, что себе не хочешь. Вы спрашиваете: не обман ли это, и если это обман, то у кого кто он сделан? Да, это обман, сделанный в угоду тех, которые привыкли жить попи и кровью других людей и которые для этой цели извратили и извращают учение Христа, данное людям для их блага, теперь же, в своем извращенном положении, сделавшись главными источниками всех бедствий людей. Прощайло это таким образом. Правительству и всем тем лицам высших сословий, примыкающих к правительству и живущим чужими трудами, нужно иметь средство для владения над рабочим народом; средство для этого есть война. Защита от внешних врагов - той самой отговорки. Немецкое правительство пугает свой народ русскими и французами, французское - пугает свой народ немцами, русское правительство пугает свой - французами и немцами, и так все правительства: а ни немцы, ни русские, ни французы не только не желают воевать с соседями и другими народами, а жияя с ними в мире, лучше всего на свете боятся войны. Правительства эти и высшие правящие классы для того, чтобы иметь отговорку в своем владении над рабочим народом, поступают, как царь, который напечатывает на утюг посылку и потом делает вид, что не может удержать ее. Они разрабатывают свой народ и другое правительство, а потом делают вид, что для блага или для защиты своего народа не могут не объявить войны, которая опять-таки выгода бывает только для генералов, офицеров, чиновников, купцов и вообще богатых классов. В сущности же война только неизбежное последствие существования войско; война же нужна правительствам только для владения над своим рабочим народом. Дело это преступное, но хуже всего в нем то, что правительства для того, чтобы иметь разумное основание своей власти над народом, должны делать вид, что они исповедуют самое высшее, известное людям религиозное учение, т. е. христианское, и в этом учении воспевают своих поданных. Учение это, по существу своему, противно не только учению, но и всякому насилию, и потому правительствам для того, чтобы владеть над народом и считаться христианами, нужно было извратить христианство и скрыть истинный смысл его от народа и тем лишить людей того блага, которое принес им Христос.

Извращение это христианство сделано давно,

еще при приписанном за это к лицу святых злодею царе Константине. Все последующие акты правительства, особенно наше, стараются всеми силами удержать это извращение и не дать народу увидеть истинный смысл христианства, потому что, увидев истинный смысл христианства, народ понял бы, что правительства со своими податями, солдатами, острогами, виселицами и обманщиками-жрецами суть не только не столпы христианства, какими они себя выставляют, а величайшие враги его. Вследствие этого извращения и происходит те обманы, которые поразили нас, и все те страшные бедствия, от которых страдает народ.

Народ давлен, ограблен, нищ, невежествен, вымирает Отчего? Оттого, что земля в руках богатых, народ закабален на фабриках, заводах, а заработок, потому что с него дерут подати и сбивают цену с его работы и набивают цену на то, что ему нужно. Как избавиться от этого? Отнять землю у богатей? Но если сделать это - то придут солдаты, переберут бунташники и посадят в тюрьмы. Отнять фабрики, заводы? Будет то же. Выдерут станку? Но это никогда не удастся. Богачи дольше выдержат, чем рабочие, войска будут всегда на стороне капиталистов. Народ никогда не вырвется из той нужды, в которой его держат, до тех пор пока войска будут во власти правящих классов.

Но же так такие войска, которые держат народ в этом порабощении? Кто те солдаты, которые будут стрелять по крестьянам, завладевшим землей, и по стачечникам, если они не раскосятся, и по контррабандистам, привозящим товары без подати - которые будут сажать в остроги и держать там тех, которые откажутся платить? Солдаты - это те самые крестьяне, у которых отобрана земля, те самые повстанческие подданные, которые хотят избавиться от этих платежей.

Зачем же стреляют эти люди по своим братьям? А затем, что им вменяемо, что для них обязательна та присяга, которую их заставляли принимать при поступлении на службу, и что убивать нельзя людей вообще, но можно по приказанию начальства, т. е. над ними производится тот же самый обман, который поразили нас. Но тут является вопрос: каким образом могут здравомыслящие люди, часто грамотные и даже образованные, верить такой очевидной лжи? Как бы мало ни был образован человек, он все-таки не может не знать, что Христос, во имя которого его учат убийству, не только не разрешал убийства, но учил кротости, смиренню, прощению обид, любви к врагам; не может не видеть того, что поэтому он не может на основании христианского учения общаться вперед убивать всех тех, кого ему велят.

Вопрос в том, как могут здравомыслящие люди верить, как верили и верят все, теперь служащие в военной службе, такому очевидному обману? Ответ на этот вопрос в том, что обманываются люди не одним этим обманом, а с детства подготовляются к этому целым рядом обманов, целой системой обманов, которая называется православною верою и которая есть не что иное, как самое грубое обманоположение. По этой вере люди обучаются тому, что Бог тройной, что, кроме этого тройного Бога, есть еще Царница Небесная, и, кроме этой царницы, еще угодники разные, тела которых не сгнили, и, кроме угодников, еще иконы богов и царницы небесной, которым надо ставить свечи и молиться русским, и что самое важное и светлое на свете - это та мушкетера, которую из вина и булки делают полп по воскресеньям за перерогодой - что после того, как пол над этим пошечет, то вино будет не вино и булка - не булка, а кровь и тело одного из тройных богов и т. п. Все это так глупо, бессмысленно, что нет никакой возможности понять, что все это значит, да и те, которые преподают эту веру, не хотят понимать, а велят только верить. И причисленные к этому с детства люди [верят] во всякую бессмыслицу, которую им скажут. Когда же люди так одурочены, что верят в то, что

Очевидец рассказывает, что он в нынешнюю русско-японскую войну увидел, войдя на палубу «Варяга». Зрелище было ужасно. Везде кровь, обрывки человеческого мяса, туловища без голов, оторванные руки, запах крови, от которого тошнило самых привычных. Боевая баня более всех пострадала. Гранату разорвало на ее вершине и убило молодого офицера, который руководил наводкой. От несчастного осталась только скатая рука, державшая инструмент. Из четырех людей, бывших с командиром, два были разорваны в куски, два другие сильно ранены (то те, о которых я рассказывал и которым отрезали обе ноги и потом должны были еще раз отрезать их); командир отделался ударом осколка в висок.

И это не все. Нейтральные не могут прийти на свои пароходы раненых, потому что гангрена и горячка заразительны.

Гангрена и гнойные госпитальные заражения составляют вместе с голодом, пожаром, разорениями, болезнями, тифом, оспой тоже часть военной славы-таковой войны.

А между тем Жозеф Местр так воспевал благоденствие войны: «Когда человеческая душа вследствие изнеженности теряет свою упругость, становится неуверующей и усваивает гнилостные пороки, которые следуют за излишними цивилизациями, она может быть восстановлена только в крови».

Господин Воилов, академик, так же, как и г. Брюнетьер, говорят почти то же самое.

Но бедняки, из которых делается лучшее мясо, имеют право не соглашаться с этим.

К несчастью, они не имеют мужества своих убеждений. От этого все зло. При-выкнув издавна позволять убивать себя ради вопросов, которые они не понимают, они продолжают это делать, воображая, что все идет очень хорошо.

От этого-то теперь там лежат трупы, которые под ворой поедают юрские раки. В то время когда карточек разбавили все вокруг них, едва ли они рады были думать, что все это делается для их блага, чтобы восстановить душу их современников, потерявшую свою упругость от излишней цивилизации.

Несчастные, вероятно, не читали Жозефа Местра. Я советую раненым читать его Мистру двумя перекладками.

Они узнают, что война так же необходима, как и палач, потому что, как и он, она есть проявление справедливости Бога.

И эта великая мысль: Будет слышим ли утешением в то время, когда пила хирурга будет распиливать их кости. В «русских вальдистских» я прочел рассуждение о том, что выгода России в том, что у нее неинституциный человеческий материал.

Для детей, у которых убит отец, у жены - мужья, у матери - сына, материал этот истощается скоро.

Из частного письма русской матери.
Март, 1904 г.

Бог висит в углу или сидит в кусочке муршкови, которую им поп дает на ложечке, что целовать доху или мощи и ставить к ним свечки бывает полезно и для этой жизни, и для будущей — тогда их хвост на службу и там уж обманывать, как хотят, уверяя их, что по закону Христа можно убивать, и заставляя их прежде всего кланяться на Евангелии (в котором запрещено кланяться), что они будут делать то самое, что запрещено в этом Евангелии, и потом обучат их тому, что убивать людей по приказанию начальства не грех, а грех не повиноваться начальству и т.п.

Так что обман согласен в том, что им вышестоящее, что можно без греха убивать людей по приказанию начальства, не стоит отдельно, а связан с целой системой обманов, без которых этот обман был бы недействителен. Только человек, который совсем одурен той ложной, называемой православной верой, которая выдает ему за православную, может поверить тому, что для христианина нет греха в том, чтобы поступать в военную службу, обещая слепо повиноваться всякому человеку, который будет считаться выше чина, и, в топе другого человека, обучаться убийству и совершать это самое страшное запрещенное всеми законами, преступление.

Человек, свободный от обмана так называемой православной ложной христианской веры, никогда не поверит этому.

Оттого и происходит то, что так называемые декреты, т.е. христиане, отвергающие учение православия и признающие учение Христа, как оно изложено в Евангелиях и в особенности в Нагорной проповеди, никогда не попадают на этот обман, и всегда отказывались и отказываются от согласия, признавая его не совместимым с христианством и предпочитая нести всякого рода испытания, как это и теперь делают сотни и тысячи людей в России (духоборы, малоклане), в Австрии (назариты), в Швеции, Швейцарии и Германии (евангелисты). Правительство знает это и потому ни за чем не спешит с таким страхом и вниманием, как за тем, чтобы общий церковный обман, без которого невозможна его власть, совершался бы с самым детоватом над всеми делами и непрестанно поддерживался бы так, чтобы ни один человек не вынул его. Правительство все допускает: и мильство, и разврат (и не только допускает, но поощряет пьянство и разврат: это помогает одурению), но всеми силами противится тому, чтобы люди, освободившиеся от обмана, освобождались и других.

Русское правительство особенно жестоко и свирепо совершает этот обман. Оно предписывает своим своим подданным, в противном случае угрожая за это наказание, крестить в младенческом возрасте своих детей в ложную, так называемую православную веру. Когда же дети окрепнут, т.е. считаются православными, тогда под страхом уголовного наказания им запрещается обречь веру, в которую они, помимо своей воли, были окрещены, и за такое обожжение этой же так же, как за отступление от нее и переход к другой, они подвергаются наказанию. Так что тысячи людей неกล้า сказать, что они верят

в православную веру — они не знают, верят ли они, или не верят, потому что обращены все в эту веру тогда, когда они были младенцами; держатся же этой насильно навязанной им веры страхом наказания. Все русские люди поиманы в православие коварным обманом и жестоким насилием удерживаются в нем.

Пользуясь той властью, которую оно имеет, правительство распространяет и поддерживает обман, обман же поддерживает его власть.

И потому единственное средство избавления людей от всех его бедствий состоит в освобождении их от ложной веры, внушаемой им правительством, и усвоении того истинного христианского учения, которое скрыто этим ложным учением. Истинное христианское учение это — очень простое, ясно и всем доступное, как и сказал это Христос. Но просто оно и доступно только тогда, когда человек свободен от той лжи, в которой мы все воспитаны и которую нам выдают за Божескую истину.

Нельзя влить ничего нужного в сосуд, который полон ненужным. Надо прежде вылить из него ненужное. Так и в усвоении истинного христианского учения. Надо прежде понять, что все рассказы о том, как Бог будто бы 6000 лет тому назад сотворил мир, и как Адам согрешил, и как пал род человеческий, и сын Бога и Бог, родившись от Девы, пришел в мир и искупил его, и все басни Библии и Евангелия, и все жития святых и рассказы о чудесах, никоим и не может — тут не что иное, как грубое смешение суеверий еврейского народа с обманом духовенства. Только человек, совершенно освободившись от этих обманов, может быть доступным и понятым простое и истинное учение Христа, которое не требует никаких толкований и которое нельзя не понять.

Учение это ничего не говорит ни о начале, ни о конце мира, ни о Боге и об его замыслах, вообще о том, чем мы знать не можем, да нам и не нужно знать, а говорит только о том, что нужно делать человеку для того, чтобы спасется, т.е. прожить наилучшим образом ту жизнь от рождения до смерти, в которую он пришел в этот мир. Для этого нужно поступать с другими так, как мы хотим, чтобы поступали с нами. В этом весь закон и проповедь, как сказал Христос. Для того же, чтобы нам поступать так, нам не нужно ни юмок, ни мощей, ни церковных служб, ни попов, ни священников, историй, ни катехизисов, ни правительства, а, напротив, нужна совершенная свобода от всего этого; потому что поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой, может только человек, свободный от тех басен, которые жрецы выдают ему за единую истину, и не связанный с другими людьми обещаниями поступать так, как они велит ему. Только тогда будет человек в состоянии исполнять волю не свою и не других людей, а волю Бога.

Воля же Бога состоит не в том, чтобы мы воювали и унетали слабых, а в том, чтобы признавали всех людей братьями и служили друг другу.

Бог те мысли, которые во мне вызвало ваше письмо. Очень рад буду, если они будут содействовать усению занимающих вас вопросов.

НЕ УБИЙ

8 августа 1900 года
Отрывок

Люди толпы так загнилотизированы, что видят и не понимают значения того, что постоянно совершается перед ними. Они видят постоянную заботу всех королей, императоров, президентов о дисциплинированном войске, видят те смотры, парады, маневры, которые они делают, которыми хвастаются друг перед другом, и с увлечением бегают смотреть на то, как их братья, наряженные в дурачки, пестры, блестящие одежды, под звуки барабанов и труб превращаются в машины и, по крику одного человека, делают все в раз одно и то же движение и не понимают того, что это значит. Но ведь значение этого очень просто и ясно: это не что иное, как приготовление к убийству.

Это — одурение людей для того, чтобы сделать их орудиями убийства. И делают это, и заводят это, и гордятся этим только короли, императоры и президенты. И они-то, специально занятые убийством, сделавшие себе профессию из убийства, всегда носящие военные мудрилы и орудия убийства — шлагги на боку, уязвуются и возмущаются, когда убивают одного из них.

Л.Н. Толстой

Удивительно, до какой степени, благодаря дипломатам и журналистам, может самое ничтожное несогласие превратиться в священную войну. Когда Англия и Франция объявили войну России в 1856 году, то это произошло по такскому ничтожному обстоятельству, что надо долго рыться в дипломатических архивах, чтобы понять эту причину. А вместе с тем последствиями этого странного недоразумения была смерть 500 тысяч добрых людей и израсходование от 5 до 6 миллиардов. В сущности, причины были, но такие, в которых не признаются. Наполеон III хотел посредством союза с Англией и частливой войны утвердить свою преступного происхождения власть; русские хотели захватить Константинополь; англичане хотели утвердить могущество своей торговли и помешать влиянию русских на Востоке. Под одним или другим видом это всегда тот же дух завоевания и насилия.

Рише

К. В. Стволыгин

**ОТКАЗЫ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ
ВСЛЕДСТВИЕ УБЕЖДЕНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

РЕЗЮМЕ

В монографии исследуются теоретический аспект проблемы отказов от военной службы вследствие убеждений; характер этих отказов у подданных Российской империи; обусловленность, сущность и противоречивость российской государственной политики в отношении лиц, отказывающихся вследствие убеждений от военной службы. Раскрывается опыт организации альтернативной гражданской службы российских меннонитов в лесных командах. По результатам проведенного исследования автором сформулированы выводы, уроки и практические рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование практики освобождения граждан от военной службы вследствие их убеждений, использования института альтернативной службы в современных условиях.

Ключевые слова: отказы от военной службы, пацифистские убеждения, религиозные убеждения альтернативная гражданская служба, меннониты.

K. Stvolygin

**REFUSALS TO SERVE IN THE ARMED FORCES
THROUGH CONVICTIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE**

ABSTRACTS

In the monography are investigated the theoretical aspect of the problem of refusal to serve in the armed forces through convictions, the character of the refusal of citizens of the Russian Empire, conditionality, essence and discrepancy of the Russian state policy towards people refusing to serve through. The experience of the organization of alternative civil service of Russian mennonites in wood teams is described. As a result of the research implemented by the author conclusions, lessons and the practical recommendations aimed at further improvement of the practice of liberation by the author conclusions, lessons and the practical recommendations of citizens from military service because of their convictions the use of the alternative service under modern conditions are formulated.

Key words: refusal to serve in the armed forces, pacifistic convictions, religious convictions, alternative civil service, mennonites.

Научное издание

Стволыгин Константин Владимирович

**ОТКАЗЫ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ
ВСЛЕДСТВИЕ УБЕЖДЕНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Монография

Компьютерная верстка *О. П. Дуль*
Корректор *Е. И. Корсунская*

Подписано в печать 29.12.2010. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 14,42. Уч.-изд. л. 14,38. Тираж 100 экз. Заказ 149.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
ЛИ № 02330/0548535 от 16.06.2009.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.